

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИЦЕЙСКАЯ АКАДЕМИЯ

Автономная некоммерческая организация высшего образования

ВЕСТНИК МПА ВПА

(сборник научных трудов)

Выпуск 9

Правовое и экономическое обеспечение
цифровизации профессионального образования:
проблемы и решения

Номер Свидетельства
о регистрации СМИ в
Роскомнадзоре и дата
выдачи

№ Эл № ФС77-82060
от 05 октября 2021 г.

Подписано в печать
02.06.2026

Размещено на сайте
11.06.2026

Тула 2026

Вестник МПА ВПА (сборник научных трудов). Вып. 9. Правовое и экономическое обеспечение цифровизации профессионального образования: проблемы и решения. Тула., МПА ВПА. 2026- 150с.

Bulletin of the I P A VPA (collection of scientific papers). Issue 9. Legal and economic support for digitalization of vocational education: problems and solutions. Tula., MPA VPA. 2026, - 150p.

Данное издание размещено на сайте 11.06. 2026

С правилами подачи статей можно ознакомиться на сайте www.mpavpa.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Карпов Е.Б.

Ректор АНО ВО «МЕЖДУНАРОДНАЯ

ПОЛИЦЕЙСКАЯ АКАДЕМИЯ», канд. эконом.

наук, доктор психологических наук, профессор;

РЕДАКЦИЯ сетевого издания **Вестник МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИЦЕЙСКОЙ АКАДЕМИИ ВПА (сборник научных трудов):**

Баранов А.Н.

Заведующий кафедрой экономики и менеджмента АНО ВО «Международная полицейская академия», канд. техн. наук, доц.;

Заславский М.П.

Проректор по НИР и ИТ АНО ВО «Международная полицейская академия», канд. техн. наук, доц.;

Маркс Ю.А.

Заведующая кафедрой гражданского права и процесса Тульского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), канд. полит. наук, доц.;

Овчинникова Г.В.

Профессор каф. Германской и романской филологии фта Романо-германских языков ФГБОУ ВО «Государственный университет просвещения», доктор филол. наук, проф., Москва;

Орлова Е.А.

Профессор кафедры Общей психологии факультета Психологии Института общественных наук ФГБОУ ВО РАНХиГС, доктор психологи. наук, проф., Москва;

Орлихина Н.Е.

Аппарат правительства Тульской области, помощник сенатора РФ, доктор пед. Наук, доц.;

Оськин М.В.

Профессор кафедры психологии, педагогики и гуманитарных дисциплин АНО ВО «Международная полицейская академия», доктор ист. наук;

Осипов М.Ю.

Старший научный сотрудник НИИОТ АНО ВО «Международная полицейская академия», канд.юр.наук;

Поляков В.А.

Тульский филиал ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», профессор кафедры «Экономика и менеджмент», д.э.н., доцент;

Токарев В.Л.

Профессор кафедры информационной безопасности ФГБОУ ВО «ТулГУ», доктор техн. наук, доц., Тула;

Чернявский В. С.

доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН. Заслуженный Юрист Российской Федерации, Москва

Шалашников Г.В.

Доцент кафедры гуманитарных и специальных дисциплин Тульского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), канд. филос. наук.

Оглавление

РАЗДЕЛ 1. ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ ТЕХНИКО – ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ПРОЦЕССАМИ.....	6
Дооталиев А.С. Тулемышева Б.И. Цифровая трансформация технико-экономических процессов и её влияние на эффективность и производительность предприятия.....	6
Лясковская Н.В. Проблемы эффективности работы бизнеса в 2026 году.....	22
Мигай А.Ю. Современные тенденции развития малого бизнеса в Тульской области..	26
Поляков В.А. Юдина О.В. Эффективные инструменты управления дебиторской задолженностью.....	30
Сизов Л.А. Перспективы выхода на новые траектории устойчивого развития.....	34
Щепакин К.М. Мотивирование и стимулирование персонала ООО «Наука».....	38
РАЗДЕЛ 2. ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ИННОВАЦИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	44
Михед А.Д., Месик Н.Ю. Применение технического зрения и макета кисти в образовательном процессе.....	44
Михед А.Д. Сохибов Н.М. Статистический анализ продаж товаров при использовании языка Python.....	49
Осипов М. Ю. К вопросу об оценке информационно-технологического потенциала образовательных организаций высшего образования.....	55
Щепотьев А.В. Практика работы на крипто-биржах и на электронных биржевых площадках с использованием демо-счетов как инструментарий подготовки экономистов.....	69
РАЗДЕЛ 3. ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.....	73
Кривенко С.В. Криминализация преступлений в сфере цифровых знаний.....	73
Маркс Ю.А. Гражданско-правовое регулирование каршеринга в Российской Федерации.....	81
Ошевнев О.Е. Участие прокурора в рассмотрении дел о защите прав и законных интересов несовершеннолетних в суде первой инстанции.....	87
Смирнов Р.Г. Отечественный и зарубежный опыт привлечения к уголовной ответственности за преступления в сфере цифровых знаний.....	95
Тхакумачев Б.Ю. Использование технологий искусственного интеллекта в доказывании по уголовным делам: проблемы и перспективы правового регулирования.....	101
Шалашников Г.В. Белева О.В. Участие прокурора в рассмотрении дел о защите прав и законных интересов несовершеннолетних в судах апелляционной и кассационной инстанций.....	110
Ярославцева А.Е. Юридическая сущность договора каршеринга и его соотношение с иными договорными конструкциями.....	116
РАЗДЕЛ 4 ПСИХОЛОГО – ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО – ЛИЧНОСТНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ.....	122
Карпов И.Е. Эволюция образовательного ландшафта: геймификация как инструмент интенсификации обучения в АНО ВО «МПА» И АНО ПО «СТК».....	122
Курдюмова Н.Л., Шулепова А.Н. Современный взгляд на социально-психологические барьеры в общении молодежи.....	126
Мороз Т.С. Шубинская Э.Б. Психологические причины конфликтов у молодых супружеских пар.....	134

Пушмина Т.В. Роль эмпатии в психолого-педагогическом сопровождении профессионально-личностного самоопределения будущих психологов: стадийный подход.....	139
РАЗДЕЛ 5. ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В СФЕРЕ ЮРИСПРУДЕНЦИИ, ЭКОНОМИКИ И КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ.....	145
Миронова А.В Роль переводчиков в обеспечении этических стандартов в кибербезопасности.....	145

РАЗДЕЛ 1. ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ ТЕХНИКО – ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ПРОЦЕССАМИ

УДК 658.5:004.9:658.012.4

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ТЕХНИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ И ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ПРЕДПРИЯТИЯ

Дооталиев Алик Сейткулович

Первый проректор, профессор, Международный университет Кыргызстана

E-mail: dootaliev@list.ru

ORCID ID: 0009-0001-3077-1813

(Бишкек, Кыргызстан)

Тулемышева Бермет Ильичбековна

доктор PhG направления «экономика», и. о. доцента, Факультет
Инновационного Дистанционного обучения, Международный Университет
Кыргызстана,

E-mail: 19Bermet@mail.ru

ORCID ID: 0009-0007-1004-6722

(Бишкек, Кыргызстан)

Аннотация В данной статье проводится комплексный анализ влияния цифровой трансформации на технико-экономические процессы предприятий. Рассматриваются архитектура цифровых моделей, барьеры внедрения и государственные инициативы на примере Кыргызской Республики. Предложена методология системного реинжиниринга и даны стратегические рекомендации для успешной адаптации бизнеса к цифровой экономике.

Ключевые слова: цифровая трансформация, технико-экономические процессы, инновации, производительность, цифровизация, бизнес-модель, Кыргызстан.

Введение. Современная парадигма глобального экономического развития характеризуется беспрецедентной по своим масштабам и глубине интеграцией информационно-коммуникационных технологий во все сферы производственной и коммерческой деятельности. Данный процесс, получивший в академическом и экспертном сообществе устойчивое определение «цифровая трансформация», выступает фундаментальным драйвером Четвертой промышленной революции (Индустрия 4.0). В условиях нарастающей волатильности мировых рынков, усложнения логистических цепочек и ужесточения конкурентной борьбы традиционные экстенсивные методы повышения производительности труда и наращивания капитала демонстрируют

стремительное снижение предельной полезности. В связи с этим адаптация технико-экономических процессов предприятия к условиям цифровой среды становится не просто одним из возможных сценариев стратегического развития, а критически важным императивом, определяющим саму возможность выживания хозяйствующего субъекта в долгосрочной перспективе.

Для глубокого понимания феномена цифровой трансформации необходимо концептуализировать само понятие технико-экономического процесса. В классической экономической теории и теории управления производством под технико-экономическим процессом понимается сложный, многомерный синтез двух взаимозависимых контуров: технологического и экономического. Технологический контур охватывает физические алгоритмы преобразования сырья и материалов в готовую продукцию, включая режимы работы оборудования, логистику перемещения материальных ценностей, нормирование труда и контроль качества. Экономический контур, в свою очередь, представляет собой систему стоимостной оценки данных физических преобразований, включающую механизмы калькулирования себестоимости, бюджетирования, финансового планирования, ценообразования и распределения добавленной стоимости. Исторически эти два контура функционировали в условиях значительного временного лага и информационной асимметрии: экономическая оценка производственных операций производилась постфактум, на основе дискретных и зачастую устаревших данных, что лишало менеджмент возможности оперативно реагировать на технологические сбои или рыночные флуктуации.

Цифровая трансформация радикально устраняет этот институциональный и технологический барьер. За счет внедрения киберфизических систем, технологий промышленного интернета вещей (Industrial Internet of Things, IoT) и облачных вычислений предприятие обретает способность формировать единую, бесшовную информационную магистраль. В этой новой архитектуре технологические и экономические данные генерируются, передаются и анализируются в режиме реального времени, что позволяет создать абсолютно прозрачную среду принятия управленческих решений. Оборудование самостоятельно передает данные о своем износе, система предиктивной аналитики мгновенно пересчитывает амортизационные отчисления и стоимость будущего ремонта, а модуль управления цепочками поставок автоматически формирует заказ на комплектующие с учетом их текущей рыночной стоимости. Таким образом, технико-экономический процесс трансформируется из линейного и дискретного в циклический, непрерывный и высокоадаптивный.

Актуальность данного исследования приобретает особое значение в контексте институциональной и макроэкономической среды стран Содружества Независимых Государств (СНГ) и Евразийского экономического союза (ЕАЭС). С момента утверждения концепции «Цифровой повестки ЕАЭС» в 2016 году государства-члены взяли курс на формирование единого цифрового пространства, что сделало цифровизацию ключевым драйвером инновационного развития всего региона. Для экономик переходного типа, к которым относится

экономика Кыргызской Республики, цифровая трансформация открывает уникальное «окно возможностей». Будучи государством, не имеющим выхода к морю и сталкивающимся с объективными логистическими ограничениями, Кыргызстан делает стратегическую ставку на развитие цифровой экономики как главного инструмента преодоления географических барьеров и интеграции в глобальные цепочки создания стоимости. Переход отечественных предприятий на цифровые рельсы способен обеспечить форсированный рост их конкурентоспособности, привлечь иностранные инвестиции и диверсифицировать структуру национального экспорта.

Несмотря на очевидные преимущества, практическая реализация стратегий цифровой трансформации на микроуровне сопряжена с колоссальными трудностями. Как показывает анализ новейших эмпирических данных за период 2022-2026 годов, процесс перехода к цифровой модели управления сопровождается системным сопротивлением организационной среды, дефицитом квалифицированных инженерных и управленческих кадров, а также существенными финансовыми рисками. Зачастую предприятия осуществляют так называемую «ложную цифровизацию», которая сводится к банальной закупке программного обеспечения без реинжиниринга фундаментальных бизнес-процессов. Это приводит к неоправданному росту капитальных затрат без какого-либо ощутимого эффекта на уровне производительности труда и возврата на инвестиции.

Следовательно, существует острая научно-практическая потребность в формировании комплексной, адаптивной и научно обоснованной методологии цифровой трансформации технико-экономических процессов, которая учитывала бы как передовые достижения мировой технологической мысли, так и специфические институциональные условия стран СНГ и Кыргызской Республики в частности. Настоящее исследование направлено на восполнение данного пробела. Основная цель отчета заключается во всестороннем и исчерпывающем анализе механизмов влияния цифровой трансформации на показатели операционной эффективности, совокупной факторной производительности и стратегической конкурентоспособности предприятий. Особое внимание будет уделено рассмотрению архитектуры цифровых бизнес-моделей, оценке барьеров и драйверов внедрения инноваций, а также анализу результатов реализации государственных программ поддержки цифровой экономики, таких как Концепция цифровой трансформации Кыргызской Республики на 2024–2028 годы. Полученные выводы и рекомендации призваны послужить надежным ориентиром для топ-менеджмента корпоративного сектора, субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП), а также архитекторов государственной экономической политики.

Методология развития

Проектирование, адаптация и последующее масштабирование цифровой трансформации на уровне промышленного или сервисного предприятия представляет собой процесс высочайшей степени сложности, требующий отказа от фрагментарного внедрения технологий в пользу системного, холистического

подхода [7, 6]. Методология развития технико-экономических процессов в условиях цифровизации базируется на постулате, согласно которому технология сама по себе не генерирует добавленную стоимость; экономический эффект возникает исключительно на стыке технологических инноваций и глубокой организационной перестройки [2, 12]. В современной академической литературе данный концепт получил название конфигурации «двойного привода технологии и организации» (technology-organization dual-driven), что подразумевает синхронное изменение как IT-инфраструктуры, так и корпоративной культуры [11].

Первым и наиболее критичным этапом методологии является стратегический аудит и комплексная диагностика уровня цифровой зрелости предприятия [8]. Прежде чем инициировать инвестиции в сквозные технологии, менеджмент обязан получить объективную картину текущего состояния материально-технической базы, уровня цифровой грамотности персонала и степени регламентации бизнес-процессов [15]. Оценка цифровой зрелости включает в себя картографирование всех информационных потоков (value stream mapping) с целью выявления так называемых «узких горлышек» — точек, в которых наблюдаются наибольшие потери времени, дублирование функций или искажение информации [12]. Анализ должен охватывать не только производственный цех, но и финансовый департамент, службу управления персоналом, логистический блок и маркетинг [8]. Именно на этом этапе формируется понимание того, какие процессы подлежат оптимизации, какие требуют полного реинжиниринга, а от каких следует отказаться вовсе [7, 7].

Вторым фундаментальным принципом предлагаемой методологии выступает концепция «Digital First» (Цифровой по умолчанию), которая в настоящее время активно имплементируется в систему государственного управления Кыргызской Республики и является эталонным стандартом для корпоративного сектора [1, 3]. Суть данного принципа заключается в строгом запрете на простую «оцифровку хаоса». Процесс трансформации не должен сводиться к сканированию бумажных документов или переводу рутинных бюрократических процедур в электронный формат [13]. Напротив, реинжиниринг процессов должен осуществляться таким образом, чтобы данные изначально рождались, верифицировались и хранились исключительно в защищенных цифровых регистрах, полностью исключая необходимость человеческого вмешательства для их подтверждения [10]. Применение концепции «Digital First» позволяет радикально снизить транзакционные издержки, ускорить цикл оборачиваемости капитала и минимизировать риск ошибок, обусловленных пресловутым человеческим фактором [11, 12].

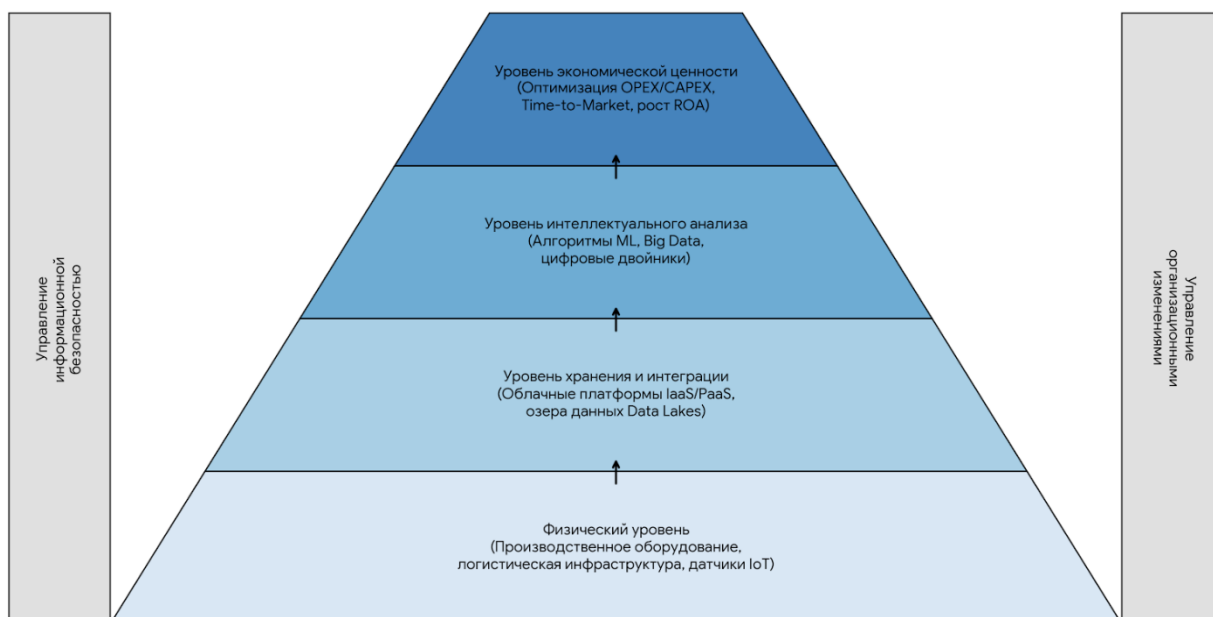
Третий вектор методологического контура заключается в построении архитектуры интегрированных сквозных технологий. В контексте производственных и коммерческих предприятий стран СНГ наиболее значительный экономический эффект демонстрирует синергетическое внедрение следующих компонентов информационно-технологического базиса [2].

В основе сбора первичных данных лежит Промышленный интернет вещей (IoT). Оснащение станков, транспортных средств и конвейерных линий массивами высокочувствительных сенсоров позволяет конвертировать физическое движение механизмов в непрерывный цифровой код [6]. Эта телеметрия является сырьем для следующего уровня архитектуры — систем Больших данных (Big Data) и бизнес-аналитики [14]. Данные технологии, перешедшие от простых статистических таблиц к методам глубокого интеллектуального анализа (data mining), способны обрабатывать петабайты информации в реальном времени, выявляя скрытые корреляции между качеством сырья, параметрами работы оборудования и процентом брака [5, 14].

Для хранения и обработки этих колоссальных объемов информации методология предписывает переход на облачные вычисления (Cloud Computing) [10]. Использование инфраструктурных моделей SaaS (программное обеспечение как услуга), PaaS (платформа как услуга) и IaaS (инфраструктура как услуга) позволяет предприятиям отказаться от содержания дорогостоящих локальных серверов [15]. Особенно это актуально для субъектов малого и среднего предпринимательства, для которых перенос инфраструктуры в защищенные центры обработки данных (ЦОД) становится механизмом выживания и обеспечения отказоустойчивости [7, 13].

Вершиной технологической пирамиды в рамках архитектуры выступают технологии симуляционного моделирования и цифровые двойники (Digital Twins). В капиталоемких отраслях, таких как строительство, машиностроение и энергетика, создание виртуальной копии физического актива позволяет проводить имитационные эксперименты, стресс-тесты и оптимизацию режимов эксплуатации без малейшего риска для реального производственного процесса [2, 6]. Цифровой двойник непрерывно обменивается данными со своим физическим оригиналом, формируя замкнутый контур предиктивного управления [5].

Диаграмма 1. Концептуальная архитектура цифровой трансформации технико-экономических процессов

Четвертым, и, как показывает практика, наиболее критическим компонентом методологии является управление организационными изменениями (Change Management) [8]. Систематические обзоры литературы подтверждают, что сопротивление персонала является главным ингибитором цифровизации. Трансформация вызывает у сотрудников обоснованный страх потери рабочих мест в результате автоматизации, фрустрацию из-за нехватки цифровых компетенций и естественное психологическое отторжение нарушений привычного статус-кво. В связи с этим методология требует внедрения антропоцентричного подхода (people-centric approach). Предприятие обязано формировать культуру непрерывного обучения (life-long learning), инвестировать в программы повышения цифровой грамотности и создавать кросс-функциональные команды [8]. Крайне эффективным методом преодоления сопротивления является запуск пилотных проектов. Пилотирование представляет собой инструмент с низким уровнем риска, позволяющий протестировать новые алгоритмы на ограниченном участке, продемонстрировать их эффективность сомневающимся сотрудникам и сформировать кадровый резерв «агентов изменений» перед полномасштабным развертыванием системы [11, 8].

Завершающим элементом методологии является интеграция механизмов информационной безопасности и киберустойчивости [14]. Перевод критически важных технико-экономических процессов в цифровую среду делает предприятие крайне уязвимым перед внешними угрозами. Обеспечение безопасности данных, защита коммерческой тайны и поддержание бесперебойности работы серверов становятся базовыми потребностями, аналогичными физической охране периметра завода [14]. Внедрение криптографических алгоритмов, распределенных реестров и строгих протоколов аутентификации должно осуществляться на этапе проектирования системы (Security by Design), что гарантирует целостность информационных потоков и доверие со стороны контрагентов [10, 14].

Обсуждение результатов

Анализ имплементации представленной методологии в реальный сектор экономики стран СНГ, и, в частности, Кыргызской Республики, позволяет констатировать наличие масштабных и многомерных сдвигов в структуре технико-экономических показателей [1, 3]. Результаты трансформации носят системный характер и проявляются как на микроэкономическом уровне (в рамках операционной деятельности отдельных хозяйствующих субъектов), так и на макроэкономическом уровне, детерминируя изменения в институциональной среде, формируемой государственными программами [2, 12].

На микроэкономическом уровне наиболее очевидным результатом цифровизации является качественное изменение структуры производственных и трансакционных издержек [11,12]. В классической парадигме управление затратами часто сводилось к экстенсивной экономии на фонде оплаты труда или закупках более дешевого (и, соответственно, менее качественного) сырья. Цифровая трансформация смещает фокус на выявление и ликвидацию скрытых потерь [12]. Внедрение систем промышленного интернета вещей (IoT) и предиктивной аналитики переводит обслуживание оборудования из реактивной фазы (ремонт после поломки) в предиктивную (прогнозирование и предотвращение отказа) [5]. Это не только сокращает прямые затраты на покупку запасных частей, но и радикально минимизирует убытки от незапланированных простоев производственных линий, повышая коэффициент технической готовности оборудования [6, 5].

Кроме того, эмпирические данные панельных исследований производственных компаний подтверждают, что цифровизация оказывает мощное стимулирующее воздействие на эффективность технологических инноваций [7]. Предприятия получают возможность сократить сроки и стоимость проведения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) за счет использования цифровых двойников [6]. Тестирование новых видов продукции, симуляция аэродинамических или термических нагрузок в виртуальной среде экономят колоссальные объемы материальных ресурсов [2]. Инновационная активность предприятий становится более целенаправленной и экономически обоснованной [7, 6].

Важнейшим аспектом, зафиксированным в ходе анализа, является трансформация механизмов управления цепочками поставок [5]. Цифровизация формирует единое информационное поле между производителем, поставщиками сырья и конечными дистрибьюторами [15]. Эта прозрачность позволяет практически полностью нивелировать так называемый эффект хлыста (bullwhip effect) — ситуацию, при которой незначительные колебания розничного спроса вызывают хаотичные и несоразмерные скачки объемов заказов на всем протяжении цепи поставок [5]. Синхронизация данных в реальном времени через облачные платформы позволяет предприятиям внедрять принципы бережливого производства (Just-in-Time), радикально сокращая объемы складских запасов и высвобождая замороженный оборотный капитал [12,10]. Интересно отметить, что чрезмерная концентрация клиентов (зависимость от одного или нескольких

крупных оптовиков) может выступать негативным модератором в этом процессе, ограничивая маневренность предприятия [15]. Однако активное развитие каналов электронной коммерции (e-commerce) предоставляет производителям инструменты для диверсификации клиентской базы и прямого выхода на конечного потребителя (модель D2C - Direct-to-Consumer) [7, 15].

Еще одним неочевидным, но стратегически важным результатом трансформации является смягчение проблемы финансовых ограничений [4]. Исследования показывают, что предприятия, активно внедряющие цифровые инструменты управления и бизнес-аналитики, характеризуются более высоким уровнем корпоративного управления и прозрачности финансовой отчетности [12]. Это существенно снижает информационную асимметрию между менеджментом компании и внешними кредиторами или инвесторами [4]. Как следствие, уровень доверия к таким предприятиям возрастает, что ведет к снижению стоимости заемного капитала и расширению доступа к кредитным линиям, необходимым для дальнейшей модернизации [2, 4].

Для систематизации влияния конкретных технологий на микроэкономические показатели предприятия целесообразно обратиться к структурированным данным, представленным в Таблице 1.

Таблица 1. Ключевые сквозные технологии и их влияние на технико-экономические показатели предприятия

Сквозная цифровая технология	Основной механизм действия в бизнес-процессах	Влияние на экономические метрики (финансовый контур)	Влияние на технические метрики (производственный контур)
Промышленный интернет вещей (IoT)	Непрерывный автоматизированный сбор телеметрии с датчиков оборудования в реальном времени.	Снижение операционных затрат (ОРЕХ) на техническое обслуживание на 20-30%, сокращение брака.	Рост коэффициента технической готовности (КТГ), переход к предиктивным ремонтам.
Большие данные (Big Data) и Аналитика	Интеллектуальный анализ массивов структурированной и неструктурированной информации.	Повышение точности прогнозирования спроса, оптимизация ценообразования, рост рентабельности.	Балансировка производственных нагрузок, оптимизация логистических маршрутов.
Облачные вычисления (Cloud)	Децентрализация ИТ-инфраструктуры, использование моделей SaaS, PaaS, IaaS.	Перевод капитальных затрат (CAPEX) в операционные, снижение барьеров для входа МСП.	Повышение масштабируемости, отказоустойчивости и гибкости ИТ-систем предприятия.

Цифровые двойники (Digital Twins)	Построение виртуальных симуляционных моделей физических активов и процессов.	Радикальное снижение затрат на НИОКР, прототипирование и натурные испытания продукции.	Ускорение цикла разработки и вывода новых продуктов на рынок (Time-to-Market).
Блокчейн и Смарт-контракты	Создание децентрализованных доверительных реестров для обмена данными и транзакциями.	Минимизация транзакционных издержек, исключение финансовых посредников из цепочки.	Обеспечение абсолютной неизменности данных о происхождении сырья и качестве продукции.

Источник: составлено автором на основе [2, 6, 15, 10, 5].

Переходя от микроуровня к макроэкономическому и институциональному контексту, необходимо детально проанализировать специфику цифровой трансформации в Кыргызской Республике [3]. Результаты свидетельствуют о том, что государственная политика играет абсолютно доминирующую роль в формировании экосистемы для корпоративной цифровизации [1]. Принятие стратегического документа — Концепции цифровой трансформации Кыргызской Республики на 2024–2028 годы — закрепило переход страны к модели «Государство как платформа» (State-as-a-Platform) [1]. Для технико-экономических процессов отечественных предприятий это означает тектонический сдвиг в способах взаимодействия с фискальными, регуляторными и статистическими органами [3, 10].

Ключевым достижением институциональной трансформации стало внедрение системы облачного хранения «Vulut», развертывание государственного облака «G-Cloud» и интеграция системы электронного документооборота «Infodocs» [10]. Исключительно важное значение для бизнес-среды приобрела инициатива Государственного предприятия «Инфоком» по массовой, бесплатной и дистанционной выдаче облачных электронных подписей (БЭК) юридическим и физическим лицам через мобильные приложения банков-партнеров (MBank, MegaPay, RSK Bank и др.) [10]. Создание единой системы межведомственного электронного взаимодействия «Түндүк» привело к резкому падению бюрократических издержек [1,3]. Предприятия избавлены от необходимости дублировать данные для различных инстанций, что высвобождает значительный объем рабочего времени административного персонала, позволяя перенаправить его на решение профильных экономических задач [8, 10].

Отдельного обсуждения заслуживают секторальные результаты цифровой трансформации в экономике страны. В традиционно консервативном агропромышленном комплексе (АПК) Кыргызстана наблюдаются системные сдвиги, направленные на повышение экспортного потенциала [9]. Инициативы Департамента инновационных технологий, проведение хакатонов серии «Digital Farmer» и интеграция с международными проектами (такими как проект KOPIA) способствуют внедрению цифрового учета в животноводстве [9]. Оцифровка

процессов сертификации продукции племенных хозяйств делает экспортное мясомолочное сырье прозрачным для международных рынков, что напрямую влияет на рентабельность фермерских хозяйств [9]. В транспортном секторе внедрение систем электронного билетирования «Tulpar» и цифровых разрешений на грузоперевозки E-PERMIT не только выводит денежные потоки из теневой экономики, но и предоставляет ценнейшие данные Big Data для оптимизации национальных логистических маршрутов, что косвенно снижает транспортные издержки для всех производственных предприятий республики [5, 14].

Несмотря на очевидные позитивные сдвиги, обсуждение результатов будет неполным без глубокого анализа ингибиторов и барьеров, препятствующих равномерному цифровому развитию [13]. Эмпирические социологические исследования и массовые опросы (N=1102), проведенные в Кыргызстане к началу 2024-2025 годов, вскрывают острую проблему гетерогенности цифрового ландшафта [3]. Зафиксирован колоссальный региональный инфраструктурный разрыв: если в столице (г. Бишкек) доступ к фиксированному широкополосному интернету имеют свыше 91% домохозяйств, то в периферийных регионах, таких как Баткенская область, этот показатель не превышает 47% [3,13]. Данный факт ставит производственные предприятия, расположенные в регионах, в крайне неравные конкурентные условия, ограничивая их возможность использовать облачные технологии и IoT [13].

Вторым критическим барьером, имеющим глубокую социокультурную подоплеку, является выраженный демографический разрыв в уровне цифровой грамотности [3]. Масштабные эмпирические исследования последних лет фиксируют тревожную асимметрию: в то время как показатель цифровых компетенций среди молодежи в возрастной группе от 18 до 29 лет достигает внушительных 81%, среди граждан старшей возрастной категории (старше 60 лет) этот индикатор обрушивается до критической отметки в 44% [3].

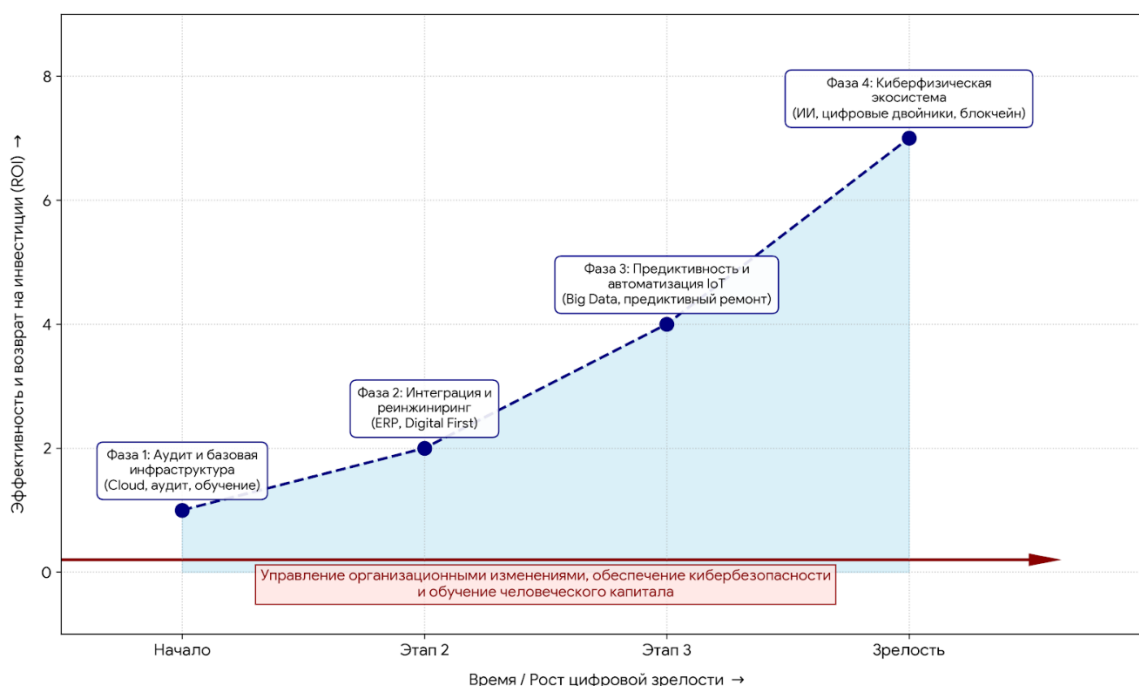
В специфических условиях промышленного производства, где управленческий костяк и наиболее опытный инженерно-технический состав зачастую представлены кадрами «советской закалки» и старшего поколения, данный разрыв порождает жесточайшее системное сопротивление внедрению современных корпоративных информационных систем, таких как ERP (планирование ресурсов предприятия) и CRM (управление взаимоотношениями с клиентами) [8]. Возникает парадоксальная и крайне опасная для бизнеса ситуация: наиболее ценный персонал, обладающий уникальными, накопленными десятилетиями технологическими знаниями и «чувством производства», оказывается функционально неспособным эффективно перенести эти экспертные данные в цифровую среду и работать с новыми интерфейсами управления. Это создает непреодолимый когнитивный барьер, который блокирует процессы глубокого реинжиниринга и делает невозможным создание полноценных цифровых двойников производственных систем [8].

Помимо человеческого фактора, институциональный контур трансформации сталкивается с серьезными материально-техническими и

экономическими вызовами. Так, результаты специализированных опросов представителей корпоративного сектора показывают, что 28% респондентов указывают на критический дефицит базовой ИТ-инфраструктуры, включая нехватку серверных мощностей и низкую пропускную способность каналов связи в регионах [13]. Еще 23% участников исследования акцентируют внимание на финансовой недоступности преобразований, жалуясь на неоправданно высокую рыночную стоимость услуг по системной интеграции и лицензированию зарубежного программного обеспечения.

Наконец, 18% руководителей и профильных специалистов выражают серьезные опасения относительно киберустойчивости внедряемых систем. В условиях роста глобальных угроз и усложнения методов промышленного шпионажа, страх перед потерей контроля над критически важными данными или потенциальной блокировкой облачных сервисов становится мощным демотиватором, заставляющим менеджмент откладывать стратегические инвестиции в цифровизацию на неопределенный срок [13, 14]. Таким образом, барьеры трансформации носят комплексный характер, сочетая в себе психологические, образовательные, финансовые и технологические аспекты.

Диаграмма 2. Фазовая дорожная карта внедрения цифровых платформ и преодоления барьеров на производственном предприятии

Для структурирования понимания среды, в которой оперируют предприятия Кыргызстана и стран СНГ, ключевые стимулирующие и сдерживающие факторы систематизированы в Таблице 2.

Таблица 2. Системные барьеры и драйверы цифровой трансформации технико-экономических процессов в КР

Сфера влияния	Ключевые барьеры (Ингибиторы развития)	Ключевые драйверы (Катализаторы развития)
---------------	--	---

Инфраструктура и Технологии	Глубокое неравенство в проникновении ШПД между центром и регионами (Бишкек - 91%, Баткен - 47%). Дефицит локальных мощных ЦОД.	Реализация проекта G-Cloud, создание Национальной платформы ИИ с перспективой роста мощности вычислений до 300 петафлопс.
Экономика и Финансы	Высокий порог входа: значительные начальные затраты (CAPEX) на лицензии, оборудование и системную интеграцию.	Формирование свободной экономической зоны для e-commerce; системное снижение транзакционных и бюрократических издержек.
Человеческий капитал и Социум	Разрыв цифровой грамотности (молодежь 81% / старшее поколение 44%). Сильное психологическое сопротивление изменениям.	Высокая адаптивность и мобильность молодого населения. Развитие образовательных проектов (ICT-Sanaryp, Единая платформа).
Институты и Регулирование	Низкий уровень доверия к защищенности электронных баз данных, угрозы киберпреступности.	Жесткий КРП госорганов по цифровизации (Концепция 2024-2028), массовое внедрение БЭК, развитие экосистемы «Түндүк».

Источник: составлено автором на основе [1, 3, 13, 10].

Анализ результатов позволяет утверждать, что успех трансформации зависит от того, насколько грамотно менеджмент предприятия использует доступные драйверы для компенсации объективных барьеров. Государственная поддержка в виде упрощения документооборота и создания макроинфраструктуры (ЦОДы, широкополосный доступ) создает фундамент. Однако надстройка в виде эффективных технико-экономических процессов формируется исключительно внутри самого предприятия посредством инвестиций в человеческий капитал, перестройки корпоративной культуры и внедрения архитектуры «двойного привода».

Заключения. Проведенное глубокое и всестороннее исследование механизмов влияния цифровой трансформации на технико-экономические процессы предприятий позволяет сформулировать ряд фундаментальных выводов. Гипотеза о том, что цифровизация является не просто инструментом автоматизации рутинных операций, а парадигмальным сдвигом, определяющим стратегическую конкурентоспособность бизнеса в эпоху Индустрии 4.0, находит свое полное эмпирическое и теоретическое подтверждение.

Во-первых, установлено, что конвергенция технологического (промышленный IoT, робототехника, цифровые двойники) и экономического (системы ERP, облачные платформы, алгоритмы Big Data) контуров генерирует мощный синергетический эффект. Предприятия, успешно прошедшие этап интеграции этих контуров, демонстрируют качественный переход от реактивной модели управления к предиктивной. В финансово-экономическом измерении это выражается в радикальном сокращении операционных издержек (ОРЕХ), высвобождении оборотного капитала за счет внедрения бережливых цепочек поставок (ликвидация эффекта хлыста) и повышении отдачи от инвестиций в инновации. Способность симулировать производственные процессы в

виртуальной среде критически сокращает сроки вывода новых продуктов на высококонкурентные рынки.

Во-вторых, цифровизация выступает мощнейшим институциональным механизмом преодоления информационной асимметрии как внутри организационной структуры предприятия, так и во взаимодействии с внешней макроэкономической средой. Повышение прозрачности финансовых потоков, прозрачность корпоративной отчетности и цифровой аудит бизнес-процессов многократно повышают уровень доверия со стороны кредитных институтов и потенциальных инвесторов. Это позволяет реальному сектору экономики привлекать заемный капитал на более выгодных условиях, нивелируя тем самым проблему финансовых ограничений, традиционно сдерживающую модернизацию промышленных фондов.

В-третьих, на примере институциональной среды стран СНГ и, в частности, Кыргызской Республики, убедительно доказано, что эффективность корпоративной трансформации находится в неразрывной симбиотической связи с качеством государственной цифровой политики. Имплементация Концепции цифровой трансформации на 2024–2028 годы, закрепление доктрины «Digital First», развертывание государственных облачных сервисов (G-Cloud), систем межведомственного взаимодействия («Түндүк») и повсеместное внедрение облачных электронных подписей (БЭК) формируют благоприятную экосистему. Государство, выступая в роли высокотехнологичной платформы, принимает на себя часть транзакционных издержек бизнеса, стимулируя предприятия к переходу в легальное и прозрачное цифровое поле. Развитие свободных экономических зон для электронной коммерции и цифровизация агропромышленного и транспортного секторов открывают новые горизонты для наращивания экспортного потенциала республики.

Тем не менее, исследование обнажает наличие критических барьеров, игнорирование которых способно привести к провалу цифровых инициатив. Фундаментальной проблемой остается острый дефицит квалифицированного человеческого капитала и жесткое организационное сопротивление линейного и управленческого персонала. Выявленные региональные инфраструктурные разрывы (например, между столицей и областями) и демографическая пропасть в уровне цифровой грамотности требуют немедленного вмешательства. Технологии бессильны в условиях деградирующей или некомпетентной корпоративной культуры.

На основании обобщенных результатов исследования могут быть сформулированы следующие стратегические рекомендации:

Антропоцентричная трансформация

Руководству предприятий необходимо сместить фокус инвестиций с исключительно аппаратного обеспечения на развитие человеческого капитала. Внедрение программ непрерывного обучения (life-long learning), создание института внутренних «цифровых амбассадоров» и применение методов Change Management являются обязательными условиями для преодоления страхов персонала перед автоматизацией.

Процессный реинжиниринг перед автоматизацией

Процессу цифровизации должен в обязательном порядке предшествовать жесточайший аудит и реинжиниринг бизнес-процессов. Недопустимо переносить неэффективные, бюрократизированные алгоритмы работы в электронный вид. Использование методологии пилотных проектов позволит снизить риски и протестировать гипотезы на ограниченных участках производства.

Развитие инклюзивной инфраструктуры

Для обеспечения сбалансированного экономического роста государственным регуляторам и частным телекоммуникационным компаниям следует объединить усилия по форсированному развертыванию сетей широкополосного доступа и локальных дата-центров в периферийных регионах страны, устраняя географическое цифровое неравенство.

Интеграция кибербезопасности в ДНК бизнеса

В условиях эскалации глобальных киберугроз защита коммерческих и производственных данных должна стать приоритетом высшего порядка. Внедрение парадигмы Security by Design на всех этапах проектирования корпоративных систем обеспечит бесперебойность технико-экономических процессов.

В перспективе горизонт 2026–2030 годов будет ознаменован переходом от базовой цифровизации к этапу гиперавтоматизации (hyperautomation), где ключевую роль будут играть автономные киберфизические системы, управляемые генеративным искусственным интеллектом. Предприятия, сумевшие сегодня заложить прочный фундамент цифровой культуры и перестроить свои бизнес-модели, обеспечат себе абсолютное лидерство в постиндустриальной экономике будущего.

Литература:

1. Концепция цифровой трансформации Кыргызской Республики на 2024–2028 годы: утв. Кабинетом Министров Кыргызской Республики. Бишкек, 2024.
2. Солодовников С. Ю., Сергиевич Т. В. Организационно-экономические механизмы модернизации реального сектора: на примере легкой промышленности // *Экономическая наука сегодня*. Минск, 2023. С. 112–125.
3. Акимова Н. М. Цифровая трансформация и развитие электронных услуг в Кыргызской Республике: региональный аспект и демографические вызовы // *Инновационная экономика и общество*. 2026. № 1. С. 45–58.
4. Боев А. Г. Процесс бюджетирования стратегии преобразований промышленного комплекса в условиях цифровизации // *Финансовая аналитика: проблемы и решения*. 2022. Т. 15. № 3. С. 234–249.
5. Джумабаева М. К. Роль искусственного интеллекта в оптимизации логистических цепочек и предиктивной аналитике предприятий стран ЕАЭС // *Евразийский экономический журнал*. 2025. Т. 5. № 1. С. 77–89.

6. Краковская И. Н., Корокошко Ю. В., Слушкина Ю. Ю., Казаков Е. А. Влияние глобальных тенденций цифровизации на трансформацию бизнес-моделей промышленных компаний // *Экономика промышленности*. 2022. Т. 15. № 2. С. 189–204.
7. Куликова Д. С. Цифровизация бизнес-моделей: глобальные тренды и перспективы развития // *Вопросы инновационной экономики*. 2022. Т. 12. № 3. С. 1455–1472.
8. Лапиков А. В. Оценка цифровой зрелости процесса управления персоналом для организации цифрового перехода компании // *Лидерство и менеджмент*. 2022. Т. 9. № 1. С. 115–130.
9. Маматов А. М. Цифровизация агропромышленного комплекса: перспективы внедрения инновационных технологий и систем учета в сельское хозяйство // *Аграрная наука Евразии*. 2026. № 2. С. 102–115.
10. Осмонов Б. К. Развитие системы облачных электронных подписей в контексте цифровизации государственных услуг (на примере G-Cloud КР) // *Цифровой Кыргызстан: наука и практика*. 2024. № 4. С. 18–29.
11. Парпиева Н., Орозалиева А. Цифровая трансформация как фактор повышения конкурентоспособности предприятий // *Вестник Кыргызского национального аграрного университета*. 2024. Т. 22. № 1. С. 79–85.
12. Пономарева С. В., Корюшов Н. В. Влияние цифровой трансформации на эффективность бизнес-процессов и конкурентоспособность предприятий // *Вестник экономики и управления*. 2022. № 4. С. 56–64.
13. Садыков А. А., Токтосунов У. Т. Инфраструктурные барьеры цифровизации в регионах Кыргызской Республики: анализ преодоления // *Вестник экономики КР*. 2025. № 2. С. 33–41.
14. Смирнов А. В., Петров В. И. Технологии больших данных в обеспечении информационной безопасности корпоративных производственных систем // *Информационные технологии и киберустойчивость*. 2023. Т. 8. № 3. С. 210–225.
15. Тельнов Ю. Ф., Брызгалов А. А., Козырев П. А., Королева Д. С. Выбор типа бизнес-модели для реализации стратегии цифровой трансформации сетевого предприятия // *Бизнес-информатика*. 2022. Т. 16. № 4. С. 50–67.

DIGITAL TRANSFORMATION OF TECHNO-ECONOMIC PROCESSES AND ITS IMPACT ON ENTERPRISE EFFICIENCY AND PRODUCTIVITY

Dootaliev Alik Seitkulovich

First Vice-Rector, Professor, International University of Kyrgyzstan

E-mail: dootaliev@list.ru

ORCID ID: 0009-0001-3077-1813

Kyrgyzstan, Bishkek city

Tulemysheva Bermet Ilichbekovna
PhD Doctor in Economics, Acting Associate Professor, Faculty of Innovative
Distance Learning, International University of Kyrgyzstan,
E-mail: 19Bermet@mail.ru
ORCID ID: 0009-0007-1004-6722
Kyrgyzstan, Bishkek city

Abstract This article provides a comprehensive analysis of the impact of digital transformation on the techno-economic processes of enterprises. It examines the architecture of digital models, implementation barriers, and government initiatives, using the Kyrgyz Republic as a case study. A methodology for systemic reengineering is proposed, alongside strategic recommendations for the successful adaptation of businesses to the digital economy.

Keywords: digital transformation, techno-economic processes, innovation, productivity, digitalization, business model, Kyrgyzstan.

ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАБОТЫ БИЗНЕСА В 2026 ГОДУ

Лясковская Нинель Вильевна

nvl2b@yandex.ru

АНО ВО «МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИЦЕЙСКАЯ АКАДЕМИЯ»

Тула, Россия

Аннотация. В статье проанализированы основные проблемы, с которыми столкнулся российский бизнес в 2026 году, последствия налоговой реформы для бизнеса и рассмотрены методы оптимизации налоговой нагрузки.

Ключевые слова: бизнес, налоги, инфляция, санкции, ключевая ставка, инвестиции, риски, налоговая реформа, прибыль, эффективность, методы оптимизации.

Российский бизнес в 2026 году работает в условиях структурных изменений, вызванных изоляцией, санкциями, технологической трансформацией и демографическими проблемами. Многие компании сталкиваются с внутренними и внешними барьерами, которые снижают их экономическую эффективность.

Одной из проблем первого уровня является нехватка квалифицированных специалистов. К началу 2026 года численность трудоспособного населения сократилась на 3–4% по сравнению с 2020 годом, а доля работников старше 55 лет превысила 35% в ведущих отраслях: машиностроении, ИТ, логистике, строительстве, здравоохранении, а внутренняя миграция не компенсирует нехватку кадров.

Образовательная система не успевает адаптироваться под новые требования рынка: наблюдается дефицит инженеров-программистов, логистов, специалистов по AI, врачей и специалистов по зелёным технологиям, который достигает в регионах 40–60%. Бизнесу приходится тратить до 25% бюджета на переподготовку сотрудников, что снижает рентабельность деятельности организаций [1].

Наблюдается некоторая технологическая отсталость и ограничения импорта. Более 60% малых и средних предприятий (МСП) ещё используют устаревшие системы управления (ERP, CRM), финансового учёта и автоматизации производства. Запрет на поставки западного оборудования и программного обеспечения привел к отсутствию обновления, технической поддержки, совместимости и снижению кибербезопасности.

Российские аналоги («1С», «СберБанк.Технологии», «Ростелеком.Облако») не всегда соответствуют мировым стандартам, а их внедрение требует значительных инвестиций и времени. В результате производительность труда в России остаётся в 3–4 раза ниже, чем в Германии и Китае [2].

Инфляция в 2026 году, по прогнозам ЦБ РФ, должна сохраниться на уровне 6–8%, а ключевая ставка — выше 12% (по состоянию на 22 апреля 2026 года она составила 15%, а в мае планируется ее снижение до 14,5%). Это делает кредитование дорогим: средняя ставка по кредитам для бизнеса составляет 15–

20%. Для МСП это означает отказ от инвестиций в модернизацию, расширение или разработку новых продуктов. Кроме того, ограничения на международные расчеты и отток иностранных инвестиций сократили доступ к валютным ресурсам. Компании, зависящие от импортных компонентов, переходят на более дорогие отечественные или альтернативные (китайские) поставки, что снижает маржу [4].

Следует отметить недостаточную цифровую трансформацию и слабую инфраструктуру. Цифровизация — не просто тренд, а условие выживания. Однако в 2026 году лишь 20% российских предприятий имеют полноценную цифровую экосистему (аналитика, автоматизация цепочек поставок). В селах и малых городах отсутствует стабильный интернет, а цифровые платформы (например, для электронной торговли или логистики) остаются недоступными для большинства МСП.

Слабая цифровая инфраструктура ограничивает доступ к новым рынкам, снижает скорость реакции на спрос и мешает интеграции в «зелёные» и «цифровые» глобальные цепочки создания стоимости.

Следующая проблема, это то, что бизнес столкнулся с большим количеством нормативных актов, частыми изменениями в налогообложении, сертификации и экологических требованиях. Риски увеличиваются (введение «цифровых паспортов» товаров, отчетность по ESG-показателям, требования к импортозамещению) создают дополнительные издержки.

Малому бизнесу приходится тратить до 30% рабочего времени на документооборот и это снижает его эффективность на 15–20%.

Российские экспортеры потеряли рынки в Европе и США. Новые азиатские рынки требуют адаптации продукции, логистики и стандартов качества. Экспорт в Азию обходится в 2–3 раза дороже, чем в Европу, из-за доставки и сроки увеличиваются. Это снижает конкурентоспособность российских товаров и ограничивает рост прибыли.

Проблема второго уровня связана с тем, что с 1 января 2026 года в России вступила в силу налоговая реформа, которая затронула все категории бизнеса. Реформа охватила основные элементы налогообложения: НДС, специальные налоговые режимы, страховые взносы, механизмы налогового контроля и взаимодействия с Федеральной налоговой службой (ФНС). Это вызвало рост налоговой нагрузки на бизнес и усложнение администрирования, усиление контроля и необходимость пересмотра стратегий развития [2, 3].

Центральным элементом реформы стало повышение основной ставки НДС с 20% до 22%. При этом льготная ставка 10% для социально значимых товаров сохранилась. Это привело к росту цен на продукцию и услуги, снижению маржинальности, необходимости пересмотра ценовой политики и условий контрактов.

Произошли изменения в специальных налоговых режимах. Лимит выручки освобождения от НДС для УСН поэтапно снижается с 60 до 10 млн рублей. Компании, превышающие этот порог, должны выбрать пониженную ставку НДС (5–7% без вычетов) или классическую (22%) с вычетами. Это привело к

усложнению бухгалтерского учета, росту налоговой нагрузки, необходимости стратегического выбора налогового режима [3].

Патентная система (ПСН) сохранится, но в усечённом виде, так как из списка разрешённых видов деятельности исключены охранные услуги. Для розничной торговли и грузоперевозок ограничения не вводятся, но новые лимиты доходов сделают режим менее доступным.

С 2026 года автоматизированная УСН (АУСН) становится общедоступной во всех регионах РФ. Преимущества: отсутствие необходимости уплаты большинства страховых взносов, полная автоматизация расчета налогов и отчетности, прозрачность налоговой нагрузки (8% с доходов или 20% с разницы «доходы — расходы») [3]. kontur.ru

ФНС усиливает цифровой контроль за уплатой налогов и сдачей отчетности. Ошибки в отчетности стали дороже, а долги по налогам растут. В 2026 году государство будет последовательно усиливать возврат долгов через различные механизмы. Для бизнеса это означает: рост числа камеральных проверок, автоматическое выявление схем дробления бизнеса и фиктивной самозанятости, необходимость интеграции с цифровыми платформами ФНС.

Для самозанятых условия не меняются, но усиливается контроль за подменой трудовых отношений. Лимит доходов (2,4 млн руб.) становится всё более жестким, поэтому заказчики стараются работать с ИП, чтобы не допускать рисков доначислений.

В 2026 году эффективность российского бизнеса будет определяться способностью выживать в условиях санкций и способностью адаптироваться к новым условиям функционирования. Для повышения эффективности бизнеса предприятиям следует применять законные методы оптимизации налогового бремени, например:

- дистрибьюторы и ритейлеры могут не покупать товар у производителя, а продавать его по агентскому договору (от его имени), тогда выручкой будет только вознаграждение (в пределах 10%) и это позволит оставаться на УСН даже при больших оборотах (лимит при УСН считается от выручки, а не от оборота по кассе или расчетному счету);

- если товар облагается НДС по льготной ставке 10% (продукты, детские товары, книги), то доставку можно не выделять отдельно, а включить в цену и тогда можно платить НДС 10% вместо 22%;

- компании могут выделить свои активы (например, автопарк, оборудование) в отдельную фирму на УСН, а основная компания на ОСНО будет платить аренду и включать ее в расходы, а это снизит налог на прибыль (он в этом году 25%). Фирма арендодатель будет платить налог УСН, а налог на имущество нет;

- создавать резервы (эти суммы уменьшают прибыль) фирмы и если у нее появится риск непогашения дебиторской задолженности, то списать эту задолженность на убыток можно будет только по истечении срока давности (т.е. через длительное время), а налог на прибыль все равно надо платить (но у фирмы уже накоплен резерв для этой цели);

- использовать лизинг вместо кредита банка (при кредите снижается сумма нала на прибыль только на сумму банковских процентов, а при лизинге – на величину ежемесячного платежа;

- применять необлагаемые выплаты вместо части заработной платы (на обучение, проезд), с них не платят взносы;

- применять амортизационную премию и ускоренную амортизацию при приобретении оборудования;

- использовать инвестиционный налоговый вычет (за инвестиции в обучение или НИОКР фирма может уменьшить налог на прибыль на 3% от суммы инвестиций - федеральный вычет) и дополнительно до 90% (по решению региона). Вычет можно использовать в течение 10 лет, до исчерпания лимита [3].

Таким образом, 2026 год требует от российского бизнеса высокой адаптивности, финансовой дисциплины, способности к быстрой трансформации, готовности внедрять современные технологии, готовности адаптировать свои бизнес-процессы, минимизировать риски, оптимизировать налоговую нагрузку, адаптироваться к демографическому сжатию и технологической автономии, сохранить конкурентоспособность. Бизнесу придется работать не на объемы, а на эффективность.

Литература

1. Федеральная служба государственной статистики (Росстат) / «Регионы России. Социально-экономические показатели». Официальный сайт: www.gks.ru (дата обращения 20.04.2026).

2. Правительство Тульской области. Отчеты о социально-экономическом развитии региона) / Информация о ВРП, занятости и миграции. Сайт: www.tula.gov.ru (дата обращения 30.12.2025).

3. Кризис в России 2026: ждет ли малый бизнес массовые закрытия и как выжить МСП // Клерк.ру: [klerk.ru>user/2198679/686156/](http://klerk.ru/user/2198679/686156/) (дата обращения 20.04.2026).

4. Дорогие кредиты, налоги и конкуренция маркетплейсов: как вести бизнес в 2026 году // Банки.ру: [banki.ru>news/daytheme/?id=11022111](http://banki.ru/news/daytheme/?id=11022111) (дата обращения 20.04.2026).

PROBLEMS OF BUSINESS EFFICIENCY IN 2026

Lyaskovskaya Ninel Vilievna

ANO VO "INTERNATIONAL POLICE ACADEMY"

Tula, Russia

nvl2b@yandex.ru

Annotation. The article analyzes the main problems faced by Russian business in 2026, the consequences of the tax reform for business, and discusses methods for optimizing the tax burden.

Keywords: business, taxes, inflation, sanctions, key rate, investments, risks, tax reform, profit, efficiency, optimization methods.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МАЛОГО БИЗНЕСА В ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Мигай А.Ю., кандидат технических наук, доцент

aleksej.univerr@mail.ru

АНО ВО «МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИЦЕЙСКАЯ АКАДЕМИЯ»
(Тула)

Аннотация. В статье анализируются положительные и отрицательные тенденции развития малого бизнеса в Тульской области, рассматривается динамика изменения количества субъектов и числа работников малого бизнеса, влияние малого бизнеса на социально-экономическое развитие региона.

Ключевые слова: субъекты малого бизнеса, тенденции развития малого бизнеса, юридические лица, индивидуальные предприниматели.

При анализе тенденций развития малого бизнеса в Тульском регионе необходимо в первую очередь ориентироваться на целевые показатели в программе по развитию малого и среднего предпринимательства (МСП) к 2030 году. Такими целевыми показателями являются количество субъектов малого бизнеса и численность занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей. Анализ динамики показателей развития МСП в Тульской области позволит выявить проблемы и определить основные направления дальнейшей политики по развитию МСП в регионе.

Необходимым условием данного анализа является рассмотрение региональной политики в части поддержки малого бизнеса и стимулирования предпринимательской активности.

Основным документом, определяющим основные цели и принципы государственной политики в области развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации, является закон от 24 июля 2007 г. N 209-ФЗ "О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации" (с изменениями и дополнениями от 09.04.2026) [1]. В соответствии с Федеральным законом от 28 июня 2014 года N 172-ФЗ "О стратегическом планировании в Российской Федерации" была разработана и принята «Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года». Она определила такие направления развития малого бизнеса, как улучшение отраслевой структуры экономики и обеспечение высокого уровня занятости.

В современных условиях развитию малого и среднего бизнеса, как одной из важных составляющих экономики Тульской области уделяется большое внимание. На региональном уровне правительством Тульской области от 30 октября 2013 года N602 принято постановление «Об утверждении государственной программы Тульской области "Развитие малого и среднего предпринимательства в Тульской области" (с изменениями на 17 октября 2025

года) [2]. Цель постановления создание благоприятных условий для развития малого и среднего предпринимательства в регионе.

На региональном уровне действуют различные виды поддержки малого бизнеса, такие как:

- финансовая помощь в виде субсидии, грантов, налоговые льготы, льготные кредиты и лизинг, банковские гарантии;

- нефинансовая поддержка в виде юридических и бухгалтерских консультаций, помощь в разработке бизнес-планов, информирование об изменениях законодательства и т.п.;

- имущественная поддержка в виде предоставления помещений на льготных условиях аренды, отсрочки арендных платежей.

По данным Росстата [3] можно проследить, как меняется количество субъектов малого бизнеса в период с 2020 по 2026 год. На 10.01.2026 г. на территории Тульской области осуществляли деятельность 55 734 субъекта — юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, что немного выше, чем в 2020 году, а именно на 66 единиц. Следует отметить, что по данным за 2021 год наблюдалось существенное снижение количества малых предпринимателей — на 3536, или почти на 6,4% (в 2020 году — 55 668 ед., в 2021 г. — 52 132 ед.: 16 065 — юридических лиц, 39 669 — индивидуальных предпринимателей).

В период с 2020 по 2026 гг. наблюдается тенденция сокращения количества юридических лиц. (см. рис. 1). На 10.01.2026 г. относительно 2020 г. общее количество юридических лиц из субъектов малого бизнеса уменьшилось на 4636 ед. или на 22,4%. В тоже время количество индивидуальных предпринимателей выросло на 4702 ед. или на 13,5%. Количественно уменьшение юридических лиц и увеличение индивидуальных предпринимателей практически совпадает, из этого можно предположить, что часть малых предприятий была преобразована в форму индивидуальных предпринимателей.

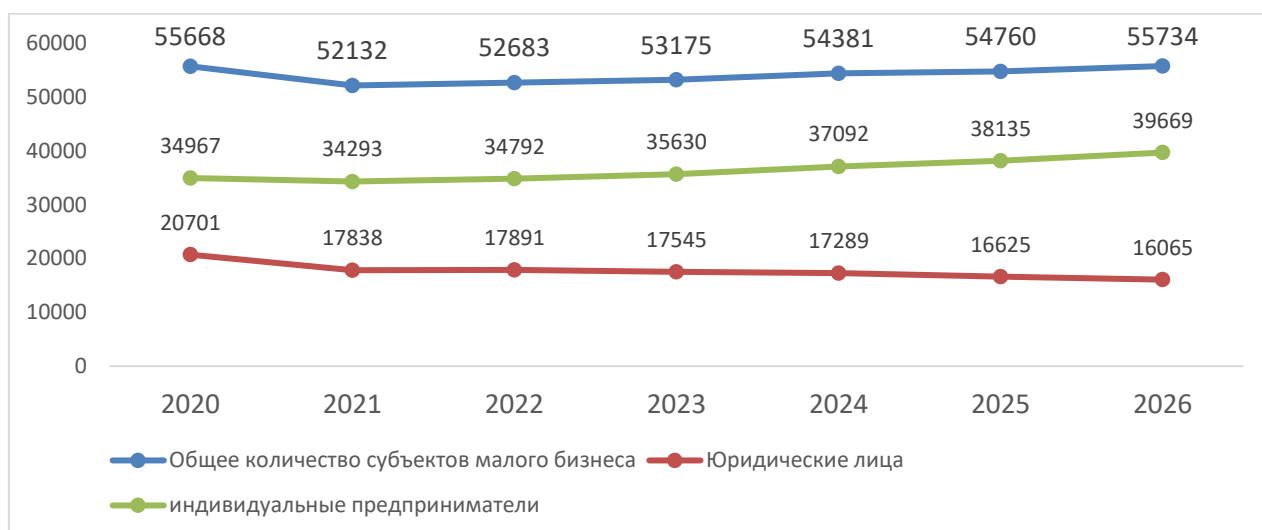

Рис. 1. Динамика изменения численности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в общем балансе субъектов малого бизнеса в Тульской области (данные на 10 января указанного года)

При рассмотрении динамики изменения среднесписочного состава общего количества работников юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, сведения о которых содержатся в Едином реестре субъектов малого и среднего предпринимательства, выявлено сокращение их общего количества в период с 2020 г. по 2026 г. на 6938 ед. или на 5,0%. На 10.01.2020 г. общее количество работников в сфере малого бизнеса составляло 139054 работников, а на 10.01.2026 г. количество их уменьшилось до 132116 работников (см. рис. 2). При раздельном анализе количества работников юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в исследуемом периоде были выявлены следующие тенденции. Произошло сокращение работников юридических лиц на 8604 ед. (115503 ед. в 2020 г. и 106899 ед. в 2026 г.) или на 7,5%, но в то же время произошло увеличение числа работников индивидуальных предпринимателей на 1666 ед. (23551 ед. в 2020 г. и 25217 ед. в 2026 г.) или на 7,1%.

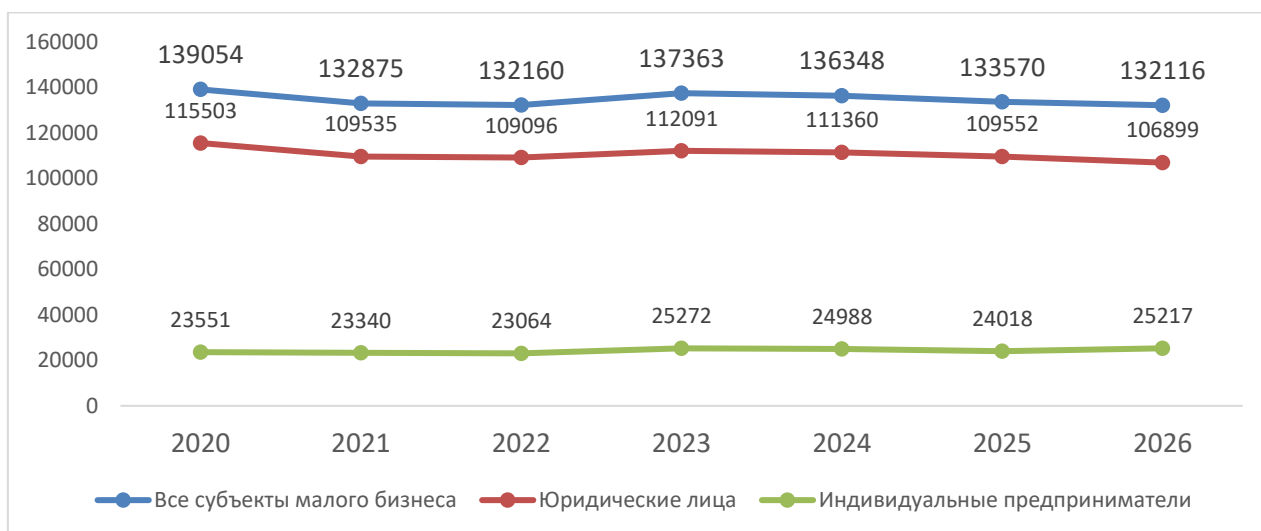

Рис. 2. Динамика изменения среднесписочного состава юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в общем балансе численности работников малого бизнеса в Тульской области (данные на 10 января указанного года)

Важным социально-экономическим аспектом деятельности малого бизнеса является обеспечение рабочими местами население региона. Особенно это касается таким отраслям экономики как обрабатывающие производства, торговля оптовая и розничная, строительство, транспортировка и хранение, деятельность по операциям с недвижимостью.

В регионе развивается социальное предпринимательство. На начало 2026 года в Тульской области насчитывается 156 социальных предприятий, деятельность которых направлена на медицинские, физкультурно-оздоровительные услуги, на дополнительное образование детей и взрослых, что на 22% больше предыдущего года.

Статистика показывает, что малый бизнес Тульской области успешно адаптируется к современным экономическим условиям. Во многом этому

способствует реализация комплекса федеральных и региональных мероприятий поддержки. Однако следует отметить, что снижение занятости в малом бизнесе региона говорит о трудностях в преодолении последствий ограничений и санкционных шоков последних лет и необходимости продолжения всесторонней поддержке данного сектора экономики.

Литература

1. Федеральный закон от 24 июля 2007 г. N 209-ФЗ "О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации" (с изменениями и дополнениями от 09.04.2026).

2. Постановление Правительства Тульской области № 602 от 30.10.2013 г. Об утверждении государственной программы Тульской области «Развитие малого и среднего предпринимательства в Тульской области» (с изменениями на 17 октября 2025 года).

3. <https://gks.ru/> Федеральная служба государственной статистики (Росстат).

CURRENT TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF SMALL BUSINESS IN THE TULA REGION

Migai A.Yu., Candidate of Technical Sciences, Associate Professor
aleksej.univerr@mail.ru

AUTONOMOUS NON-PROFIT ORGANIZATION OF HIGHER EDUCATION
"INTERNATIONAL POLICE ACADEMY"
(Tula)

Abstract. The article analyzes the positive and negative trends in the development of small business in the Tula Region, examines the dynamics of changes in the number of small business entities and employees, and assesses the impact of small business on the socio-economic development of the region.

Keywords: small business entities, small business development trends, legal entities, individual entrepreneurs.

ЭФФЕКТИВНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ УПРАВЛЕНИЯ ДЕБИТОРСКОЙ ЗАДОЛЖЕННОСТЬЮ

Поляков В.А.², Юдина О.В.¹²

¹ФГБОУ ВО ТУЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Л.Н. ТОЛСТОГО

²АНО ВО «МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИЦЕЙСКАЯ АКАДЕМИЯ»
(Тула)

PolyakovaOV2006@yandex.ru

В статье анализируется инструментарий управления дебиторской задолженностью как составной части оборотного капитала. Представлен алгоритм и порядок ее финансового анализа на примере хозяйствующего субъекта хлебопекарной промышленности. Предложены практические рекомендации по усовершенствованию управления дебиторской задолженностью.

Ключевые слова: инструменты, эффективность, дебиторская задолженность, оборачиваемость, оборотные активы.

Дебиторская задолженность часто составляет значительную часть активов. По некоторым отраслям она достигает 50—60 % (оптовая и розничная торговля) оборотных активов. Поэтому от эффективности управления дебиторской задолженностью во многом зависит эффективность работы компании [3]. Для хлебопекарных предприятий можно рассматривать диапазон 20–35 % [2], соответствующий нормальному режиму хозяйственной деятельности.

Слишком большая дебиторская задолженность может очень дорого обходиться компании, так как может потребовать привлечение кредита, и указывает на замедление оборачиваемости средств и повышенные риски невозврата.

Для эффективного управления дебиторской задолженностью организации необходимо рассчитывать и правильно интерпретировать показатели, полученные на основе бухгалтерской финансовой отчетности.

В финансовом анализе следует оценивать не абсолютные цифры, а соотношения показателей. Основные показатели оценки дебиторской задолженности представлены в таблице 1.

Таблица 1. Основные показатели оценки дебиторской задолженности [1]

Показатель	Формула	Интерпретация	Источник данных
Темпы роста ДЗ в сравнении	$\Delta ДЗ\% / \Delta \text{Выручка}\%$	Если Трост. ДЗ > Трост. N, то собираемость	стр. 1230 (Ф.1); стр. 2110 (Ф.2)

Показатель	Формула	Интерпретация	Источник данных
выручкой		платежей ухудшается	
Коэффициент оборачиваемости ДЗ	$\text{Выручка}/\overline{\text{ДЗ}}$	Скорость возврата средств	стр. 2110 (Ф.2)/ стр. 1230 (Ф.1)
Период оборачиваемости ДЗ (дни)	360/Коб. ДЗ	Среднее количество дней до получения оплаты	
Доля ДЗ в ОА	$\text{ДЗ}/\text{ОА}*100\%$	Концентрация риска	стр. 1230 (Ф.1)/ стр. 1200 (Ф.1)
Отношение ДЗ к КЗ	$\text{ДЗ}/\text{КЗ}$	Баланс расчетов; рекомендуется $\approx 1,0$	стр. 1230 (Ф.1)/ стр. 1520 (Ф.1)

Единого нормативно закрепленного «оптимального» значения доли дебиторской задолженности в оборотных активах не представлено в российских ПБУ или ФСБУ.

Единого нормативно закрепленного «оптимального» значения доли дебиторской задолженности в оборотных активах не представлено в российских ПБУ или ФСБУ.

Проведем краткий анализ дебиторской задолженности крупного предприятия, занимающегося производством пищевой продукции. ООО «Фан Фан Бейкери» – современный завод по производству хлеба на базе передовых технологий.

Рассмотрим на примере ООО «Фан Фан Бейкери» структуру и динамику дебиторской задолженности, а также показатели, рассчитанные на основе отчетности предприятия.

Таблица 2. Динамика показателей ООО «Фан Фан Бейкери»

Показатель	2024г.	2023г.	2022г.	Изменение абсолютное		Изменение относительное, %	
				2024-2023	2023-2022	2024-2023	2023-2022
Дебиторская задолженность, тыс.руб.	1138348	786295	651575	352053	134720	44,77	20,68
Оборотные активы, тыс.руб.	1666378	1712 344	1342790	-45966	369554	-2,68	27,52
Выручка, тыс.руб.	6001669	4786 228	3283229	1215441	1502999	25,39	45,78
Кредиторская задолженность, тыс.руб.	1264035	1279 397	324923	-15362	954474	-1,20	293,75
Коэффициент оборачиваемости ДЗ	6,237	6,657	6,543	-0,421	0,115	-6,32	1,75
Период оборачиваемости ДЗ, дн	57,723	54,075	55,023	3,648	-0,948	6,75	-1,72
Доля ДЗ в ОА	0,683	0,459	0,485	0,224	-0,026	48,77	-5,37

Показатель	2024г.	2023г.	2022г.	Изменение абсолютное		Изменение относительное, %	
				2024-2023	2023-2022	2024-2023	2023-2022
Отношение ДЗ к КЗ	0,901	0,615	2,005	0,286	-1,391	46,53	-69,35

На основе, проведенного анализа в таблице 2, можно сделать вывод, что дебиторская задолженность организации увеличивается на 352 053 тыс. руб. (+44,77%) и 134 720 тыс. руб. (20,68%) в 2024 и 2023 году соответственно.

Доля дебиторской задолженности в структуре оборотных активов предприятия растет с 0,459 до 0,683, что снижает ликвидность оборотных активов, не смотря на тот факт, что дебиторская задолженность относится к группе быстро реализуемых активов. Ситуацию, в которой происходит рост ее доли в структуре оборотных активов почти до 70%, нельзя назвать положительной.

Показатель коэффициента оборачиваемости снижается на 0,421 в 2024 году, а период оборачиваемости замедляется. Это свидетельствует о том, что денежные средства возвращаются в оборот медленнее, появляется риск «замораживания» средств в расчетах.

Приемлемым значением соотношения дебиторской кредиторской задолженности для большинства организаций следует считать значение коэффициента около 1 (0,9–1). В 2022 году. В 2023 и 2024 годах кредиторская задолженность превышает дебиторскую, но разрыв сокращается и показатель приближается к оптимальному значению.

В заключение можно сделать вывод о том, что необходимо осуществлять определенные мероприятия для эффективного управления дебиторской задолженностью и адаптироваться к быстро изменяющимся экономическим реалиям:

1. Систематический анализ состояния дебиторской задолженности предприятия:

- оценивать коэффициенты оборачиваемости, периоды оборачиваемости в динамике;

- находить причины отклонений и наблюдать за ними.

2. Отслеживание и мониторинг сроков возникновения и оплаты (погашения) дебиторской задолженности.

3. Инкассация дебиторской задолженности:

- коммерческие переговоры;

- факторинг;

- судебные взыскания.

4. Ранжирование имеющейся дебиторской задолженности по покупателям:

- определить долю влияния каждого на финансовое состояние предприятия;

- ввести систему скоринга контрагентов, таким образом снизить риски неплатежей.

5. Адаптация кредитной политики организации:

- в периоды высоких рисков ужесточать требования к новым контрагентам;

6. Оптимизация устранения проблемной задолженности:

- оперативно диагностировать просрочку, при помощи автоматизации учета и новых технологий.

Литература:

1. Официальный сайт портала «Чекко» [Электронный ресурс] URL: <https://checko.ru/company/ffb-1157154026897#activity> (дата обращения: 12.04.2026).

2. Управление оборотным капиталом : учебник для вузов / под редакцией А. З. Бобылевой. — 5-е изд. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. — 72 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-21114-6. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. с. 36 — URL: <https://urait.ru/bcode/581647/p.36> (дата обращения: 12.04.2026).

3. Финансовый менеджмент : учебник для вузов / под редакцией Г. Б. Поляка. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2026. — 358 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-18205-7. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. с. 155 — URL: <https://urait.ru/bcode/582835/p.155> (дата обращения: 16.04.2026).

I EFFECTIVE TOOLS FOR MANAGING DEBITOR RECEIVABLES

V.A. Polyakov².

O. V. Yudina^{1,2}.

PolyakovaOV2006@yandex.ru

¹.FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION TULA STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY NAMED AFTER L.N. TOLSTOY

²ANO VO INTERNATIONAL POLICE ACADEMY
(Tula, Russia)

The article analyzes the tools for managing accounts receivable as an integral part of working capital. It presents an algorithm and procedure for its financial analysis using the example of a business entity in the bakery industry. Practical recommendations for improving the management of accounts receivable are proposed.

Keywords: tools, efficiency, accounts receivable, turnover, working capital.

ПЕРСПЕКТИВЫ ВЫХОДА НА НОВЫЕ ТРАЕКТОРИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Л.А. Сизов, к.э.н., доцент, доцент кафедры «Экономика и менеджмент»
Star12341@yandex.ru

АНО ВО «МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИЦЕЙСКАЯ АКАДЕМИЯ»

Аннотация. В данной статье делается попытка рассмотреть перспективы устойчивого развития Российской Федерации в краткосрочной и среднесрочной перспективе. В настоящий момент очевидна несостоятельность предыдущей модели мирового развития.

Предмет статьи – устойчивость развития Российской Федерации. Цель статьи – дать обзор перспектив выхода нашей страны на траекторию устойчивого развития. Перечислены базовые группы факторов, которые определяют будущую траекторию устойчивого развития России. Дан обзор ключевых направлений, которые перспективны с точки зрения выхода Российской Федерации на траекторию устойчивого развития.

Ключевые слова: траектория устойчивого развития России, новые «центры силы», геополитические и научно –технические факторы.

Если исходить из определения устойчивого развития как: «...процесс экономических и социальных изменений, при котором природные ресурсы, направление инвестиций, ориентация научно-технического развития, развитие личности и институциональные изменения согласованы друг с другом и укрепляют нынешний и будущий потенциал для удовлетворения человеческих потребностей и устремлений...» [1], то можно сказать, что в последние 12 лет, наш мир сошёл с прежней траектории устойчивого развития.

В данной статье сделана попытка прогноза будущих траекторий устойчивого развития для России.

Можно сказать, следующее, что траектория устойчивого развития той модели, которая была ещё 12-14 лет больше, нет.

Если до указанного периода была однополярная траектория устойчивого развития, которая пришла на смену двухполюсной системе в конце 80-ых- начале 90-ых гг. XX века, в каждой из которой главенствующую роль играли СССР и США соответственно. Однополюсную систему возглавляли США, генерирующие долларовые финансовые потоки, что позволяло контролировать большинство стран мира в тот период.

В настоящий момент данная модель уходит и ей на смену приходят многополюсная модель, которая представлена следующими «центрами силы», это Россия, Китай, США и можно говорить о том, что может сформироваться и четвертый полюс –Индия.

Рассмотрим основные факторы, которые влияют на формирование новой многополюсной модели миропорядка.

Это:

- Геополитический фактор;
- Научно – технический фактор
- Экономический фактор;
- Социальный фактор.

Геополитический фактор для России реализуется в первую очередь необходимостью обеспечения своей безопасности, в первую очередь безопасности своему национальному суверенитету, в частности расширения блока НАТО на восток, ярким примером реализации его служит Специальная военная операция, призванная, в том числе, обеспечить зону безопасности западных границ РФ.

К научно –техническому фактору можно отнести три базовых элемента, которые могут обеспечить устойчивое развитие России. Если ранее, в недавнем прошлом «краеугольными камнями» устойчивого развития служили компьютеризация всех отраслей жизнедеятельности, то в настоящий момент, ведущая роль, на наш взгляд, принадлежит следующим ведущим элементам устойчивого развития нашей страны, а именно:

- широкому внедрению во все сферы жизнедеятельности дронов (здесь имеются в виду не только летающие беспилотными, но и наземные, водные и подводные транспортные средства, непосредственно не управляемые человеком);

- всё больше охват и проникновения во все сферы менеджмента самообучающихся нейронных сетей, которые не совсем корректно, на наш взгляд именуется «искусственным интеллектом», но из –за широкого применения этого термина, мы также будем использовать его (далее по тексту сокращение ИИ) [2];

- биотехнологии, которые открывают широкие перспективы активного долголетия, к примеру, создание препарата ВЛ-10, который замедляет старение, предотвращает развитие возрастных заболеваний, таких, например, как, сердечно –сосудистые, нейродегенеративные, такие как болезнь Альцгеймера и т.д., а также современная наука близка к прорывным успехам в трансплантологии, что, по мнению многих современных ученых, позволит достигнуть продолжительности жизни человека до 150 лет, в среднесрочной перспективе [3].

На экономику, как одного из ключевых факторов, выхода на траекторию устойчивого развития России повлияют и научно –технический прогресс текущего момента, и, складывающаяся геополитическая ситуация в современном мире.

По нашему мнению, экономика устойчивого развития Россия выйдет на траекторию устойчивого развития за счет, массового внедрения во все сферы народного хозяйства ИИ, который сможет перерабатывать огромные массивы управленческой информации, и выйти на качественно более высокий уровень менеджмента во всех сферах жизнедеятельности.

Внедрение дронов в экономическую практику позволит вывести логистику, в масштабах всей Российской Федерации, на принципиально иную ступень развития, увеличить скорость доставки товаров и материальных ресурсов, ускорить движение пассажиропотоков и т.д.

Безусловно, широкому внедрению дронов в хозяйственную практику сегодня мешает сложная внешнеполитическая обстановка, требования национальной безопасности и другие аналогичные факторы, но по нашему мнению, в краткосрочной перспективе это произойдет.

Социальный фактор, который повлияет на траекторию устойчивого развития Российской Федерации – это быстрое изменение демографической структуры нашей страны, которое выражается в первую очередь в сокращении молодежи в демографической структуре и одновременно старением населения России. При этом меняется структура занятости, которая вызвана автоматизацией и информатизацией труда становятся более востребованными технические и научные специальности, а достижения современной медицины продлевают период активной экономической деятельности человека.

Исходя из вышесказанного можно спрогнозировать траекторию будущей траектории устойчивого развития Российской Федерации, которая будет основана на соблюдении интересов национальной безопасности, что обеспечит геополитическую стабильность, основываясь на достижениях научно – технического прогресса, обеспечить прорывную модернизацию российской экономики, и рост активного долголетия и благосостояния россиян, на основе тенденций социального – демографического развития.

На прошедшем недавно Всероссийском экономическом форуме, выход на новую траекторию устойчивого развития для Российской Федерации возможен в ближайшей временной перспективе.

Литература

- 1.Абрамов В.В. Сущность устойчивого развития. <https://media.provodnik.ru/tehnologii-i-trendy/princzipy-i-czeli-ustojchivogo-razvitiya-cto-proishodit-s-zelenoj-povestkoj-segodnya/> (Дата обращения 29.10.2025 г.)
2. Ю., Косов М. Е. Искусственный интеллект: монография. -М.: Юнити – Дана,2021 – с.8.
- 3.Ставицкий А. В России нашли способ замедлить старение. - <https://lenta.ru/news/2025/08/05/stop-ging/?ysclid=mhrrwkfanz564314517> (Дата обращения 01.11.2025 г.)

PROSPECTS FOR ENTERING NEW TRAJECTORIES OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT

L.A. Sizov, PhD in Economics, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economics and Management
Star12341@yandex.ru
ANO VO "International Police Academy"

Abstract. This article attempts to examine the prospects for the sustainable development of the Russian Federation in the short and medium term. Now, the failure of the previous model of global development is evident. The subject of the article is the sustainability of the development of the Russian Federation. The purpose of the article is to provide an overview of the prospects for our country's transition to a sustainable development trajectory. The article lists the basic groups of factors that determine Russia's future sustainable development trajectory. It also provides an overview of the key areas that are promising for the Russian Federation's transition to a sustainable development trajectory.

Keywords: Russia's sustainable development trajectory, new "centers of power," and geopolitical and scientific-technical factors.

References

1. Abramov V.V. The Essence of Sustainable Development. <https://media.provodnik.ru/tehnologii-i-trendy/princzipy-i-czeli-ustojchivogo-razvitiya-chto-proishodit-s-zelenoj-povestkoj-segodnya/> (Accessed 29.10.2025)
2. Yu., Kosov M. E. Artificial intelligence: a monograph. Moscow: Unity –Dana, 2021 – p.8.
3. Stavitsky A. In Russia, they found a way to slow down aging. - <https://lenta.ru/news/2025/08/05/stop-ging/?ysclid=mhrrwkfanz564314517> (Accessed on November 1, 2025)

МОТИВИРОВАНИЕ И СТИМУЛИРОВАНИЕ ПЕРСОНАЛА ООО «НАУКА»

Щепакин К.М.

e-mail: office@mpa71.ru

. АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИЦЕЙСКАЯ АКАДЕМИЯ

Тула, Россия

Аннотация. На основании исследований предлагаются новые формы и методы мотивирования и стимулирования персонала в ООО «Наука».

Было установлено, что при использовании методов мотивационного управления в организации важно учитывать такие особенности трудовой мотивации как уровень заработной платы, структура компенсационного пакета, специфика стимулирования персонала и другие методы.

Ключевые слова: формы и методы, мотивирование, стимулирование, персонал, ООО «Наука»

Как правило, на предприятии используются как экономические, так и неэкономические методы стимулирования персонала (Таблица 1.).

Таблица 1. Методы стимулирования персонала в ООО "Наука".

Экономические методы стимулирования персонала в ООО «Наука»	Неэкономические методы стимулирования персонала в ООО «Наука»
Основная (повременная) и дополнительная заработная плата (надбавки). Пособия и льготы (отчисления в фонд, медицинское обслуживание, социальная безопасность, страхование, обучение, транспортные расходы).	Благоприятный социальный климат, удобный график, организация праздников, питание.

Практика показывает, что заработная плата -это наиболее мотивирующая часть в структуре дохода работника.

Как видно из таблицы 1, на исследуемом предприятии применяется повременная форма оплаты труда, которая характеризуется следующими факторами:

1. учет проведенного сотрудником на рабочем месте времени;
2. время-единица оплаты труда;
3. размер заработной платы зависит от количества времени, которое работник проводит на рабочем месте, качества работы, тарифной ставки;
4. оптимизация организации труда;

5. повышение профессионализма персонала;
6. сокращение трудозатрат на выпуск единицы продукции;
7. минимизация простоев;
8. трудности в учете количества выполненных сотрудниками одной квалификации работ и их качества.

В ООО "Наука" ведется строгий контроль отработанного персоналом, а, точнее, каждым сотрудником времени, ведется работа по минимизации времени простоя, и в случае его возникновения - выявление причин. Поэтому, сотрудники каждой категории получают четко сформулированные задания.

Было установлено, что размер оплаты труда персонала ООО "Наука" по профессионально-квалификационным группам установлен согласно тарифно-квалификационному справочнику, а также тарифным ставкам первого разряда и повышающим коэффициентам. Персонал, работающий в сменном режиме, получает доплату 15 %. Также производится оплата за работу в сверхурочное время и в выходные и праздничные дни в размере двойной часовой тарифной ставки.

Как видно из Таблицы 1 в ООО "Наука" применяются такие неэкономические (нематериальные) виды стимулирования персонала, как создание благоприятного социального климата, удобный график работы, организация праздников, питание.

На главном входе в ООО есть Доска почета, на которой представлены лучшие работники.

Персоналу представлены бесплатная парковка автомобилей и питание за счет предприятия.

Медицинское страхование позволяет работникам ООО "Наука" посещать специалистов и проходить лечение бесплатно.

Однако, основными мотиваторами успеха являются: стабильная заработная плата, повышение квалификации, карьерный рост, медицинское страхование.

Для полного исследования системы мотивации проводились анализ мотивационной стратегии ООО "Наука", а также оценка взаимосвязи между показателями мотивации персонала и условиями, которые ей способствуют.

Оказалось, что мотивационная стратегия ООО "Наука" ориентирована на достижение высокой результативности труда персонала и включает в себя такие мотивационные методы как:

1. использование в качестве стимула денежных средств;
2. мотивирование через саму работу;

3. обучение персонала;
4. ограничение отрицательных факторов;
5. наложение взысканий.

Анализ работы ООО "Наука" позволил также выявить некоторые отрицательные моменты, которые не позволяют достичь главной цели мотивационной стратегии - побуждение работников к эффективному труду для достижения высоких результатов деятельности предприятия.

К ним относятся:

1. мотивационная стратегия разработана не достаточно;
2. информация о целях предприятия не достигла нижних уровней, а отделам не дали возможность подготовить свои личные конкретные планы;
3. исполнители, находящиеся на более низких уровнях, выполняют мотивационные мероприятия, не в полной мере считая их своими обязанностями, тем, в разработке чего они не принимали участия.

Необходимо отметить, что в достижении общих целей деятельности, в том числе целей мотивационной стратегии, важную роль играет организационная структура предприятия, как логическое взаимоотношение уровней управления, функциональных областей, построенных в форме, позволяющей достигать цели наиболее эффективно.

Таким образом, оказалось, что в период исследования мотивационная стратегия ООО "Наука" обладала такими отрицательными факторами, как:

1. размер заработной платы персонала не зависит от результатов его трудовой деятельности;
2. вознаграждение назначается, прежде всего, при наличии финансовой возможности, а не при условии качественного выполнения обязанностей.

В Таблице 2 представлена схема разработанных мотивационных мероприятий, которые были проведены в ООО "Наука" в 2023 году.

Таблица 2. Схема разработанных мероприятий.

Категория работников	Оклад	Поквартальное вознаграждение				Годовое вознаграждение
		1 кв.	2 кв.	3 кв.	4 кв.	
Руководящие должности	+	7%	7%	8%	8%	20%
Работники основного производства	+	4%	0%	0%	3%	10%
Работники вспомогательного производства	+	0%	0%	4%	0%	8%

Как показывают данные Таблицы 2, в 2023 году систематическое премирование персонала организации отсутствовало. При этом работники, имеющие руководящие должности, получали вознаграждение за каждый квартал, тогда как работники основного производства, являющиеся наиболее значимой категорией персонала, от которой зависят качественные и количественные характеристики работы предприятия, и, как следствие, результат прибыли предприятия, и вспомогательного производства не имели четкой схемы премирования.

Вышеизложенное позволяет заключить, что для стимулирования персонала к достижению целей ООО "Наука" через удовлетворение его собственных потребностей, с учетом выявленных проблем, целесообразно применить стратегию, ориентированную на удержание сотрудников за счет создания возможностей для профессионального развития и на стимулирование высокой индивидуальной результативности.

Действенность мотивационной стратегии обеспечивается, прежде всего, благодаря согласованности целей предприятия, его организационной культуры и потребностей персонала.

Согласно выбранной стратегии необходимо разработать программу материального стимулирования как основного фактора повышения мотивации и совершенствовать нематериальное стимулирование.

В этой связи предлагается заменить существующие традиционные формы оплаты труда на нетрадиционные формы.

Для этого необходимо оценить рабочее место каждого сотрудника и установить сетку соотношений в оплате труда разного качества.

При бестарифной системе оплата труда прямо зависит от результатов трудовой деятельности.

Применив данную систему, руководство ООО "Наука" сможет мотивировать персонал на повышение производительности труда, собственный рост и совершенствование производства.

В основе данной системы лежит принцип распределения общего фонда оплаты труда персонала (формируемого по итогам работы предприятия), исходя из показателей работы каждого конкретного работника.

Также, для того, чтобы у персонала был стимул приносить большую прибыль необходимо определить коэффициент квалификационного уровня, который является основой для анализа и группировки персонала по квалификационным и должностным группам.

Стимулирование персонала путем применения в ООО "Наука" бестарифной системы оплаты труда может быть достаточно действенным, ведь работники получают возможность увеличить свой заработок.

Кроме того, бестарифная система не исключает оценку эффективности отдельного работника и это также является стимулирующим фактором.

В рамках программы материального стимулирования персонала ООО "Наука" также предлагается совершенствование системы премирования.

Это предполагает, что из формируемого на предприятии фонда выплаты премий по итогам года работникам можно назначить следующие выплаты, рассчитанные в зависимости от среднего заработка:

1. годовая премия в размере 20 %;
2. премия лучшему работнику, перевыполняющему план в течение всего года-10 %;
3. премия работнику, внесшему рациональное для предприятия предложение- 10 %.

Кроме всего вышеприведенного можно внедрить программу по беспроцентным кредитам, что, как показывает практика, стимулирует персонал работать в конкретной организации.

В качестве итога можно отметить, что предложенные формы и методы стимулирования персонала должны быть достаточно медленными, а их внедрение на предприятии - постепенным.

Литература

1. Дейнека А. В., Беспалько В. А. Управление человеческими ресурсами: учебник. - М.: Дашков и К, 2026. -388 с.
2. Михайлина Г. И., Митраева Л. В., Михайлин Д. А., Беляк А. В. Управление персоналом: учебное пособие. -М.: Дашков и К.,2022.-280 с.

MOTIVATION AND STIMULATION OF THE STAFF OF NAUKA LLC

Shchepakin K.M.

e-mail: office@mpa71.ru

**AUTONOMOUS NON-PROFIT ORGANIZATION OF HIGHER EDUCATION
INTERNATIONAL POLICE ACADEMY**

(Tula, Russia)

Abstract. Based on the research, new forms and methods of motivating and stimulating staff at Nauka LLC are proposed.

It was found that when using methods of motivational management in an organization, it is important to take into account such features of labor motivation

as the salary level, the structure of the compensation package, the specifics of staff incentives and other methods.

Keywords: forms and methods, motivating and stimulating, staff, Nauka LLC

РАЗДЕЛ 2. ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ИННОВАЦИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 681.5.075

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНИЧЕСКОГО ЗРЕНИЯ И МАКЕТА КИСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Михед А.Д., Месик Н.Ю.

АНО ВО «МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИЦЕЙСКАЯ АКАДЕМИЯ»
(Тула)

anton11588@yandex.ru

Аннотация. Показана возможность комбинированного применения системы технического зрения и макетного образца кисти андроида в образовательном процессе. Непосредственное управление движением макетного образца кисти андроида осуществляется с помощью технического зрения в среде PyChart при использовании библиотеки OpenCV. Программная реализация выполнена при использовании библиотек mediapipe и Mat. В качестве метода детекции используется «Каскад Хаара».

Ключевые слова: техническое зрение, кисть андроида, имитационное моделирование

Современные технологии всё активнее проникают в сферу образования, и системы технического зрения (машинного зрения) становятся одним из перспективных инструментов трансформации учебного процесса. Они позволяют создавать интерактивные и наглядные образовательные среды, делая обучение более увлекательным и эффективным.

Системы технического зрения находят применение в самых разных образовательных сценариях: Интерактивные доски и классы; Лабораторные работы и эксперименты; Робототехника и программирование. Контроль вовлеченности и обратной связи; Дополненная реальность; Автоматизация проверки заданий; Доступное образование и др.

Преимущества для участников образовательного процесса очевидны. Для учащихся: наглядность сложных концепций, возможность практического экспериментирования, мгновенная обратная связь и персонализация обучения. Для преподавателей: автоматизация рутинных задач (проверка тестов, учёт посещаемости), инструменты для мониторинга вовлеченности, доступ к детальным данным об успеваемости. Для образовательных организаций: повышение конкурентоспособности программ, привлечение абитуриентов современными технологиями, сокращение временных затрат на администрирование.

В перспективе развитие искусственного интеллекта и снижение стоимости видеокамер делают технологии технического зрения ещё доступнее. Это открывает путь к массовому созданию «умных» аудиторий, где обучение станет максимально адаптивным, наглядным и ориентированным на практику.

Традиционное обучение постепенно трансформируется: на смену меловым доскам и бумажным учебникам приходят интерактивные панели, а в роли наглядных пособий всё чаще выступают механические роботы. Их внедрение в образовательный процесс — не дань моде, а эффективный инструмент для развития практических навыков и глубокого понимания сложных концепций.

Использование механических роботов в образовании в настоящее время — это мощный педагогический инструмент. Роботизированные системы делают обучение наглядным, увлекательным и прикладным, готовят школьников и студентов к миру, где автоматизация становится нормой. Постепенное преодоление барьеров и методическая поддержка педагогов помогут раскрыть потенциал робототехники в каждом учебном заведении.

Для работы с техническим зрением в Python часто используют библиотеку cv2 — она является частью пакета OpenCV.

Современные программные алгоритмы позволили реализовать технологию, при которой робот точно копирует движения человека. В основе решения лежит метод имитационного обучения: машина осваивает двигательные задачи, анализируя заранее заданные примеры. Процесс выглядит так: оператор выполняет нужную последовательность действий в виртуальной среде, а робот воспроизводит их. Для фиксации движений применяются специальные датчики положения и движения — их размещают как на теле человека, так и в непосредственной близости от него. Среди недостатков подхода — трудоёмкость монтажа датчиков и сложность последующей обработки получаемых сигналов [1,2].

Прогресс в области технического зрения во многом обусловлен стремительным совершенствованием систем компьютерного зрения. Такие системы задействуют широкий набор алгоритмов для обработки и анализа визуальной информации. Применение технического зрения охватывает множество сфер: от автоматизации промышленных процессов и медицины до автомобилестроения и оборонной отрасли [3].

Системы технического зрения задействуют интеллектуальные цифровые камеры в сочетании с программным обеспечением для анализа изображений, что даёт возможность решать специализированные производственные задачи — в том числе подсчёт изделий на конвейерной линии, выявление поверхностных дефектов и корректировку линии визирования [4].

Развитие технологий компьютерного зрения позволило анализировать видеоизображения для изучения поведенческих паттернов человека. Уникальные особенности походки и характерные повторяющиеся движения могут служить основанием для идентификации личности. Кроме того, анализ телесных движений находит применение в психологической диагностике.

В современных исследованиях ключевая проблема состоит в выявлении взаимосвязей между отдельными движениями объекта при сборе и анализе

данных, полученных из видеоматериалов. К таким данным относятся: изменение пространственного положения объекта, его цветовые характеристики, координаты, габариты и другие параметры. Для обработки собранных сведений и последующего анализа поведения объекта эффективно применяются технологии искусственного интеллекта.

Для проведения имитационного анализа применялся модернизированный макет механической кисти андроида, интегрированный с персональным компьютером (см. рисунок 1). Конструкция включала плату Arduino и пять сервоприводов - по одному на каждый палец. Сервоприводы обеспечивали сгибание пальцев, а плата Arduino выполняла программное управление согласно алгоритму, предварительно загруженному с ПК.

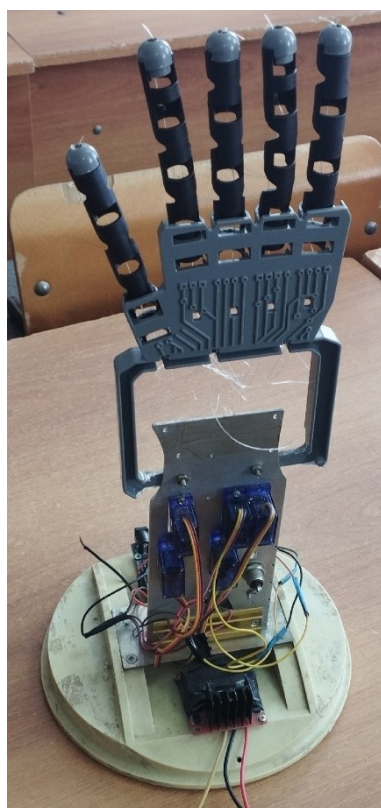

Рисунок 1 – Модернизированный макетный образец, подключенный к персональному компьютеру

Для решения задачи распознавания кисти руки на видеокдрах применялась среда разработки PyCharm с использованием языка программирования Python. В качестве фундаментальной базы использовалась широко распространённая библиотека OpenCV, предназначенная для задач компьютерного зрения. Для детектирования движений кисти задействовали библиотеку MediaPipe, которая предоставляет модель с набором ключевых точек, позволяющих сегментировать кисть на анатомические области — ладонь и пальцы. Математические расчёты выполнялись с привлечением стандартной библиотеки Math. Идентификация жестов осуществлялась на основе анализа

пространственных координат ключевых точек скелета кисти и их взаимного расположения. На рисунке 2 продемонстрирован процесс работы в среде PyCharm с интеграцией OpenCV: визуализируется обнаружение ладони, определяются её координаты и строится каркас кисти.

Для обнаружения объектов в рамках задач компьютерного зрения применялся метод каскада Хаара. Данный подход предполагает анализ изображения посредством набора прямоугольных областей, служащих для выявления базовых визуальных признаков. Параметры этих областей — их координаты и весовые коэффициенты — оптимизируются с использованием алгоритма AdaBoost.

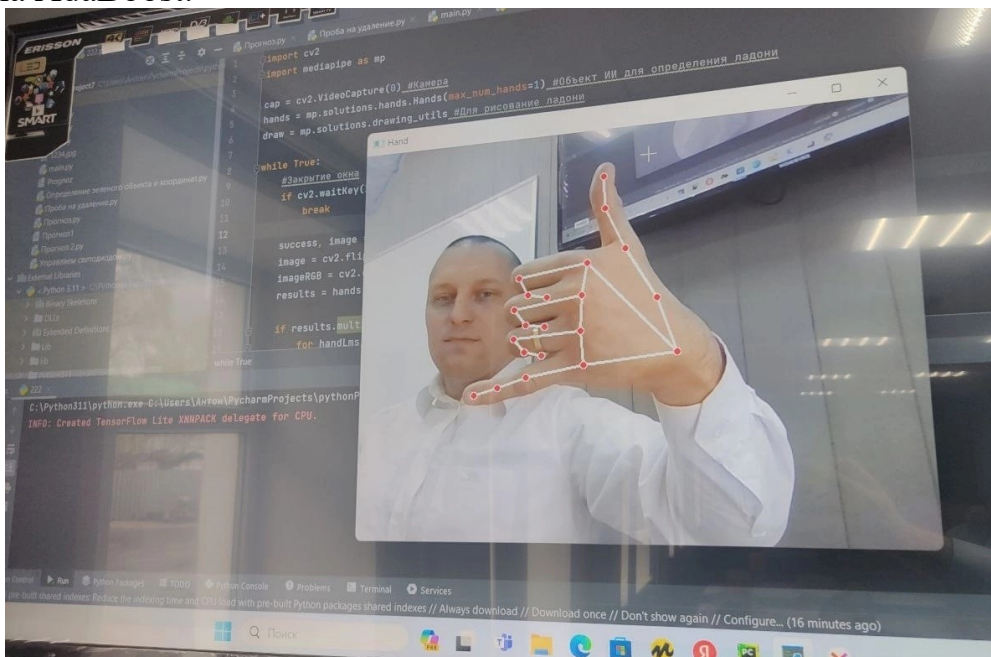

Рисунок 2 – Определение кисти руки и при использовании OpenCV в среде PyCharm

Алгоритм выполняется в следующем порядке: сначала идентифицируется видеочамера, затем осуществляется захват видеопотока, выполняется зеркальное отображение кадра для корректного отображения, производится преобразование изображения в цветовое пространство RGB, далее задействуется библиотека MediaPipe для обработки данных, и в завершение визуализируется скелетная модель ладони на экране.

Для обнаружения кистей рук на видео задействуется модуль Hands библиотеки MediaPipe:

```
hands = mp.solutions.hands.Hands(max_num_hands=2)
```

Параметр `max_num_hands=2` задаёт максимальное число распознаваемых кистей — две.

Визуализация скелета руки на экране выполняется с помощью утилиты рисования:

```
draw = mp.solutions.drawing_utils
```

Проведённое исследование подтвердило возможность реализации программного управления движением макетного образца кисти андроида посредством системы технического зрения в среде разработки PyCharm с

применением библиотеки OpenCV. Предложенный метод имеет потенциал для применения в задачах удалённого управления объектами и анализа поведенческих паттернов человека на основе кинематики его движений.

В образовательном процессе макет кисти может быть использован при обучении программированию. Когда студенту дается задание на составлении программы, позволяющей выполнять команды на загибания конкретных пальцев или их комбинаций.

Литература

1. Земенков Н.С., Новиков А.Н., Михед А.Д. Применение системы технического зрения для прогнозирования движения цели // Научный форум: тенденции развития науки и общества. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. - Кемерово: 2023. - С. 25-29.

2. Михед А.Д., Токарев В.Л. Анализ геометрии системы стабилизации и наведения при использовании технического зрения // Журнал технических исследований. 2023. Т. 9. № 3. С. 11-16.

3. Бондарев В.Г., Смирнов Д.А., Майгурова Н.И., Николенко А.В., Гусев К.Ю., Вахмин С.Ю. Система слежения беспилотного летательного аппарата с использованием монокулярной системы технического зрения в гиростабилизированном подвесе // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2019. Т. 15. № 5. С. 37-44.

4. Латонов В.В., Тихомиров В.В. Управление линией визирования цели по видеоизображению // Вестник Московского университета. Серия 1: Математика. Механика. 2018. № 1. С. 53-59.

APPLICATION OF TECHNICAL VISION AND BLOOM SHAPES IN THE EDUCATIONAL PROCESS

Mikhed A.D., Mesik N.Yu
anton11588@yandex.ru

ANO VO «INTERNATIONAL POLICE ACADEMY OF THE VPA»
(Tula)

Annotation. The possibility of combining the use of a technical vision system and a mock-up of an android hand in the educational process is shown. The direct control of the movement of the mock-up of the android hand is carried out using technical vision in the PyCharm environment using the OpenCV library. The software implementation is performed using the mediapipe and Mat libraries. The Haar cascade is used as a detection method.

Keywords: technical vision, android brush, simulation modeling

СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОДАЖ ТОВАРОВ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЯЗЫКА PYTHON

Михед А.Д., Сохибов Н.М.
anton11588@yandex.ru

АНО ВО «МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИЦЕЙСКАЯ АКАДЕМИЯ»
(Тула)

Аннотация. В работе проведен статистический анализа продаж на примере трех магазинов, каждый из которых имеет четыре признака товарных ассортимента. Покупательная зависимость товаров рассмотрена с точки зрения корреляции. Представленная тепловая карта учитывает коэффициент корреляции Пирсона. Моделирование осуществлялось на языке Python в среде PyChart.

Ключевые слова: Анализ продаж, гистограмма, корреляция Пирсона, Питон, матрица корреляции, средние продажи.

Взаимная зависимость покупки разных товаров (когда приобретение одного товара часто влечёт покупку второго) может дать ценную статистическую информацию для бизнеса, маркетинга, логистики и других областей. Такой анализ помогает выявить закономерности потребительского поведения, оптимизировать ассортимент, ценообразование и маркетинговые стратегии.

Распространённые виды взаимосвязи покупки товаров: по потребности, набору и связки спроса. При связки по потребности — покупатели приобретают несколько товаров, потому что они дополняют друг друга или необходимы для полноценного использования основного продукта. Например, при покупке электроинструмента часто требуется покупка насадок, зарядных устройств или защитных аксессуаров. При связке спроса товары покупаются вместе не из-за функциональной необходимости, а потому что предлагаются в одном месте или в рамках маркетинговой акции. Например, скидка на комплект «электрочайник + термокружка». Наборы или комплекты в том случае, когда несколько товаров продаются вместе как единый продукт (например, набор для умного дома, включающий датчики, центр управления и аксессуары).

Моделирование будем проводить для трех магазинов электротоваров. Пусть первый магазин будет находится на удаленном расстоянии от остальных и располагаться за городом. А второй и третий магазины находятся в центральной части города и расположены относительно не далеко друг от друга.

Обозначим буквами следующие ассортименты товара: φ – измерительные приборы; x – розетки; y – выключатели; z – провода. Введем количественные интервалы продаж товаров в течении дня (таблица 1). Так для первого магазина и товара x ежедневные продажи составили от 43 до 58 штук (шт.) единиц

продукции, а для товара y от 23 до 44 шт. Второй магазин реализует товар z в количестве от 30 до 51 шт. в день.

Таблица 1 – Выбранные количественные интервалы продаж товаров

Номер магазина	Товары, шт.			
	x	y	z	ϕ
1	43-58	23-44	10-19	1-6
2	49-70	20-33	30-51	10-18
3	49-79	20-38	45-69	14-25

Продажи будем анализировать в течении 50 дней. Т.е. из каждого интервала продаж будет выбрано по 50 значений для каждого типа товара. Для этого произведем генерацию количества продаж товаров x, y, z, ϕ для трёх магазинов (таблица 2). Генерацию осуществим при нормальном законе распределения.

Так для первого магазина в первый день было продано товаров x, y, z, ϕ в количестве 51, 35, 14 и 2 шт. соответственно. А для третьего магазина в 50 день продано товаров 6, 3, 5 и 2 шт.

Таблица 2 – Генерация количества продаж товаров x, y, z, ϕ для трёх магазинов в течении 50 дней

Дни \ №	Количество продаж $[x, y, z, \phi]$, шт.		
	1	2	3
1	[51, 35, 14, 2]	[70, 32, 47, 14]	[6, 3, 60, 25]
2	[49, 30, 14, 2]	[64, 32, 45, 15]	[6, 3, 51, 19]
...
50	[50, 33, 14, 2]	[57, 28, 41, 13]	[6, 3, 5, 2]

Программное моделирование проводилось на языке Python в среде PyCharm. Применялись следующие доступные библиотеки: Pandas, NumPy, Scikit-learn, sklearn.metrics, sklearn.linear_model, sklearn.cluster.KMeans, pandas.DataFrame [1].

Создание кода по построению гистограмм производилось с использованием функции `pyplot.figure(figsize=(20, 24))` и последующих функций Matplotlib, которая основана на принципах визуализации данных и возможностях библиотеки для создания сложных графиков. Параметр `figsize=(20, 24)` задаёт размер фигуры: 20 дюймов по ширине и 24 дюйма по высоте.

Внешний цикл программы перебирает названия всех признаков товаров. Внутренний цикл перебирает классы (магазины). Комбинация циклов может обеспечить перебор всех пар «признак \times класс» — всего 4 признака \times 3 класса = 12 комбинаций.

Проданные товары могут иметь количественную взаимосвязь [2]. В связи с генерацией нормального распределения купленных товаров построим гистограммы количественного распределения по дням для x первого магазина (рисунок 1а) и φ трёх магазинов (рисунок 1б). Второй и третий магазины имеют взаимную область покупок товаров φ .

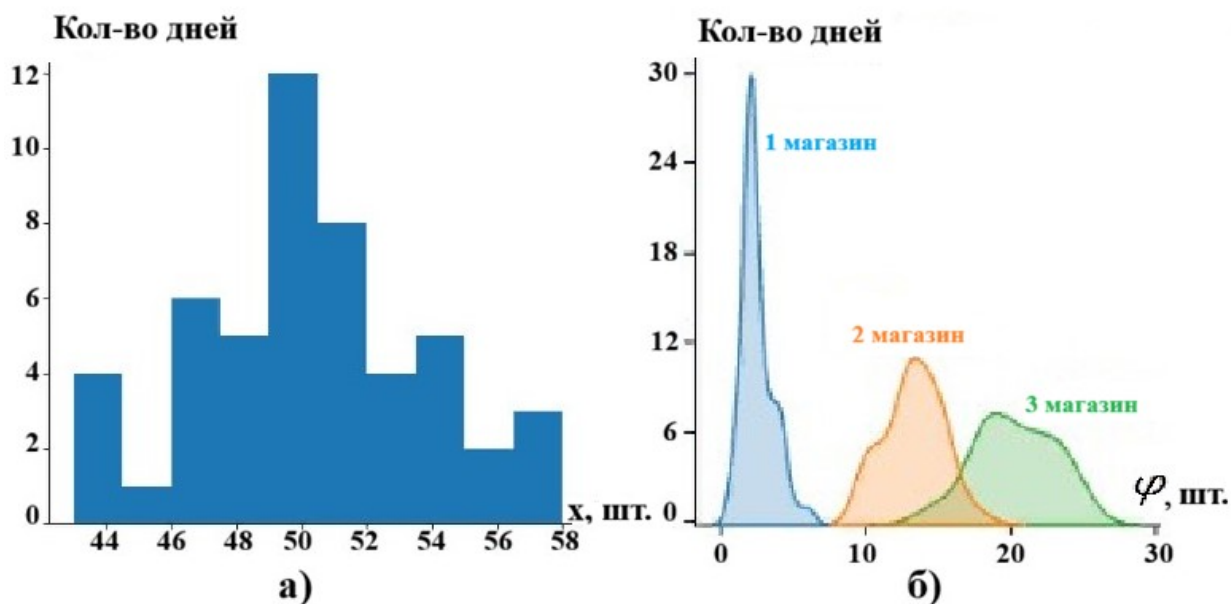

Рисунок 1 – Гистограммы количественного распределения купленных товаров по дням: а) x первого магазина, б) φ для трёх магазинов

Из гистограммы рисунка 1а выделим таблицу 3 с количеством дней из 50 в течении которых приобретались товары x . Так минимальное число купленной продукции товара $x = 45$ шт. реализовано за 1 день. А максимальное число $x = 58$ шт. наблюдается в течении трёх дней.

Таблица 3 – Товары и дни их реализации

Количество дней	1	2	3	4	5	6	8	12
Товары, шт.	46	56	58	44+53=97	48+54=102	47	51	50

Произведем расчет купленной продукции товара x за все 50 дней продаж:
 $\Sigma X = 46+56+59+97+102+47+51+50 = 508$ шт.

Тогда среднее число покупаемых товаров (средние продажи) x за один день:
 $X1 = \Sigma X / 50 = 508 / 50 = 10.16$ шт.

Полная картина точечных зависимостей может показать совместные покупки того или иного товара [3]. Точечные график рисунка 2 демонстрируют зависимости продаж товаров x, y, z от φ для всех магазинов.

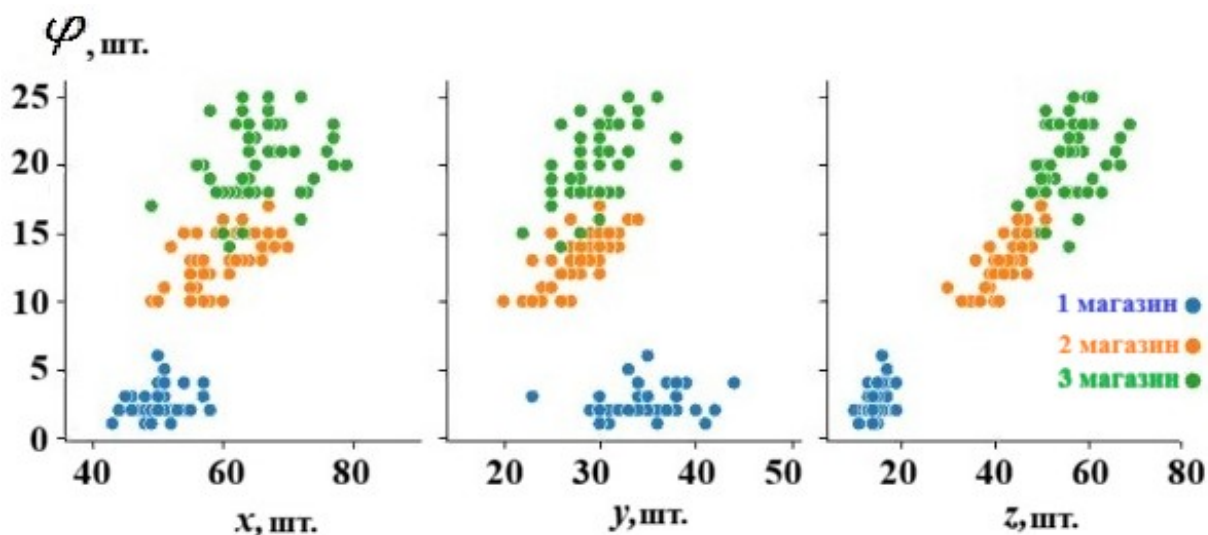

Рисунок 2 – Точечные графики зависимостей продаж товаров x, y, z от φ для трёх магазинов

По каждому из графиков можно определить усредненную точку взаимных продаж товаров. Так для третьего магазина на продажу товаров $x = 20$ шт. соответствует продажа товаров $\varphi = 65$ шт. На рисунке 3 показана усредненная точка А взаимных продаж товаров x и φ . Поэтому оценка покупок одного товара может дать прогноз на необходимость закупки нужного количества другого товара.

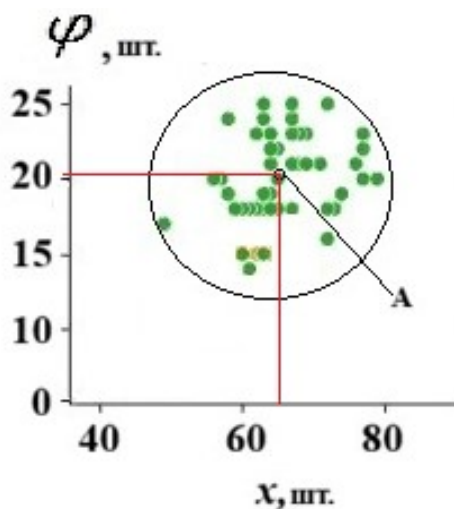

Рисунок 3 – Усреднённая точка А взаимных продаж товаров x и φ для третьего магазина

С использованием программного модуля `seaborn.heatmap()` была сформирована тепловая карта корреляционных взаимосвязей в формате двумерной визуализированной матрицы [4]. В рамках данной визуализации каждая ячейка соответствует коэффициенту корреляции между парой переменных, а градация цветовой интенсивности количественно отражает силу статистической связи. Согласно данным, представленным на рисунке 4, максимальная корреляция зафиксирована между товарами z и φ (коэффициент Пирсона $r=0,96$), тогда как минимальная — между товарами y и z ($r=-0,11$). Более

положительная корреляция показывает на близкую взаимную покупательность товаров.

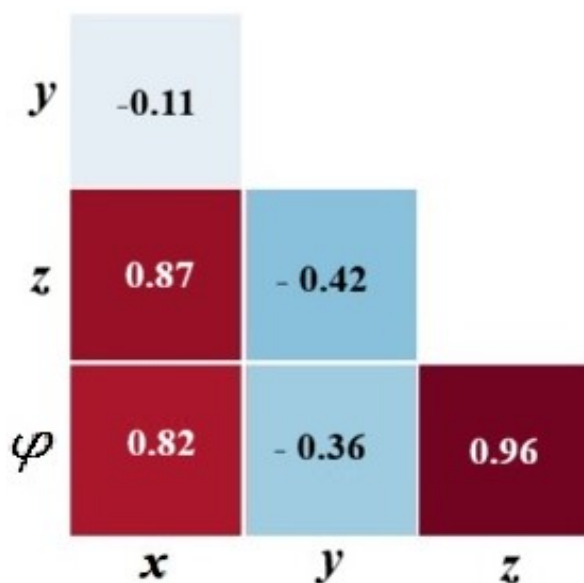

Рисунок 4 – Двумерная визуализированная матрица корреляции продаж товаров

Таким образом, в результате проведённого статистического анализа продаж с использования языка программирования Python была показана возможность оценки взаимных покупок различных групп товаров. Для этого построены гистограммы количественного распределения купленных товаров, точечные графики зависимостей продаж и матрица корреляции.

Литература

1. Михед, А. Д. Использование Python для статистического анализа координат объектов наблюдений / А. Д. Михед // Вестник МПА ВПА (Сборник научных трудов). — 2024. — № 2 (6). — С. 16–22.
2. Афанасьева, О. В. Статистические методы системного анализа: учебное пособие / О. В. Афанасьева, Т. Ф. Туляков. — Санкт-Петербург: Медиапайр, 2025. — 102 с. — ISBN 978-5-00110-499-5.
3. Морозова, Е. В. Статистический анализ координат объектов наблюдений / Е. В. Морозова // Современные проблемы гироскопии, оптоэлектроники и электрооборудования летательных аппаратов : сборник материалов Всероссийской молодёжной конференции с международным участием (Тула, 11 июня 2025 года). — Тула : Тульский государственный университет, 2025. — С. 48–51.
4. Халафян, А. А. STATISTICA 6. Статистический анализ данных: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Статистика» и другим экономическим специальностям / А. А. Халафян. — 2-е изд. — Москва : Бинوم, 2010. — 522 с. — ISBN 978-5-9518-0370-2.

STATISTICAL ANALYSIS OF PRODUCT SALES USING THE PYTHON LANGUAGE

Mikhed A.D., Sohibov N.M.

anton11588@yandex.ru

ANO VO «INTERNATIONAL POLICE ACADEMY»

(Tula)

Annotation. The paper presents a statistical analysis of sales based on the example of three stores, each of which has four product categories. The purchasing dependence of goods is examined from the perspective of correlation. The presented heat map takes into account the Pearson correlation coefficient. The modeling was performed using Python in the PyCharm environment.

Keywords: Sales analysis, histogram, Pearson correlation, Python, correlation matrix, average sales.

К ВОПРОСУ ОБ ОЦЕНКЕ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Осипов Михаил Юрьевич, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник

osipov11789@yandex.ru

АНО ВО «МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИЦЕЙСКАЯ АКАДЕМИЯ»

(Тула, Россия)

Аннотация. Предметом исследования, результаты которого изложены в настоящей статье выступают особенности и закономерности оценки информационно-технологического потенциала образовательных организаций высшего образования. Цель исследования состоит в том, чтобы определить особенности оценки информационно – технологического потенциала образовательных организаций высшего образования. В ходе исследования было установлено, что оценка информационно – технологического потенциала образовательных организаций высшего образования предполагает определение того, насколько имеющиеся в распоряжении образовательной организации высшего образования информационные технологии позволяют решать стоящие перед образовательной организацией высшего образования задачи. Также в статье предлагается алгоритм оценки информационно – технологического потенциала образовательной организации высшего образования, анализируются возможные ошибки при осуществлении такой оценки, предлагаются пути их устранения.

Ключевые слова: информационные технологии, потенциал, образовательные организации, высшее образование, оценка

Введение

Проблема определения информационно – технологического потенциала образовательных организаций высшего образования, это одна из актуальных проблем, стоящих как перед наукой менеджмента в высшем образовании, так и перед образовательными организациями высшего образования. Необходимо отметить, что вопросам использования информационных технологий в высшем образовании посвящено немало работ, как в отечественной, так и в зарубежной литературе [1]; [2]; [5]; [6]; [9]; [17]; [20]; [14]. Однако вопросам оценки информационно – технологического потенциала образовательных организаций высшего образования, методике ее проведения уделяется недостаточное внимание, как в отечественной, так и в зарубежной юридической литературе. Между тем, понимание того, каким информационно – технологическим потенциалом обладает та или иная образовательная организация высшего образования представляется очень важным в связи с наличием следующих обстоятельств. В настоящее время мы живем в

«цифровую эпоху» [4, с.23]. «Цифровая эпоха» предполагает определенное изменения, которые происходят в культуре общества, в том числе в культуре восприятия информации [10]. Образование, в том числе и высшее образование это продукт культуры [12] и средство трансляции определенной культуры от старшего поколения к младшему [22]

В условиях широкого распространения информационных технологий в современном обществе, включая технологии искусственного интеллекта [7] [8] [17] этот механизм может быть реально сломан, и в результате чего возникнет угроза ментальной деградации человечества под воздействием искусственного интеллекта [19] и превращения человека в «раба искусственного интеллекта», то есть той ситуации в высшем образовании, когда искусственный интеллект будет формулировать по запросу человека определенные задачи и их решать, а роль человека будет лишь сведена к переносу данных из одной системы в другую, пока ИИ не научится это делать сам. То есть станут реальностью самые мрачные пророчества, описанные во многих футуристических романах

Для того, чтобы избежать столь печальной участи превращения человека в придатка искусственного интеллекта, который в свою очередь является информационной технологией, созданной человеком, необходимо проведения специальных исследований, посвященных анализу информационно - технологического потенциала образовательных организаций высшего образования, поскольку именно специалисты с высшим образованием, а также профессорско-преподавательский состав вузов и работники научных организаций составляют ту основу, на которой держится научно – технологический прогресс нашего общества [16] [18] Если в вузах сложится такая ситуация, что студенты будут более «продвинутыми» в области цифровых технологий, чем профессорско – преподавательский состав, который преподает студентам ту или иную дисциплину, то это может приводить к потере авторитета преподавателя среди студентов [13], что самым негативным образом скажется на освоении студентами той или иной дисциплины. Кроме того, обостряющаяся конкуренция среди образовательных организаций высшего образования, в условиях развития информационных технологий в высшем образовании [15] вынуждает вузы все активнее использовать те или иные информационные технологии в образовательном процессе.

Однако как известно любая технология имеет не только положительные, но и отрицательные стороны. Следовательно, перед вузами возникает проблема отбора тех или иных информационных технологий, которые могут помочь вузам достичь тех или иных целей в высшем образовании, правильно оценить возможности и риски использования той или иной технологии.

Все это предполагает наличие определенной методики оценки так называемого информационно – технологического потенциала образовательной организации высшего образования, которая позволит учесть возможности и риски использования той или иной информационной технологии в высшем образовании. К сожалению, в настоящее время методика оценки информационно – технологического потенциала образовательных

организаций высшего образования не разработана (в открытых источниках сведений о такой методике пока нет). Все вышеизложенное предполагает проведение специальных исследований, посвященных оценке информационно-технологического потенциала образовательных организаций высшего образования, в том числе и данного исследования.

Предметом исследования, результаты которого изложены в настоящей статье выступают особенности и закономерности оценки информационно-технологического потенциала образовательных организаций высшего образования. Цель исследования состоит в том, чтобы определить особенности оценки информационно – технологического потенциала образовательных организаций высшего образования.

Для достижения указанной цели исследования представляется необходимым решение следующих научно – исследовательских задач

1. определение понятия «информационно – технологический потенциал» образовательной организации высшего образования и его основных составляющих;
2. определение понятия «оценка информационно – технологического потенциала образовательной организации высшего образования»
3. определение основных составляющих оценки информационно – технологического потенциала образовательной организации высшего образования
4. определение позитивных и негативных факторов, влияющих на ход и результат оценки информационно – технологического потенциала образовательной организации высшего образования
5. определения возможных ошибок в оценке информационно – технологического потенциала образовательной организации высшего образования и путей их устранения

Понятие информационно – технологического потенциала образовательных организаций высшего образования и его основные составляющие

Под информационно – технологическим потенциалом образовательных организаций высшего образования предлагается понимать способность и возможность вуза достижения тех или иных целей и задач, стоящих перед ним при помощи той или иной информационной технологии, имеющийся у вуза.

Поскольку цели и задачи перед вузом стоят очень разные и вытекают из особенностей тех или иных бизнес процессов, протекающих в той или иной образовательной организации высшего образования, следовательно, информационно – технологический потенциал образовательных организаций высшего образования имеет сложную структуру и включает в себя: а) информационно – технологический потенциал вуза в сфере обучения студентов, который предполагает наличие разнообразных электронных средства обучения студентов: компьютерные обучающие программы, системы дистанционного обучения, мультимедийные электронные учебники, автономные обучающие сайты, средства для проведения вебинаров и т.д,

которые позволяют в той или иной мере решать те задачи, которые стоят перед вузом в ходе обучения студентов; б) информационно – технологический потенциал вуза в сфере воспитания студентов, который предполагает наличие всевозможных средств воспитания студентов (средства для проведения вебинаров, средства для проведения виртуальных экскурсий, всевозможные чаты, блоги, рассказывающие о жизни вуза, и приглашающие студентов для очного участия в тех или иных мероприятиях, проводимых вузом); в) информационно – технологический потенциал в сфере проведения научных исследований, который предполагает наличие разнообразных информационных систем, облегчающих проведение научных исследований, включая программы инженерного и математического моделирования, статистического анализа, геоинформационных систем и т.д; г) информационно – технологический потенциал в сфере издательской деятельности, который предполагает наличие разнообразных средств и систем, необходимых для осуществления непосредственно редакционное – издательской работы (включая программы и технологии верстки журналов, книг, а также сайтов, для размещения указанных ресурсов); д) информационно – технологический потенциал в сфере учета и управления высшим учебным заведением, который предполагает наличие разработанных самим вузом или приобретенных по договору систем автоматизированного учета и управления предназначенных для подготовки многочисленных управленческих документов или их карт (определенным образом структурированной информации) для образовательных организаций высшего образования, е) информационно – технологический потенциал в иных сферах деятельности вуза, которые не охватывают вышеуказанные типы бизнес – процессов, протекающих в образовательных организациях высшего образования, и который включает в себя те или иные информационные технологии позволяющие достичь определенных целей и задач, вытекающих из того или иного бизнес – процесса, протекающего в вузе.

Но само по себе наличие той или иной информационной технологии еще не означает наличие информационно – технологического потенциала. Та или иная технология должна позволять вузу достичь тех целей и решить те задачи, которые перед ним стоят при помощи той или иной информационной технологии. Иными словами для того, чтобы говорить об информационно – технологическом потенциале образовательной организации высшего образования, та или иная информационная технология должна выступать в качестве средства в следующей цепочке: Цель – средство – результат [21], где в качестве средства выступает информационная технология, ибо как было уже отмечено выше говорить об информационно – технологическом потенциале той или иной образовательной организации высшего образования возможно, только при наличии тех целей и задач, которые могут быть решены при помощи той или иной информационной технологии.

Таким образом мы выявили две составляющих информационно – технологического потенциала той или иной образовательной организации высшего образования: а) наличие той или иной информационной технологии;

б) наличие целей и задач, которые стоят перед вузом и которые могут быть решены при помощи той или иной технологии. Но приведенных двух составляющих информационно – технологического потенциала еще недостаточно, для осуществления правильной оценки. Поскольку как уже отмечалось выше информационно – технологический потенциал образовательной организации высшего образования — это способность и возможность вуза достижения тех или иных целей и задач, стоящих перед ним при помощи той или иной информационной технологии, имеющийся у вуза.

Для использования той или иной информационной технологии в образовательных организациях высшего образования необходимы еще соответствующие ресурсы, включая обученный персонал, который позволит при помощи той или иной технологии достичь тех целей и решить те задачи, которые стоят перед образовательными организациями высшего образования.

Следовательно, для того, чтобы говорить о наличии у образовательных организаций высшего образования информационно – технологического потенциала, необходимо, чтобы существовала следующая схема

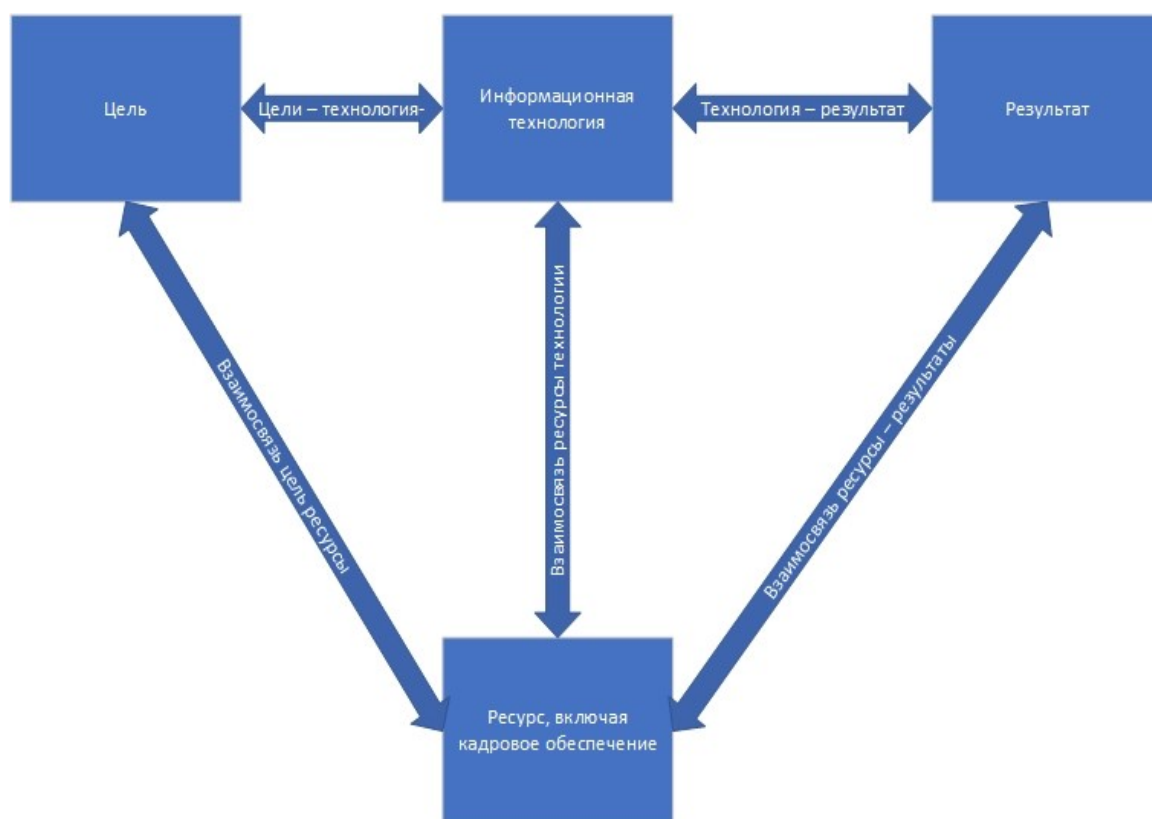

Рис 1. Схема существования информационно – технологического потенциала образовательной организации высшего образования

Анализ данного рисунка показывает, что информационно – технологический потенциал той или иной образовательной организации высшего образования предполагает: а) наличие целей и задач, стоящих перед образовательной организацией высшего образования, которую можно достичь при помощи той или иной информационной технологии, б) наличие той или иной информационной технологии, которая позволяет получить тот или иной

результат (достижение той или иной цели, решение той или иной задачи); б) наличие ресурсов, включая кадровое обеспечение которое позволяет достичь той или иной цели в высшем образовании, в) наличие взаимосвязей между целями и ресурсами, включая кадровое обеспечение, г) наличие взаимосвязи между информационными технологиями и ресурсами, включая кадровое обеспечение, д) наличие взаимосвязи между ресурсами, включая кадровое обеспечение и полученным результатом, ибо без надлежащего обеспечения, включая кадровое обеспечение (людей) говорить об информационно – технологическом потенциале образовательных организаций высшего образования не приходится, поскольку именно люди определяют и воспринимают те цели и задачи, которые стоят перед образовательной организацией высшего образования, они определяют и используют те или иные информационные технологии для достижения тех целей и задач, которые перед ними стоят, и которые вытекают из целей и задач образовательных организаций высшего образования и несут ответственность за полученный результат. Только при учете всех указанных составляющих можно приступить к оценке информационно – технологического потенциала образовательной организации высшего образования. Возникает вопрос, что представляет собой оценка информационно – технологического потенциала образовательной организации высшего образования и каковы ее основные составляющие

Оценка информационно – технологического потенциала образовательных организаций высшего образования и ее основные составляющие

Под оценкой информационно – технологического потенциала образовательных организаций высшего образования предлагается понимать специально организованную процедуру, направленную на определение того, насколько существующие в вузе информационные технологии позволяют достигать тех целей и задач, которые стоят перед образовательными организациями высшего образования при наличии в вузе тех или иных ресурсов, включая кадровое обеспечение.

К числу основных составляющих оценки информационно – технологического потенциала образовательных организаций высшего образования можно отнести следующие составляющие: а) анализ целей и задач стоящих перед вузом, которые регламентированы как соответствующими нормативно- правовыми актами на федеральном уровне, так и локальными нормативными актами образовательной организации; б) определение тех или иных бизнес-процессов которые направлены на достижение тех или иных задач, стоящих перед образовательными организациями высшего образования и которые направлены на достижение тех или иных целей или решения тех или иных задач, которые стоят перед образовательными организациями высшего образования; в) определение актуальных и возможных информационных технологий, которые могут быть задействованы в том или ином бизнес – процессе, направленном на достижение тех целей и задач, которые стоят перед образовательными организациями высшего образования; г) определение ресурсов, включая кадровое обеспечение, которые необходимы для

использования той или иной информационной технологии в том или ином бизнес – процессе, протекающем в вузе; д) определение возможных результатов, которых можно достичь при помощи той или иной информационной технологии, е) определение возможных экономических выгод и рисков связанных с использованием той или иной информационной технологии в высшем образовании.

«В целях снижения рисков использования тех или иных информационных технологий, включая технологии искусственного интеллекта в высшем образовании [3] можно использовать специальный алгоритм который включает в себя следующие шаги: а) определение того процесса, протекающего в системе высшего образования, в котором предполагается использование той или иной информационной технологии б) определение целей и задач использования той или иной информационной технологии в том или ином процессе, который протекает в системе высшего образования; в) определение того, возможно ли достижение целей и задач, которые предполагаются решить при помощи той или иной информационной технологии иным путем, и какие при этом возникнут альтернативные издержки; г) оценка возможного уровня риска при использовании информационной технологии в высшем образовании, которая осуществляется по следующей формуле $P=(Q_{\text{ошиб}}/Q_{\text{об}})*100\%$ (1) где P-уровень риска; Qошиб-число случаев, когда использование той или иной информационной технологии приводило к ошибкам; Qоб-общее число рассмотренных случаев; е) определение экономической выгоды от использования той или иной информационной технологии, которая определяется по формуле $R=U-P*D$ (2), где R-возможная выгода от использования той или иной информационной технологии в высшем образовании; D-возможный ущерб от использования той или иной информационной технологии в высшем образовании; U-возможная польза от использования той или иной информационной технологии в высшем образовании, которая определяется как $U_{\text{max}}*(1-P_1)=U$ (3), где Umax-максимально возможная польза от использования той или иной информационной технологии; P1-вероятность совершения ошибок без использования той или иной информационной технологии в высшем образовании» [23]

Далее рассмотрим возможные факторы, влияющие на оценку информационно – технологического потенциала образовательных организаций высшего образования, возможные ошибки при проведении оценки информационно – технологического потенциала образовательных организаций высшего образования, а также пути их устранения

Основные факторы, влияющих на ход и результат оценки информационно – технологического потенциала образовательной организации высшего образования

Под основными факторами, влияющими на ход и результат оценки информационно – технологического потенциала образовательной организации высшего образования предлагается понимать те обстоятельства, которые прямо или косвенно, позитивно или негативно влияют на ход и результат

оценки информационно – технологического потенциала образовательной организации высшего образования

К числу таких факторов можно отнести следующие:

1. Наличие четко сформулированных и верифицируемых целей и задач, которые стоят перед образовательной организацией высшего образования.

2. Понимание руководством вуза сущности и содержания целей и задач, которые стоят перед образовательной организацией высшего образования, а также способов и методов проверки их достижения (верифицируемость целей и задач).

3. Наличие в вузе четко сформулированных бизнес – процессов, которые направлены на достижение целей и задач, стоящих перед образовательными организациями высшего образования.

4. Понимание руководством вуза и всеми заинтересованными лицами сущности и содержания сформулированных бизнес – процессов, которые направлены на достижение целей и задач, стоящих перед образовательными организациями высшего образования.

5. Наличие в вузе определенных информационных технологий, которые актуально или потенциально могут быть использованы в том или ином бизнес-процессе, направленном на достижение целей и задач, стоящих перед образовательными организациями высшего образования.

6. Понимание руководством вуза возможностей тех или иных информационных технологий, которые актуально или потенциально могут быть использованы в том или ином бизнес- процессе, направленном на достижение целей и задач, стоящих перед образовательными организациями высшего образования.

7. Наличие в вузе необходимых ресурсов, включая кадровое обеспечение, которое необходимо для полноценного использования тех или иных информационных технологий, которые актуально или потенциально могут быть использованы в том или ином бизнес- процессе, направленном на достижение целей и задач, стоящих перед образовательными организациями высшего образования.

8. Понимание руководством вуза и всеми заинтересованными сторонами необходимости наличия определенных ресурсов и определённого уровня подготовленности кадров, которые необходимы для использования использованы в том или ином бизнес- процессе, направленном на достижение целей и задач, стоящих перед образовательными организациями высшего образования.

В зависимости от конкретного содержания указанных факторов определяется их позитивное или негативное влияние на ход и результат оценки информационно – технологического потенциала образовательной организации высшего образования

Так если цели, задачи, стоящие перед вузом, а равно бизнес процессы, которые направлены на достижение этих задач сформулированы нечетко, или у руководства вузом и у заинтересованных сторон отсутствуют правильные представления о целях, задачах, стоящих перед образовательными организациями высшего образования, бизнес – процессах, направленных на достижение\ указанных целей и задач, а равно отсутствуют представления об тех или иных информационных технологиях, которые актуально или потенциально могут способствовать достижению тех или иных целей и задач, стоящих перед вузами, а равно отсутствуют правильные представления об тех ресурсах, и уровне подготовленности кадрового обеспечения которые необходимы для использования использованы в том или ином бизнес-процессе, направленном на достижение целей и задач, стоящих перед образовательными организациями высшего образования это может приводить к ошибкам в оценке информационно – технологического потенциала образовательных организаций высшего образования, его недооценке или переоценке.

Рассмотрим указанные ошибки, а также пути их устранения более подробно.

Возможные ошибки в оценке информационно – технологического потенциала образовательной организации высшего образования и пути их устранения

Под ошибками в оценке информационно – технологического потенциала образовательной организации высшего образования предлагается понимать неверное определение информационно – технологического потенциала образовательной организации высшего образования, выражающееся в его недооценке или переоценке.

К числу возможных ошибок, связанных с оценкой информационно – технологического потенциала образовательной организации высшего образования можно отнести следующие ошибки.

1. Неверное определение целей и задач, которые стоят перед образовательной организацией высшего образования.

2. Неверное определение бизнес – процессов, которые необходимы для достижение тех целей и решения задач, которые стоят перед образовательной организацией высшего образования.

3. Неверное определение целей и задач использования той или иной информационной технологии в том или ином бизнес – процессе, протекающем в той или иной образовательной организации высшего образования.

4. Неверное определение возможностей той или иной информационной технологии в том или ином бизнес – процессе, протекающем в той или иной образовательной организации высшего образования.

5. Неправильное определение ресурсов, включая уровень подготовленности кадров, который необходим для использования той или иной информационной технологии в том или ином бизнес – процессе, протекающем в той или иной образовательной организации высшего образования.

6. Неверное определение планируемых результатов использования той или иной информационной технологии в том или ином бизнес – процессе, протекающем в той или иной образовательной организации высшего образования.

В целях профилактики указанных ошибок предлагается использовать специальный алгоритм, который включает в себя поиск ответа на следующие вопросы.

1. Верно ли сформулированы цели и задачи, стоящие перед образовательными организациями высшего образования.

2. Правильно ли понимаются руководством вуза и всеми заинтересованными сторонами цели и задачи, стоящие перед образовательными организациями высшего образования

3. Верно ли определены бизнес – процессы, протекающие в образовательной организации высшего образования, которые направлены на достижение целей и задач, стоящих перед образовательными организациями высшего образования

4. Есть ли правильное понимание у руководства вуза и заинтересованных сторон особенностей содержания тех или иных бизнес – процессов, протекающих в вузах и которые направлены на достижение целей и задач, которые стоят перед вузами

5. Есть ли правильное понимание у руководства вуза и заинтересованных сторон того, какие информационные технологии могут быть использованы в том или ином бизнес – процессе, из числа имеющихся в вузе

6. Есть ли правильное понимание у руководства вуза и заинтересованных сторон того, какие ресурсы, включая необходимый уровень подготовленности кадрового обеспечения для использования той или иной информационной технологии

7. Произведена ли экономическая оценка выгод и рисков, которые несет за собой использование той или иной информационной технологии в образовательных организациях высшего образования

Если все ответы на данные вопросы положительные, то вероятность совершения ошибок при оценке информационно – технологического потенциала образовательной организации высшего образования стремиться к нулю, если же ответ на некоторые вопросы отрицательный, то представляется необходимым предпринять соответствующие действия, которые позволят

получить объективный положительный ответ на поставленный вопрос, если же имеются сомнения, то необходимо продолжить поиск

Мы рассмотрели все вопросы, входящие в предмет нашего исследования

Подведем итоги

Заключение

В ходе исследования было установлено следующее.

1. Под информационно – технологическим потенциалом образовательных организаций высшего образования предлагается понимать способность и возможность вуза достижения тех или иных целей и задач, стоящих перед ним при помощи той или иной информационной технологии, имеющийся у вуза.

2. К числу основных составляющих (внутренних элементов) информационно – технологического потенциала образовательной организации высшего образования относятся взаимодействующие и взаимосвязанные между собой цели, информационные технологии в качестве средств, результаты, а также ресурсы, включая кадровое обеспечение, необходимое для использования той или иной информационной технологии в образовательных организациях высшего образования.

3. Под оценкой информационно – технологического потенциала образовательных организаций высшего образования предлагается понимать специально организованную процедуру, направленную на определение того, насколько существующие в вузе информационные технологии позволяют достигать тех целей и задач, которые стоят перед образовательными организациями высшего образования при наличии в вузе тех или иных ресурсов, включая кадровое обеспечение.

4. Под основными факторами, влияющими на ход и результат оценки информационно – технологического потенциала образовательной организации высшего образования предлагается понимать те обстоятельства, которые прямо или косвенно, позитивно или негативно влияют на ход и результат оценки информационно – технологического потенциала образовательной организации высшего образования

5. Под ошибками в оценке информационно – технологического потенциала образовательной организации высшего образования предлагается понимать неверное определение информационно – технологического потенциала образовательной организации высшего образования, выражающееся в его недооценке или переоценке.

Также в статье рассматриваются особенности и основные составляющие оценки информационно – технологического потенциала образовательных организаций высшего образования, виды ошибок при осуществлении такой оценки и пути их профилактики

Дальнейшее направление исследований автор склонен связывать с определением методики оценивания информационно – технологического потенциала образовательных организаций высшего образования в конкретных бизнес – процессах, протекающих в них.

Список литературы

1. *Абдрахманова, Г. Ш.* Информационные и коммуникационные технологии в высшем образовании // Вестник Кыргызстана. – 2020. – № 2. – С. 73-81. – DOI 10.33514/1694-7711-2020-2-73-81.
2. *Блохин, В. Н.* Перспективные информационные технологии в высшем образовании // Новые информационные технологии в образовании и аграрном секторе экономики: сборник материалов I Международной научно-практической конференции, Брянск, 02 марта 2018 года. – Брянск: Брянский государственный аграрный университет, 2018. – С. 248-252.
3. *Давыдова, Г. И.* Риски и вызовы при внедрении искусственного интеллекта в систему высшего образования / Г. И. Давыдова, Н. В. Шлыкова // Вестник практической психологии образования. – 2024. – Т. 21, № 3. – С. 62-69. – DOI 10.17759/bppe.20242710308
4. *Игнатова, Н. Ю.* Образование в цифровую эпоху / Н. Ю. Игнатова. – Нижний Тагил: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2017. – 128 с.
5. *Иванченко, Е. Н.* Информационные технологии и проблемы их использования в высшем образовании // Интеллектуальные информационные системы: Труды Международной научно-практической конференции. В 2-х частях, Воронеж, 11–12 декабря 2018 года. Том Часть 1. – Воронеж: Воронежский государственный технический университет, 2018. – С. 113-116.
6. *Рудакова, Е. В.* Информационные технологии в высшем образовании // Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы. – 2015. – № 1(4). – С. 105-106
7. *Islamov, R. S.* The Features of the Students' Interaction with Artificial Intelligence in Foreign Language Classes in the Era of Digitalization of Higher Education / R. S. Islamov // Virtual Communication and Social Networks. – 2022. – Vol. 1, No. 1(1). – P. 42-48
8. *Ganchev, G. T.* The role of artificial intelligence as a factor of improving the quality of higher education / G. T. Ganchev // Education. Quality Assurance. – 2019. – No. 4(17). – P. 38-41.
9. *Green K. C., Gilbert S. W.* Great expectations: Content, communications, productivity, and the role of information technology in higher education // Change: The magazine of higher learning. – 1995. – Т. 27. – №. 2. – P. 8-18.

10. *Goran J., LaBerge L., Srinivasan R.* Culture for a digital age //McKinsey Quarterly. – 2017. – Т. 3. – №. 1. – С. 56-67.
11. *Hastuti S. et al.* Transmission of Culture and Development of Educational Institutions: Array //Literasi Nusantara. – 2021. – Т. 2. – №. 1. – P. 1-14.
12. *Masemann V. L.* Culture and education //Comparative education: The dialectic of the global and the local. – 2003. – Т. 2. – P. 115-132.
13. *Mokhele P. R.* The teacher-learner relationship in the management of discipline in public high schools //Africa education review. – 2006. – Т. 3. – №. 1_2. – P. 148-159.
14. *Moshtari M., Safarpour A.* Challenges and strategies for the internationalization of higher education in low-income East African countries //Higher Education. – 2024. – Т. 87. – №. 1. – P. 89-109.
15. *Musselin C.* New forms of competition in higher education //Socio-Economic Review. – 2018. – Т. 16. – №. 3. – P. 657-683.
16. *Porter T. M.* How science became technical //Isis. – 2009. – Т. 100. – №. 2. – P. 292-309.
17. *Rawas S.* ChatGPT: Empowering lifelong learning in the digital age of higher education //Education and Information Technologies. – 2024. – Т. 29. – №. 6. – P. 6895-6908.
18. *Rosenberg N., Nelson R. R.* American universities and technical advance in industry //Research policy. – 1994. – Т. 23. – №. 3. – P. 323-348.
19. *Saraceni G.* Artificial Intelligence and Mental Health //HUMANITIES AND RIGHTS GLOBAL NETWORK JOURNAL. – 2023. – Т. 5. – №. 2.
20. *Shwedeh F.* Harnessing digital issue in adopting metaverse technology in higher education institutions: Evidence from the United Arab Emirates //International Journal of Data and Network Science. – 2024. – Т. 8. – №. 1. – P. 489-504.
21. *Skrynkovskyy R. M.* Diagnosing the Maturity Level of IT Processes at the Enterprise //Бізнес Інформ. – 2018. – №. 4. – P. 377-383.
22. *Crema E. R., Bortolini E., Lake M.* How cultural transmission through objects impacts inferences about cultural evolution //Journal of Archaeological Method and Theory. – 2024. – Т. 31. – №. 1. – С. 202-226.
23. Осипов, М. Ю. О рисках использования искусственного интеллекта в высшем образовании / М. Ю. Осипов // Трансформация национальной социально-экономической системы России : Материалы 7-й Ежегодной Всероссийской научно-практической конференция с международным участием, Москва, 05 декабря 2024 года. – Москва: РГУП им. В.М. Лебедева, 2025. – С. 158-161. – EDN QGSFTQ.

ABOUT THE QUESTION OF ASSESSING THE INFORMATION TECHNOLOGICAL POTENTIAL OF HIGHER EDUCATION ORGANIZATIONS

Mikhail Yuryevich Osipov, PhD in Law, Senior Researcher

osipov11789@yandex.ru

ANO VO INTERNATIONAL POLICE ACADEMY

(Tula, Russia)

Abstract: The subject of the study are the features and patterns of assessing the information technology potential of higher education institutions. The purpose of the study is determining the features of assessing the information technology potential of higher education institutions. During the study, it is found assessing the information technology potential of higher education institutions involves determining how much the information technologies available to the higher education institution allow solving the problems facing the higher education institution. The article presents the algorithm, which are assessing the information technology potential of a higher education institution. The article also analyzes the possible errors in carrying out such an assessment, and suggests ways to eliminate them.

Keywords: information technology, potential, educational organizations, higher education, assessment

ПРАКТИКА РАБОТЫ НА КРИПТО-БИРЖАХ И НА ЭЛЕКТРОННЫХ БИРЖЕВЫХ ПЛОЩАДКАХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ДЕМО-СЧЕТОВ КАК ИНСТРУМЕНТАРИЙ ПОДГОТОВКИ ЭКОНОМИСТОВ

Щепотьев Александр Викторович, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Финансы и менеджмент» ФГБОУ ВО «ТУЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ», доцент кафедры юриспруденции АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИЦЕЙСКАЯ АКАДЕМИЯ»

e-mail shepotevsv@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3451-2947

Аннотация. Данная статья посвящена вопросам обучения студентов экономических специальностей практическим навыкам работы на крипто-биржах и на электронных биржевых площадках с использованием демо-счетов. В рамках обучения студентам рекомендуется открывать демо-счета с виртуальными денежными средствами и иными финансовыми инструментами и нарабатывать навыки работы на фондовой, валютной, криптовалютной биржах в форме обучающих игр. Многие финансовые институты предоставляют возможность открывать демо-счета не реальными, а условными деньгами с целью привлечения потенциальных клиентов. Подобные возможности целесообразно использовать в образовательном процессе студентов экономической направленности.

Ключевые слова: криптовалюта, фондовый рынок, валютнообменные операции, электронная биржевая площадка, образовательный процесс, человеческий капитал.

Современные реалии вносят постоянные изменения в образовательный процесс. Пара десятилетий назад дистанционные формы образования только появлялись и постепенно внедрялись в практику обучающего процесса. В настоящее время дистанционное образование является обычным явлением [7]. С учетом современных технологий, например процесс цифровизации экономики [1], возникновение криптовалют [4] и крипто-бирж появляется необходимость обучения студентов с учетом современных инструментов и механизмов, присущих экономической жизни общества. Уже обыденным для широких слоев населения является использование современных механизмов перевода денег с использованием интернет-банков, покупка и продажа криптовалют и иных подобных инструментов через крипто-кошельки (через соответствующие крипто-биржи), торговля ценными бумагами через электронные биржевые площадки. Конечно, такие финансовые инструменты как криптовалюта, имеют

соответствующее сложное правовое регулирование [2], но для многих людей крипта уже стала почти повседневным финансовым инструментом. И в ходе подготовки экономистов целесообразно изучать не только теоретические аспекты современных экономических инструментов и механизмов, но и на практике направлять деятельность студентов на изучение и использование демо-счетов крипто-бирж, электронных биржевых площадок, банков, негосударственных пенсионных фондов и т.д. Многие организации финансового сектора экономики, с целью привлечения новых клиентов, формируют образовательные платформы, с созданием демо-счетов, похожих по своей сути реальным финансовым инструментам. На такие демо-счета зачисляются теоретические «учебные» денежные средства, которыми человек начинает пробовать работать, фактически не зарабатывая и не теряя денежные средства от своих теоретических операций с денежными средствами и финансовыми инструментами (ценные бумаги, валюта, криптовалюта и т. д.). Привитие для студентов навыков работы на финансовых площадках будет способствовать не только теоретическому изучению экономических дисциплин, но и разовьет практические навыки будущих экономистов. Подобные интерактивные навыки эффективно используются в различных направлениях образовательного процесса [3]. Отметим, что сочетание теории и практики давно и эффективно используется в практически во всех направлениях обучения [5]. Нарботка практических навыков работы на крипто-биржах и на электронных биржевых площадках различных финансовых институтов с использованием демо-счетов для студентов экономического профиля будет способствовать более эффективной подготовки специалистов, что в свою очередь будет формировать человеческий капитал каждого отдельно взятого специалиста [6]. Вышеописанную практику целесообразно внедрять во всех учебных заведениях, что приведет к подготовке экономистов, отвечающих требованиям современного рынка труда.

Литература:

1. Влияние процесса цифровизации на экономику России / И. В. Воробьева, А. Р. Идрисов, Я. В. Золотова [и др.] // *Modern Economy Success*. – 2025. – № 2. – С. 406-414. – EDN MSXAXA.
2. Маркс, Ю. А. Киберпространство как сфера гражданских правоотношений: проблемы понимания и нормативного оформления / Ю. А. Маркс // *Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. Серия: Юриспруденция*. – 2024. – № 23. – С. 49-52. – EDN LNVIPQ.
3. Мещерякова, А. В. Интерактивные педагогические методы в системе дистанционного обучения / А. В. Мещерякова // *Вызовы современности и стратегии развития общества в условиях новой реальности (шифр-МКВСС) : Сборник материалов XXVI Международной научно-практической конференции*,

Москва, 10 мая 2024 года. – Москва: ООО "Издательство "Экономическое образование", 2024. – С. 10-16. – EDN DKVMZE.

4. Осипов, М. Ю. Гражданско-правовая природа криптовалюты / М. Ю. Осипов // Актуальные проблемы гражданского права и процесса : Материалы всероссийской научно-практической конференции, Омск, 27 апреля 2018 года / Ответственные редакторы: Н. А. Резина, Е. Ф. Рашидов. – Омск: Омская юридическая академия, 2019. – С. 154-160. – EDN YXWYBV.

5. Шелиспанская, Э. В. Развитие профессиональных компетенций студентов педагогического вуза в процессе научно-педагогического сопровождения / Э. В. Шелиспанская, Е. В. Панферова // Донецкие чтения 2021: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : Материалы VI Международной научной конференции, Донецк, 26–28 октября 2021 года. Том 6 Часть 1. – Донецк: Донецкий национальный университет, 2021. – С. 318-320. – EDN XPSCJG.

6. Щепотьев, А. В. Человеческий капитал как "скрытый" актив образовательной организации / А. В. Щепотьев // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 6-1. – С. 150-153. – EDN PYGJEV.

7. Якушин, А. В. Дистанционное обучение в современном образовательном процессе / А. В. Якушин, А. В. Щепотьев // Право и экономика. – 2010. – № 12. – С. 20-23. – EDN NCOANR.

PRACTICE OF WORKING ON CRYPTO-EXCHANGES AND ELECTRONIC EXCHANGE PLATFORMS USING DEMO ACCOUNTS AS A TOOL FOR TRAINING ECONOMISTS

Shchepot'ev Alexander Viktorovich, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Finance and Management at the TULA STATE UNIVERSITY, Associate Professor of the Department of Law at the INTERNATIONAL POLICE ACADEMY.

e-mail shepotevsv@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3451-2947

Abstract. This article is devoted to the issues of teaching students of economic specialties practical skills of working on crypto-exchanges and on electronic exchange platforms using demo accounts. As part of the training, students are recommended to open demo accounts with virtual money and other financial instruments and to develop skills of working on stock, currency, cryptocurrency exchanges in the form of training games. Many financial institutions provide the opportunity to open demo accounts with non-real money in order to attract potential customers. It is advisable to use such opportunities in the educational process of students specializing in economics.

Keywords: cryptocurrency, stock market, currency exchange operations, electronic exchange platform, educational process, and human capital.

РАЗДЕЛ 3. ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

УДК 343

КРИМИНАЛИЗАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЦИФРОВЫХ ЗНАНИЙ

Кривенко С.В.

kaf.jur@mail.mpa71.ru

АНО ВО «МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИЦЕЙСКАЯ АКАДЕМИЯ»
(Тула)

Аннотация: в статье рассматривается динамика развития уголовного законодательства Российской Федерации в условиях стремительной цифровизации общества и роста киберпреступности. Автором анализируется понятийный аппарат, проводится разграничение между терминами «преступления в сфере компьютерной информации», «цифровые преступления» и «киберпреступления». Особое внимание уделено последним законодательным новеллам, направленным на криминализацию деяний, связанных с незаконным оборотом персональных данных, использованием технической инфраструктуры мошенников (SIM-боксы), а также на признание VPN-сервисовотягчающим обстоятельством. На основе актуальных статистических данных обосновывается необходимость ужесточения правового регулирования. В заключение обозначены ключевые проблемы правоприменения, включая фрагментарность норм, дефицит технической подготовки следствия и трансграничный характер IT-преступлений.

Ключевые слова: криминализация, киберпреступность, цифровые преступления, компьютерная информация, уголовное законодательство, персональные данные, кибербезопасность, вредоносное программное обеспечение, критическая информационная инфраструктура, SIM-боксы, VPN-сервисы, интеллектуальная собственность, декриминализация, информационно-телекоммуникационные технологии, утечка данных, мошенничество в сети Интернет.

Стремительное развитие цифровых технологий, приносящее обществу неоспоримые блага, одновременно создает питательную среду для совершенно новых форм преступности. Сегодня киберпространство превратилось в арену, где злоумышленники, используя высокотехнологичные инструменты, похищают

миллиарды рублей, незаконно завладевают личными данными и нарушают авторские права. В ответ на эти вызовы российское законодательство находится в процессе постоянной и динамичной эволюции, направленной на криминализацию — то есть признание преступными и уголовно наказуемыми — все более широкого круга деяний в цифровой сфере.

Понятие «преступления в сфере цифровых знаний» не является устоявшимся в праве и доктрине. Это, скорее, собирательный и описательный термин, который в профессиональной среде заменяется более точными юридическими категориями: «преступления в сфере компьютерной информации» (глава 28 УК РФ), «киберпреступления» и «цифровые преступления».

Между ними есть важные различия, которые помогают правоприменителям и специалистам точно описывать разные типы киберугроз.

Преступления в сфере компьютерной информации: узкое и строгое определение – это наиболее строгая юридическая категория, закреплённая в российском уголовном праве. Согласно преобладающей в доктрине точке зрения, под этими преступлениями понимаются «предусмотренные уголовным законом виновные общественно опасные деяния, причиняющие вред или создающие угрозу причинения вреда отношениям в сфере производства, хранения, использования и распространения компьютерной информации».

В Уголовном кодексе РФ этим деяниям посвящена отдельная глава 28, которая включает в себя такие составы, как:

- статья 272 УК РФ. Неправомерный доступ к компьютерной информации;
- статья 273 УК РФ. Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ;
- статья 274 УК РФ. Нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации;
- статья 274.1 УК РФ. Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру РФ;
- статья 272.1 УК РФ. Незаконное использование, передача, сбор и хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные (введена в конце 2024 года);
- статьи 274.3 – 274.5 УК РФ. Деяния, связанные с незаконным использованием технической инфраструктуры для совершения преступлений (например, SIM-боксов) (вступили в силу с 1 сентября 2025 года) [1].

Ключевой признак этих деяний в том, что предметом посягательства здесь выступает именно компьютерная информация как таковая.

Киберпреступлениями называют любые противозаконные действия, которые совершаются в цифровой среде или с помощью информационно-телекоммуникационных технологий.

К ним относятся:

- традиционные преступления, совершённые с использованием интернета (например, мошенничество, кражи, сбыт наркотиков, вовлечение несовершеннолетних в противоправную деятельность через соцсети);
- собственно преступления в сфере компьютерной информации (глава 28 УК РФ);
- распространение противоправного контента (клевета, угрозы, экстремистские материалы) [6].

Таким образом, термин «киберпреступление» служит своеобразным «зонтиком», объединяющим все возможные варианты использования информационных технологий в криминальных целях.

Цифровые преступления подчеркивают способ совершения преступления. В отличие от «киберпреступлений», которые часто ассоциируются исключительно с интернетом, «цифровые преступления» охватывают любые технологии.

Цифровые преступления — это виновные, общественно опасные деяния, запрещённые уголовным законом под угрозой наказания, совершаемые посредством компьютерных, цифровых, информационно-телекоммуникационных и иных современных технологий либо в киберпространстве.

Таким образом, понятие «преступления в сфере цифровых знаний» — это не строгий юридический термин, а скорее попытка описать всю эту сложную и многогранную область. В зависимости от контекста, когда мы говорим о них, мы можем иметь в виду одну из этих трёх более точных категорий.

Фундамент уголовной ответственности за преступления в цифровой сфере в России заложен в главе 28 Уголовного кодекса РФ, которая так и называется: «Преступления в сфере компьютерной информации». Изначально она включала три ключевых состава преступлений: статья 272 УК РФ — неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, статья 273 УК РФ — создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ, статья 274 УК РФ — нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей [1].

Однако эти базовые нормы оказались неспособны в полной мере охватить весь спектр новых цифровых угроз. В связи с этим законодатель непрерывно расширяет и ужесточает правовое поле. Только за последние годы был принят ряд знаковых изменений:

- усиление защиты персональных данных. С 11 декабря 2024 года введена статья 272.1 УК РФ, устанавливающая ответственность за незаконное использование, передачу, сбор и хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные.
- криминализация цифровой инфраструктуры мошенников. С 1 сентября 2025 года в УК РФ появились новые статьи (274.3 – 274.5), направленные против технической базы киберпреступников. Уголовно наказуемым стало незаконное использование SIM-боксов и виртуальных телефонных станций, а также организация деятельности по передаче аккаунтов и абонентских номеров третьим лицам для совершения преступлений.
- введение нового отягчающего обстоятельства. С 1 сентября 2025 года совершение любого преступления с использованием VPN-сервисов будет признаваться отягчающим обстоятельством [3, 4].

Эти нововведения являются реакцией государства на взрывной рост преступлений в цифровой среде.

Преступность в киберпространстве признаётся критической угрозой информационной безопасности как государства, так и институтов гражданского общества. Цифровая трансформация создала виртуальную реальность, существующую по законам сетевого сообщества, что ослабляет влияние государства на развитие культурной сферы и делает компьютерные технологии объектом криминальных интересов.

Стремительный рост инноваций в сфере искусственного интеллекта порождает новые криминологические риски. Среди учёных и практиков крепнет уверенность, что общественной безопасности может серьёзно угрожать усиливающийся рост инновационных составляющих в сфере искусственного интеллекта. По мере достижения ИИ-системами максимального уровня развития они смогут использоваться в качестве инструмента для совершения преступлений, что требует превентивного криминологического анализа.

Кибермошенничество представляет собой серьёзную угрозу для развития экономики знаний. Организованные преступные группы, злоупотребляя доверием пользователей компьютерных сетей, достигают экономических целей путём совершения хищений, распространения вредоносных программ и иных правонарушений.

Статистические данные показывают, что 64,4% населения планеты используют Интернет, при этом 4,76 млрд человек — социальные сети. В России киберпреступность за последние годы значительно возросла, особенно в сфере телекоммуникаций и компьютерной информации [8, 9, 12]. Наиболее распространённые виды — мошенничества и кражи с использованием ИКТ. Социологические опросы показывают: многие граждане считают вероятность

стать жертвой кибермошенничества высокой, особенно в отношении незаконного использования персональных данных и взлома электронной почты.

Сетевые объединения пользователей нередко дистанцируются от государственных предписаний, воспринимая их как ограничение собственной автономии. Подобная позиция делает такие сообщества уязвимыми перед злоумышленниками и одновременно превращает их в удобную среду для реализации широкого спектра противоправных посягательств в цифровом поле.

Оправданность курса на последовательное ужесточение уголовной репрессии подтверждается конкретными статистическими выкладками, масштаб которых сложно не принять. Согласно сведениям, обнародованным Генеральной прокуратурой, за истекшую пятилетку доля криминальных деяний, сопряжённых с применением информационно-коммуникационных технологий, вплотную приблизилась к отметке в 40% от совокупного массива зарегистрированной в стране преступности. Если сравнивать нынешние показатели с уровнем 2017 года, то тем роста составляет 7,5 раза. Только в течение 2024 года правоохранительные органы зафиксировали свыше 765 тысяч эпизодов киберкриминала, а совокупный материальный вред, причинённый потерпевшим, перешагнул рубеж в 203 млрд рублей. Прошедший 2025 год не принёс перелома тенденции: за семь месяцев урон, понесённый гражданами, увеличился ещё на 16% и достиг 119,6 млрд. Не менее тревожная картина складывается в области сохранности частной информации — за восемь месяцев текущего 2026 года в открытый доступ попало без малого 13 млрд записей, содержащих персональные сведения о россиянах, что превышает совокупный объём утечек за весь прошлый год практически в 4 раза [8, 9, 12].

Приведённые данные со всей очевидностью объясняют мотивы законодателя, вынужденного перманентно дорабатывать уголовно-правовой инструментарий и вводить в оборот новые составы преступных посягательств.

Вместе с тем, невзирая на высокую интенсивность нормотворческой деятельности, правоприменительная система продолжает сталкиваться с комплексом серьёзных препятствий, нивелирующих действенность принимаемых мер:

- дефицит системности в регулировании. Специалисты обращают внимание на то, что процесс введения уголовной ответственности за деяния в цифровой среде зачастую развивается фрагментарно. Реакция законодателя, как правило, является ответом на появление резонансных или новых по форме угроз (будь то трансляции деструктивного контента в прямом эфире либо эксплуатация SIM-банков), тогда как построение внутренне непротиворечивой и логически завершённой конструкции правовых предписаний отходит на второй план. Следствием такого подхода становятся лакуны в праве и затруднения при юридической оценке содеянного.

- технологическое отставание органов предварительного расследования. Специфика IT-деликтов предполагает наличие у следователей и надзирающих прокуроров углублённых познаний в области современных информационных технологий, которыми сотрудники зачастую не располагают в должном объёме. Назрела объективная потребность в реализации масштабных образовательных программ, ориентированных на повышение компетенций личного состава правоохранительных структур.
- трансграничный вектор и высокая степень латентности. Лица, причастные к кибератакам, активно эксплуатируют механизмы сокрытия сетевых адресов и локации, нередко осуществляя свою деятельность с территорий иностранных государств. Данное обстоятельство предельно усложняет процедуры розыска и последующего изобличения виновных. Крайне невысокий процент раскрываемости подобных посягательств остаётся одним из наиболее уязвимых мест системы противодействия [4].

Определённый диссонанс в общую тенденцию ужесточения законодательства вносит сфера охраны результатов интеллектуальной деятельности в сети Интернет. Здесь вектор государственной политики развернулся в сторону, противоположную репрессивной, а именно — в сторону частичного вывода деяний из-под действия Уголовного кодекса и смягчения санкций, т.е. декриминализации.

В 2024 году были одобрены корректировки в статью 146 УК РФ, кардинально пересмотревшие стоимостные границы, служащие водоразделом между административным проступком и уголовным правонарушением. На сегодняшний день планка причинения крупного ущерба установлена на отметке 500 тыс. рублей (прежде она составляла 100 тыс.), а особо крупного — 2 млн рублей (ранее 1 млн).

Идея, заложенная в основу этой реформы, заключается в приведении правовых норм в соответствие с текущей экономической конъюнктурой и гуманизации ответственности. Согласно расчётам, представленным кабинетом министров, корректировка пороговых значений позволит исключить из уголовной плоскости примерно 26% инкриминируемых нарушений авторских и смежных прав, переместив их в сферу административной юрисдикции либо частноправовых споров. Подобное решение видится особенно своевременным для категории пользователей, применяющих нелицензионное программное обеспечение, чья рыночная стоимость может с лёгкостью выходить за прежние, невысокие лимиты. Справедливости ради стоит отметить, что за наиболее злостные формы посягательств на интеллектуальные права уголовное преследование сохранено в полном объёме, а максимально возможное наказание по-прежнему достигает шести лет изоляции от общества в сочетании с денежным взысканием до полумиллиона рублей.

Таким образом, признание преступными деяний в области цифровых знаний продиктовано жизненной необходимостью. Тем не менее, результативность предпринимаемых усилий будет всецело определяться готовностью правоохранительного аппарата не просто поспевать за законодательными инициативами, а работать на опережение технологического прогресса, в том числе за счёт налаживания действенных каналов кооперации с зарубежными партнёрами.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 30.11.2024) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Федеральный закон от 30.11.2024 № 421-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. — 2024. — № 275.
3. Федеральный закон от 12.06.2024 № 133-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. — 2024. — № 129.
4. *Лопатина, Т. М.* Уголовно-правовая характеристика преступлений в сфере компьютерной информации: дис. ... канд. юрид. наук / Т. М. Лопатина. — М.: ВНИИ МВД России, 2020.
5. *Позднякова, М. Е.* Развитие информационно-сетевой среды и девиантное поведение: киберпреступность как новая социальная угроза / М. Е. Позднякова, В. В. Брюно // Вестник Института социологии. — 2024. — № 2. — С. 45-62.
6. *Пищик, В. Я.* Актуальные проблемы кибербезопасности России: глобальный и национальный аспекты / В. Я. Пищик, П. В. Алексеев // Теория и практика общественного развития. — 2024. — № 5. — С. 112-118.
7. *Ефремова, М. А.* Уголовно-правовая охрана цифровой информации: монография / М. А. Ефремова. — М.: Юрлитинформ, 2021. — 208 с.
8. Раскрыт ущерб в сотни миллиардов рублей от киберпреступлений в России // [Lenta.ru](https://lenta.ru). — 2025. — 21 октября.
9. Генпрокурор: ущерб от киберпреступлений составляет сотни миллиардов рублей // Ведомости. — 2025. — 21 октября.
10. КонсультантПлюс: УК РФ Глава 28. Преступления в сфере компьютерной информации. — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 21.04.2026).
11. ГАРАНТ.РУ: Статья 272.1 УК РФ. Незаконное использование и (или) передача, сбор и (или) хранение компьютерной информации, содержащей

персональные данные. — URL: <http://base.garant.ru> (дата обращения: 21.04.2026).

12. Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. — URL: <http://epp.genproc.gov.ru> (дата обращения: 21.04.2026).

CRIMINALIZATION OF OFFENSES IN THE SPHERE OF DIGITAL KNOWLEDGE

S.V. Krivenko

kaf.jur@mail.mpa71.ru

INTERNATIONAL POLICE ACADEMY

(Tula)

Abstract: The article examines the dynamics of the development of criminal legislation in the Russian Federation in the context of rapid digitalization of society and the growth of cybercrime. The author analyzes the conceptual framework, distinguishing between the terms "crimes in the sphere of computer information," "digital crimes," and "cybercrimes." Special attention is paid to the latest legislative novelties aimed at the criminalization of acts related to the illegal trafficking of personal data, the use of fraudsters' technical infrastructure (SIM-boxes), as well as the recognition of VPN services as an aggravating circumstance. Based on current statistical data, the necessity of tightening legal regulation is substantiated. In conclusion, key problems of law enforcement are outlined, including the fragmentary nature of norms, the lack of technical training in investigative bodies, and the cross-border nature of IT crimes.

Keywords: criminalization, cybercrime, digital crimes, computer information, criminal legislation, Criminal Code of the Russian Federation, personal data, cybersecurity, malicious software, critical information infrastructure, SIM-boxes, VPN services, intellectual property, decriminalization, information and telecommunication technologies, data breach, Internet fraud.

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КАРШЕРИНГА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Маркс Юлия Алильевна

OmarovaUA@yandex.ru

ТУЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ (ФИЛИАЛ) ВГУЮ (РПА МИНЮСТА РОССИИ)

Аннотация: в данной публикации исследуется история появления каршеринга в России, а также гражданско-правовая (договорная) сущность данного договора с учетом имеющихся доктринальных подходов и законодательных конструкций, предусмотренных нормами Гражданского кодекса РФ.

Ключевые слова: каршеринг, аренда, транспорт, гражданское, правовое регулирование.

Идея каршеринга впервые была апробирована в Цюрихе в 1948 году, и она не получила ожидаемого развития, так как по истечению двух лет рост пользователей данной услуги прекратился, что объясняется отсутствием на тот момент эффективного и удобного механизма обеспечения данного вида аренды автомобилей. В дальнейшем, во второй половине двадцатого столетия каршеринг успешно развивался в большинстве европейских стран и в Северной Америке. Однако, на первых этапах развития каршеринга он в большей степени имел характер «клубного партнерства», то есть обеспечивал удобство индивидуальной транспортной логистики узкого круга лиц, которые находились между собой в родственных или в деловых связях. Предпринимательский контекст данной деятельности на тот момент был выражен очень слабо. Любопытный факт – клубный характер каршеринга до сих сохранился в Великобритании, где существуют специальные автоклубы для ограниченного числа пользователей.

Начало третьего тысячелетия ознаменовало собой и новый этап развития каршеринга: в США и Великобритании создаются крупнейшие каршеринговые компании-монополисты, которые и в настоящее время вытесняют собой данный рынок арендных услуг. Речь идет про такие каршеринговые организации, как ZipCar и CityCarClub.

Первая из приведенных компаний на данный момент является мировым лидером каршерингового сервиса по объему прибыли и количеству постоянных пользователей, число которых превышает три млн человек. Данная организация насчитывает около 1 млн арендных единиц транспорта и имеет свои представительства в 11 европейских странах.

Если характеризовать появление и распространённость каршеринга в России, то эпицентром данных событий стала и продолжает оставаться столичный мегаполис – город Москва. Появление каршеринга в Москве связано с началом деятельности в 2013 году каршеринговой компании Anytime. Спустя

два года, городские власти, рассмотрев перспективность и универсальность данного механизма передвижения, вывели данный вид деятельности на государственно-значимый уровень, дав в 2015 году начало реализации государственного проекта «Московский каршеринг», основной замысел которого заключался в поддержке шеринговых сервисов посредством предоставления им льготных парковочных мест на территории города.

Кроме того, залог успеха развития в каршеринга в Москве заключался в большой численности и плотности населения, сравнительного высокого уровня жизни, наличии развитых глобальных транспортных сообщений и др.

В 2015 году правопреемником каршеринговой индустрии стала компания «Делимобиль», которая на тот момент насчитывала в своем гараже всего лишь сто единиц легкового транспорта. Ориентируясь на международные стандарты в области каршеринговых услуг, данная компания изначально использовала автомобили зарубежного производства с высоким классом экологической безопасности, оборудованных системами Глонасс, позволяющими отслеживать маршруты их передвижения. Кроме того, сам сервис каршеринга уже на тот момент предоставлялся непрерывно, осуществлялась круглосуточная диспетчеризация транспорта, работал единый номер заказа.

Спустя год после запуска каршерингового сервиса в Москве стало понятно, что данный вид аренды транспортного средства развивается в России гораздо более уверенно, нежели чем в странах запада, где его существенный рост отмечался лишь только по прошествии трех-пяти лет активного внедрения.

Сегодня каршеринг в России — это новый вид услуг по аренде автомобилей, которые оплачиваются по определенному, как правило, поминутному тарифу.

Данный вид аренды является новым для Российской Федерации, отдельный закон, регулирующий данные правоотношения отсутствует. На сегодняшний день отечественное законодательство [1] вообще не дает толкования такого понятия, как каршеринг. В связи с этим возникает закономерный вопрос о его правовой природе. От правильной квалификации договора зависит, какие нормы будут применяться по отношению к нему.

Согласно Распоряжению Правительства РФ от 25.03.2020 № 724-р [2] каршеринг - это вид краткосрочной аренды автомобиля. В акте Правительства Москвы [3] указывается, что под краткосрочной арендой понимается аренда сроком до 24 часов. В этих двух дефинициях выделяется такой признак каршеринга, как ограниченность во времени, краткосрочность.

Специфику отношений, которые складываются между каршеринговой организацией и ее клиентами (арендаторами) можно рассматривать с нескольких позиций: с точки зрения государственного (административно-правового) регулирования организации данного вида деятельности и с позиции норм гражданского законодательства, определяющего условия и последовательность упорядочивания данных договорных отношений. Начнем с последнего.

Современное гражданско-правовая доктрина демонстрирует дифференцированный подход к пониманию данной договорной конструкции и на данный момент выделяет следующие научно-обоснованные суждения:

- договор каршеринга предполагает обязательную связь каршеринговых

услуг и цифровых сервисов коллективного пользования транспортным средством [8, с.19-25];

- договор каршеринга является разновидностью договора аренды транспортного средства без экипажа [8, с. 20];

- договор каршеринга - это своеобразный информационно-транспортный сервис, который основывается на временной тарификации пользования автомобилем [12, с. 15].

Широкое распространение каршеринговых услуг во всей России не послужило стимулом для законодателя в вопросе выделения данного вида договора в структуре ГК РФ, так как до сих пор он относится к числу так называемых «непоименованных» договоров, что на практике создает определенные сложности, вызывает расхождения в судебных решениях по спорам, вытекающих из каршеринговых обязательств.

На цифровой характер каршерингового договора указывают многие специалисты [10, с. 21], что по их мнению обосновано двумя аспектами: во-первых, как уже было отмечено, этот договор предполагает обязательное участие такого цифрового элемента как лицензионное программное обеспечение (телефонное приложение) для возможности регистрации, оплаты и пользования данными услугами арендодателя, а, во-вторых, сама форма заключения данного договора является электронной, хотя юридически она считается письменной, что обязывает стороны при заключении данного договора руководствоваться положениями п. 2 ст. 434 ГК РФ.

Что касается вопросов государственного регулирования каршеринга в России, то укажем на отсутствие специального федерального закона в данной области гражданско-правовых отношений, который бы мог выстроить единообразие в организации оказываемых услуг, позволил бы укрепить гарантии защиты прав потребителей (арендаторов транспортных средств), упорядочить судебную практику по спорам, возникающим в данной сфере и снизить аварийность на дорогах с участием каршерингового транспорта. На данный момент каждая каршеринговая организация применяет индивидуальные подходы к реализации своих услуг, что явно не способствует единообразию правоприменения. Это следует из анализа тех договоров, которые были изучены нами.

Так, само название данных договоров, которые арендодатель предлагает заключить с арендатором в электронной форме, демонстрирует вариативный подход. Каршеринговая организация «Делимобиль», не называя данный договор, указывает на то, что он не является ни публичной офертой, ни прокатом [6].

Каршеринговая компания «Белкакар» именуется свой договор как «Договор присоединения» и в качестве его предмета указывает, в первую очередь, Сервис BelkaCar, а уже вторично - возможность пользования автомобилем. То есть Сервис выступает первичным звеном, а уже «опция» пользования автомобилем является его отдельным элементом [4]. Хотя на практике, для пользователя каршеринговым автомобилем важна исключительно возможность передвижения на арендованном автомобиле, а сам Сервис программного приложения выступает лишь инструментом для этого.

Аналогичным образом юридически упорядочил свою деятельность каршеринговый сервис «Яндекс.Каршеринг». Для взятия автомобиля в краткосрочную аренду пользователь должен использовать специальное программное приложение «Яндекс.Драйв» [7], который выступает внешней цифровой оболочкой для доступа к фактическому использованию автомобиля, учета времени и оплаты услуг пользования.

Пользователь данного сервиса должен заключить с каршеринговой организацией лицензионное соглашение, которое дает возможность пользования на смартфоне программой «Яндекс.Драйв». Далее заключается в электронной форме договор аренды транспортного средства.

Другая каршеринговая фирма «Ситидрайв» в качестве правового основания для аренды автомобиля предусматривает заключение договора аренды транспортного средства без экипажа. При этом в качестве условия данного договора указывается на невозможность использования арендного автомобиля в предпринимательской деятельности [5]. Кроме того, в данном договоре также упоминается о программном приложении для смартфонов - «Ситидрайв», с помощью которого «оцифровываются» указанные правоотношения, однако, предварительное лицензионное соглашение не выступает в качестве существенного условия данной договорной конструкции.

Анализ изученного опыта каршерингового договорного регулирования правоотношений дает нам возможность согласиться с позицией, высказанной К.Б. Кораевым, где он указывает на обязательность заключения лицензионного соглашения в любых правоотношениях каршерингового типа [11, с. 39].

Таким образом, в условиях отсутствия правовой определенности относительно договора каршеринга в отечественном гражданском законодательстве каждая каршеринговая организация упорядочивает свою деятельность индивидуально, что на наш взгляд, снижает эффективность правового регулирования данной сферы, порождает противоречивую судебную практику.

Считаем, что наиболее подходящей договорной конструкцией для данных правоотношений может выступать договор поминутной аренды транспортных средств без экипажа, так как специфика каршеринга (в сравнении с договором аренды транспортного средства без экипажа) как раз и заключается в тарифицируемой краткосрочности, с целью обеспечить мобильность передвижения клиента.

Вопрос, связанный с правовой природой и законодательной определенностью договора каршеринга, будет исследован более подробно в следующей главе данной работы. В рамках изложенного материала мы обозначили современные правовые детерминанты каршеринга в России, выявили его сложный (составной) характер, указали на дифференциацию подходов каршеринговых организаций в договорном упорядочении данных отношений с арендатором.

Несмотря на имеющиеся очевидные пробелы в правовом регулировании каршеринга в России, данный вид сервиса очень популярен в нашей стране, и с каждым годом масштабы его распространения подталкивают законодателя к

четкому правовому упорядочению его регламентации.

Литература

1. *Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)* от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ, 29.01.1996, № 5, ст. 410.
2. Распоряжение Правительства РФ от 25.03.2020 № 724-р «Об утверждении Концепции обеспечения безопасности дорожного движения с участием беспилотных транспортных средств на автомобильных дорогах общего пользования» // СПС Гарант.
3. Постановление Правительства Москвы от 31.08.2011 № 405-ПП «О городской поддержке таксомоторных перевозок и услуги каршеринг в городе Москве» // СПС Гарант.
4. URL: <https://belkacar.ru/legal/contract.pdf?v=v3.16.20> (дата обращения: 11.04.2026).
5. URL: <https://citydrive.ru/offer/eula.pdf> (дата обращения: 11.04.2026).
6. URL: <https://delimobil.ru/terms/contract?ysclid=ltfcfbq4t7799602373> (дата обращения: 11.04.2026).
7. URL: https://yandex.ru/legal/drive_termsofuse/?ysclid=ltdunsql27768544137 (дата обращения: 11.04.2026).
8. *Бычков А. И.* Правовое регулирование экономики совместного потребления. М.: Инфотропик Медиа, 2019. – 211 с.
9. *Вавилин В. Е.* К вопросу о правовой природе договора каршеринга // Юрист. 2024. № 4. С. 19 – 25.
10. *Дерюгина С. Р.* Каршеринг и райдшеринг: к проблеме правовой природы договоров // Гражданское право. 2019. № 4. С. 21-25.
11. *Кораяев К. Б.* Правовое регулирование каршеринга: Научно-практический комментарий // Юрист. 2023. № 8. С. 39-44.
12. *Погодина И. В., Кирова И. О., Ионова А. В.* Каршеринг: проблемы правового регулирования и правоприменения // Транспортное право. 2019. № 4. С. 15-19.

CIVIL LAW REGULATION OF CAR SHARING IN THE RUSSIAN FEDERATION

Marks Yulia Alilievna

OmarovaUA@yandex.ru

TULA INSTITUTE (BRANCH) VSUY (RUSSIAN MINISTRY OF
JUSTICE) (Tula)

Abstract: This publication examines the civil law essence of the car sharing agreement, taking into account the existing doctrinal approaches and legislative structures provided for by the Civil Code of the Russian Federation.

Keywords: car sharing, rental, transport, civil law, legal regulation.

УЧАСТИЕ ПРОКУРОРА В РАССМОТРЕНИИ ДЕЛ О ЗАЩИТЕ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ

Ошевнев Олег Евгеньевич

oee@list.ru

ЧОУ ВО ТИУБ им. Н. Д. Демидова,
АНО ВО «МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИЦЕЙСКАЯ АКАДЕМИЯ»
(Тула)

Аннотация: в данной публикации исследуются основания и формы участия прокурора в гражданском судопроизводстве в защиту прав несовершеннолетних. Вносятся предложения по совершенствованию действующего законодательства.

Ключевые слова: несовершеннолетний, прокурор, защита прав, судопроизводство.

Участие прокурора в рассмотрении дел о защите прав и законных интересов несовершеннолетних в суде первой инстанции может являться как его правом, так и его обязанностью, иными словами, являться обязательными или факультативными.

Наличие обязательных оснований исключает возможность отказа прокурора от участия в судопроизводстве, тогда как факультативные основания предполагают реализацию прокурором своего надзорного усмотрения о необходимости его участия и предоставляют ему право, как принимать участие в гражданском процессе в защиту прав и законных интересов, так и дают ему возможность отказаться от этого.

Факультативные основания участия прокурора в судопроизводстве по гражданским делам предусмотрены в ст. 45 Гражданского процессуального кодекса РФ [1] (далее - ГПК РФ), где содержатся нормы общего характера, регламентирующие конкретные условия, наличие которых дает возможность прокурору заявить иск в суд в защиту прав несовершеннолетнего лица, а также дачу им последующего заключения по делу.

Касаемо защиты прав несовершеннолетних необходимо отметить также ст. 251 ГПК РФ, которая закрепляет право прокурора оспорить нормативный правовой акт в целях защиты их прав посредством обращения в суд.

Кроме того, по семейным делам таких категорий, как ограничение родительских прав и установление алиментных обязательствах, отмена усыновления, прокурор также может принимать участие в защиту интересов несовершеннолетнего, о чем имеются соответствующие нормы в статьях 73, 102, 142 СК РФ.

На основании ст. 10 Федерального закона от 21.12.1996 № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» [2] прокурор также имеет возможность выступить с заявлением в суд о защите прав и законных интересов детей-сирот и детей, оставшиеся без попечения родителей, включая их законных опекунов и поручителей.

Прокурор самостоятельно принимает решение о вступлении в процесс в защиту его прав. Поводом для этого может служить информация, которая получена прокурором в рамках осуществления им прокурорского надзора за соблюдением законодательства в отношении несовершеннолетних.

Возможна также ситуация, когда к прокурору адресуется просьба о помощи в суде, в порядке ст. 45 ГПК РФ, исходящая как от самого несовершеннолетнего (в очень редких случаях) или же от его родителей или законных представителей (опекуны, попечители, органы опеки и попечительства, комиссии по делам несовершеннолетних и защиты их прав, инспекции по делам несовершеннолетних, образовательные учреждения) [5, с. 131].

Приведем пример из судебной практики. В интересах несовершеннолетнего в суд иском к его матери обратился прокурор г. Мытыщи. В иске содержались требования, обязывающие мать несовершеннолетнего перевести в его собственность часть жилого помещения, с учетом перераспределения долей в равных пропорциях между всеми уже имеющимися собственниками жилья.

Данное требование было основано на том, что в рамках проведенной прокурорской проверки выявлен факт использования матерью несовершеннолетнего материнского капитала для приобретения жилья, однако в законодательно установленный шестимесячный период после перечисления денежных средств для приобретения собственности несовершеннолетний так и не был оформлен в качестве долевого собственника жилья. Данные обстоятельства послужили поводом для обращения прокурора в суд в защиту прав и законных интересов несовершеннолетнего. Суд признал законными и обоснованными требования прокурора, так как в данном случае нарушено конституционное право ребенка на жилье, что требует его восстановления посредством выполнения матерью ребенка (ответчиком) соответствующих обязательств, связанных с выделением соответствующей доли в праве собственности на данное жилье [8].

Таким образом, данный пример продемонстрировал вариант самостоятельного обращения прокурора в суд в защиту интересов несовершеннолетних.

Далее приведем пример из судебной практики, который демонстрирует вступление прокурора в гражданский процесс по инициативе граждан (организаций). На практике чаще всего встречаются обращения к прокурору третьих лиц при нарушении прав несовершеннолетних ими же родителями или законными представителями. Также широко распространены случаи, когда прокурор встает на защиту прав несовершеннолетнего в связи с недобросовестным исполнением бывшим супругом алиментных обязательств.

Так, рассмотрим случай проведения прокурорской проверки, поводом для которой послужило обращение заинтересованных лиц в виду бездействия судебных приставов-исполнителей, которыми в нарушение закона было преждевременно прекращено исполнительное производства о взыскании алиментов.

Из материалов проверки следует, что мать ребенка долгое время не получала алиментные выплаты от бывшего мужа, так как последний был уволен с работы, а со стороны судебных приставов-исполнителей не были организованы действия по поиску имущества должника, которое можно обратить в счет погашения долга по алиментному обязательству.

По факту проведенной проверки прокурор отреагировал принесением протеста на постановление судебного пристава-исполнителя, прекратившего исполнительное производство, а также им был заявлен иск в суд в защиту прав несовершеннолетнего с требованием взыскания с должника неустойки за несвоевременную уплату алиментов. Требования прокурора были полностью удовлетворены судом [9].

Следующее судебное решение, на котором считаем необходимым остановиться, связано обращением ребенком-сиротой к прокурору с просьбой защиты своих жилищных прав.

На основании результатов проверки прокурор в порядке ст. 45 ГПК РФ выступил в защиту интересов К. посредством подачи иска в суд в отношении Администрации МО «Шумячский район» Смоленской области с требованием выделения для нее жилья. Суд в полном объеме удовлетворил заявленное требование прокурора [10].

Все вышеперечисленные нормы являются факультативными основаниями для участия прокурора в судопроизводстве в защиту прав и законных интересов несовершеннолетних, где сам прокурор принимает решение о необходимости его участия в суде, используя свое усмотрение.

Как уже было отмечено, помимо факультативных оснований участия прокурора в гражданском судопроизводстве выделяются также обязательные основания, которые имеют императивный характер, исходящий от государства.

К числу обязательных оснований следует отнести норму, содержащуюся в ч.3 ст. 45 УПК РФ, которой для прокурора предписано указание о его вступлении в процесс и дачи заключения по делам таких категорий, как: восстановлении на работе, возмещение причиненного жизни и здоровью вреда, по жилищным спорам, связанным с выселением.

Кроме того, СК РФ также содержит обязательные основания: споры о лишении, ограничении и восстановлении родительских прав (ст.ст. 70-73 СК РФ).

Если соразмерно сопоставить основания участия прокурора в гражданском судопроизводстве в зависимости от признака их обязательности (факультативности), то без особого труда можно заметить явный перевес в сторону факультативного участия прокурора, выступающего в защиту нарушенных прав.

Далее рассмотрим формы участия прокурора в гражданском судопроизводстве.

Рассмотрим доктринальные подходы к пониманию форм участия прокурора в процессе. По мнению И.В. Залобочкой форма опосредована внешними проявлениями деятельности прокурора, которая регламентирована гражданско-процессуальным законом [6, с. 86].

М.В. Гадятова использует целевой подход при определении исследуемого понятия и в качестве формы участия прокурора в гражданском судопроизводстве видит совокупность должностных полномочий прокурора, которые он реализует в рамках защиты законодательно установленного круга субъектов, в рамках гражданского судопроизводства [4, с. 44].

В.Г. Бессарабов при определении исследуемого термина делает уклон на системность правозащитных действий прокурора и указывает на то, что в качестве формы участия прокурора в гражданском судопроизводстве необходимо понимать внешнюю реализацию неоднократно повторяющихся процессуальных действий прокурора, направленных на гарантированность соблюдения прав и законных интересов граждан, круг которых установлен в законодательстве [3, с. 359-360].

Прокурор также может являться участником гражданско-процессуальных отношений с позиции защиты прав и интересов несовершеннолетних посредством подачи им представления в суде второй инстанции (апелляционный, кассационный и надзорный порядок пересмотра дела).

Итак, исследовав основания и формы участия прокурора в гражданском процессе в защиту интересов несовершеннолетних, остановимся на анализе отдельных положений ст. 45 ГПК РФ, которые, на наш взгляд, выглядят достаточно спорными и требуют уточнения, в том числе и на законодательном уровне.

Часть 1 ст. 45 ГПК РФ указывает на то, что прокурор может вступать в гражданский процесс в защиту прав определенного лица, в том случае, когда данное лицо не имеет самостоятельной возможности для защиты в силу объективных причин (возраст, заболевание и т.п.). Принимая за основу возрастную особенность несформированности у несовершеннолетнего полной дееспособности, мы можем прийти к выводу, что несовершеннолетний как раз относится к данной категории субъектов, о которой идет речь в ч.1 ст. 45 ГПК РФ.

Однако, при буквальном толковании данной нормы, мы видим, что защита прав несовершеннолетних - это право, а не обязанность прокурора, так как законодатель использует формулировки «вправе обратиться в суд», «заявление может быть подано».

При этом, если параллельно исследовать аналогичную норму, содержащуюся в ч.4 ст. 27 ФЗ «О прокуратуре РФ», можно увидеть иное законодательное решение, которое имеет императивный (обязательный) уклон – «прокурор предъявляет и поддерживает ...иск», то есть данные действия расцениваются не как право, а как обязанность прокурора, что по смыслу и духу

закона является верным и справедливым, в виду невозможности несовершеннолетнего самостоятельно осуществить свою защиту по причине его недееспособности и отсутствия необходимого жизненного опыта. При подобной формулировке нормы ГПК РФ данное основание поменяет свой статус, перейдя из категории факультативного в обязательное, исключив возможность самоустранения прокурора от участия в деле в защиту прав несовершеннолетнего.

Ввиду вышесказанного считаем необходимым привести в соответствие друг с другом нормы, закрепленные в ч.1 ст. 45 ГПК РФ и ч.4 ст. 27 ФЗ «О прокуратуре РФ», взяв за основу вариант последней.

Для этого необходимо в ч.1 ст. 45 ГПК РФ слова «вправе» и «может быть подано» заменить словами: «должен» и «подает».

Неоднозначным видится правовая регламентация участия прокурора в защиту несовершеннолетних по делам об ограничении (лишении) родительских прав. По логике законодателя участие прокурора в делах данной категории является обязательно, что подвергается критике со стороны отдельных специалистов.

В качестве примера приведем позицию И.И. Черных, утверждающего, что такая форма участия прокурора в гражданских делах, как дача заключения, не может обеспечить эффективную защиту прав несовершеннолетнего, так как никаких активных и действенных форм своего воздействия в самом процессе разбирательства прокурор реализовать не может, он лишь выступает пассивным статистом и лишь в самом конце разбирательства выступает с заключением. Однако, ожидаемого результаты такого участия не всегда оправдываются, так как в подобного рода спорах важны промежуточные решения и действия, которые в конечном счете формируют у суда истинную позицию по делу и обеспечивают соблюдение прав и законных интересов несовершеннолетнего [7, с. 43].

Е.А. Гринь и И.И. Хрипков утверждают, что обязательность участия прокурора в защиту прав несовершеннолетних по делам о лишении или ограничении родительских прав обосновывается публичным характером данного спора, то есть прокурор в первую очередь выступает в качестве представителя государственных интересов, направленных на защиту прав всех несовершеннолетних, а уже во вторую очередь, по остаточному принципу, реализует защиту прав конкретного несовершеннолетнего [5, с. 131].

Из двух выше обозначенных мнений относительно обязательности участия прокурора в делах о лишении или ограничении родительских прав, мы придерживаемся мнения Е.А. Гринь и И.И. Хрипкова, так как с первой позицией согласиться в полном объеме было бы несправедливо: заключение прокурора – это достаточно эффективный инструмент защиты прав несовершеннолетнего, так как в нем выражается мнение прокурора, которое подкрепляется фактическими данными и мотивированными аргументами в пользу несовершеннолетнего. Суд, перед тем как выносить свое решение по делу, не

может проигнорировать данное мнение и в большинстве случаев принимает решение, аналогичное позиции прокурора.

Тем не менее, мы считаем, что будет не лишним расширить компетенцию прокурора по делам в защиту прав несовершеннолетних, посредством наделения его полномочиями занимать активную позицию в ходе всего процесса.

В связи с этим, предлагаем внести в ч. 3 ст. 45 ГПК РФ изменения, дополнив ее словами следующего содержания: «Прокурор, выступая в защиту прав несовершеннолетних лиц по делам об ограничении или лишении родительских прав, имеет право в любой момент давать комментарии по делу, задавать вопросы любым участникам процесса, ходатайствовать об участии в разбирательстве представителей органов опеки и попечительства.».

Часть 3 ст. 45 ГПК РФ содержит указание для суда о возможности начинать судебное заседание в случае неявки прокурора, что, на наш взгляд, не отвечает принципу состязательности и ограничивает конституционный принцип защиты материнства, детства и семьи.

Таким образом, мы ставим под сомнение конституционность данной нормы и предлагаем изложить ее в диаметрально противоположном порядке, обязав суд исключить возможность начала судебного разбирательства по делам с участием несовершеннолетних при неявке прокурора.

Учитывая изложенное, предлагаем внести изменения в ч.3 ст. 45 ГПК РФ, заменив последнее предложение, словами следующего содержания: «неявка прокурора в суд, в целях защиты интересов несовершеннолетних, является препятствием для рассмотрения дела по существу.».

При лишении или ограничении родительских прав прокурор также принимает участие в защите прав несовершеннолетнего, как правило это выражается в форме дачи им заключения по делу.

По делам данной категории прокурор в обязательном порядке должен учитывать следующие обстоятельства:

- при рассмотрении дела в обязательном порядке должны участвовать оба родителя. В случае, когда в отношении одного из них решается вопрос о лишении его родительских прав, второй родитель должен быть уведомлен о наличии у него права забрать себе ребенка для его воспитания;

- при высказывании кем-то инициативы о проведении педагогической или психолого-педагогической экспертизы в отношении несовершеннолетнего прокурор должен исключить возможность ее назначения, так как гражданское судопроизводство должно исследовать личность несовершеннолетнего исключительно оперируя имеющимися знаниями педагогики и детской психологии на бытовом уровне;

- при рассмотрении в суде дела о лишении родительских прав, необходимо получить информацию от самого несовершеннолетнего, узнать его отношение к родителям, учесть прокурором его мнения при подготовке заключения по делу;

- при нарушении законности должностными лицами, которое прямо или косвенно обеспечивает реализацию ребенком своих прав, прокурор должен

незамедлительно отреагировать посредством заявления ходатайства о вынесении частного определения.

Итак, обобщая изложенный материал, отметим, что прокурор является гарантом соблюдения прав несовершеннолетнего в судах первой инстанции, где он может принимать участие как в обязательном порядке (предусмотренным законом), так и факультативно (по своему желанию). При этом данное участие возможно в двух формах: посредством заявления им иска в защиту прав несовершеннолетнего или в форме дачи заключения по делу.

К числу законодательных недостатков, снижающих эффективность судопроизводства с участием прокурора в защиту прав несовершеннолетних по дела о лишении родительских прав следует отнести следующие аспекты:

- в ГПК РФ не уточняется форма заключения прокурора и структура его содержания.

Предлагаем внести изменение в ст. 45 ГПК РФ, дополнив ее частью 5 следующего содержания:

«5. Заключение прокурора дается в письменной форме и содержит в себе обязательные структурные части: вводную, мотивировочную и резолютивную.».

- ГПК РФ не указывает на обязательный характер учета судом заключения прокурора.

Предлагаем внести изменение в ст. 45 ГПК РФ, дополнив ее частью 6 следующего содержания:

«6. Заключение прокурора в обязательном порядке оглашается в суде и принимается судом к учету и оценке при вынесении решения, о чем в тексте судебного решения делается на него ссылка.».

- В ГПК РФ прямо не указано, что прокурор, выступая в защиту прав несовершеннолетнего, в том числе по делам о лишении родительских прав, должен принимать фактическое участие в судебном заседании.

Предлагаем внести изменение в ч.3 ст. 45 ГПК РФ, дополнив ее словами следующего содержания: «Прокурор, участвующий в процессе в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, должен фактически присутствовать в зале судебного заседания на всех слушаниях по делу.».

Литература

1. *Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации* от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 23.03.2026) // *Собрание законодательства РФ*, 18.11.2002, № 46, ст. 4532.

2. *Федеральный закон от 21.12.1996 № 159-ФЗ (ред. от 15.12.2025) «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей»* // *Собрание законодательства РФ*, 23.12.1996, № 52, ст. 5880.

3. *Бессарабов В. Г.* Прокурорский надзор: учебник. М. 2007. – 532 с.

4. *Гадиятова М. В.* К вопросу об обязательности исполнения требований прокурора // *Юридическая наука*. 2025. №2. С. 44-48.

5. Гринь Е. А. Участие прокурора в защите прав несовершеннолетних в гражданском судопроизводстве // Право и государство: теория и практика. 2019. № 9(177). С. 131-133.

6. Заболоцкая И. В. Участие прокурора в современном Российском гражданском процессе. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 86.

7. Черных И. И. Защита прокурором прав несовершеннолетних в гражданском процессе // Мудрый юрист. 2022. №3. С. 43-48.

8. Решение Мытищинского городского суда Московской области № 2-2717/2020 2-2717/2020~М-7203/2019 М-7203/2019 от 23 июля 2020 г. по делу № 2-2717/2020 [Электронный ресурс] <https://sudact.ru/regular/doc/DLfDTWRcisN1/?ysclid=luf19wf7rp706117675> (дата обращения: 13.04.2026).

9. Решение Шилкинский районный суд Забайкальского края № 2-517/2021 от 15 июля 2021 г. по делу № 2-517/2021 [Электронный ресурс] <https://sudact.ru/regular/doc/UJT6WyILVtLw/?ysclid=luf1zzi9ro278558184> (дата обращения: 13.04.2026).

10. Решение Шумячского районного суда Смоленской области № 2-180/2021 2-180/2021~М-189/2021 М-189/2021 от 22 июля 2021 г. по делу № 2-180/2021 [Электронный ресурс] <https://sudact.ru/regular/doc/jrWuGmfD9pQN/?ysclid=lufmmt586u268327172> (дата обращения: 13.04.2026).

PARTICIPATION OF THE PROSECUTOR IN THE CONSIDERATION OF CASES ON THE PROTECTION OF THE RIGHTS AND LEGITIMATE INTERESTS OF MINORS IN THE COURT OF FIRST INSTANCE

Oshevnev Oleg Evgenievich

ooe@list.ru

N. D. DEMIDOV CHELYABINSK STATE UNIVERSITY
ANO VO "INTERNATIONAL POLICE ACADEMY"
(Tula)

Abstract: This publication examines the grounds and forms of the Prosecutor's participation in civil proceedings to protect the rights of minors. Proposals are made to improve the current legislation.

Keywords: minor, prosecutor, protection of rights, legal proceedings.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ЦИФРОВЫХ ЗНАНИЙ

Смирнов Р.Г.
kaf.jur@mail.mpa71.ru

АНО ВО «МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИЦЕЙСКАЯ АКАДЕМИЯ»
(Тула)

Аннотация: Статья посвящена сравнительному анализу отечественного и зарубежного подходов к установлению уголовной ответственности за преступления в сфере цифровых знаний. Автор рассматривает эволюцию российского законодательства — от традиционных составов главы 28 УК РФ до новелл 2025 года (федеральный закон № 282-ФЗ), которые ввели ответственность за использование сим-боксов, виртуальных телефонных станций и иных средств незаконной передачи информации. Отдельное внимание уделено обсуждаемым инициативам об ужесточении наказания за преступления с применением искусственного интеллекта, а также проблемам правоприменения, связанным с квалификацией компьютерной информации.

В зарубежной части анализируются подходы Европейского союза (Cyber Resilience Act, немецкие поправки в защиту «белых хакеров», итальянский закон об ИИ и дипфейках), Великобритании (Computer Misuse Act 1990 года), Китая (система административно-уголовного регулирования). Рассматриваются также международные договоры — Будапештская конвенция и новая Конвенция ООН против киберпреступности.

Подчеркивается, что российское законодательство движется по пути детализации составов и ужесточения наказаний, тогда как зарубежные страны делают акцент на дифференциации ответственности, профилактике и штрафных санкциях для бизнеса. Отмечается необходимость дальнейшего совершенствования правоприменительной практики и адаптации лучших зарубежных решений.

Ключевые слова: цифровые знания, уголовная ответственность, киберпреступность, глава 28 УК РФ, неправомерный доступ к компьютерной информации, сим-боксы, искусственный интеллект, дипфейки, Будапештская конвенция, Конвенция ООН против киберпреступности, сравнительное правоведение.

Цифровая трансформация, охватившая все сферы жизни, принесла не только удобства и новые возможности, но и породила беспрецедентные вызовы для правовой системы. Преступления, совершаемые с использованием цифровых технологий, — от традиционных краж и мошенничеств до сложных кибератак и

распространения дипфейков — требуют от законодателей поистине ювелирного подхода.

Отечественное уголовное законодательство долгое время оперировало понятием «компьютерная информация», что само по себе создавало определенные сложности. Однако постепенно законодатель пришел к пониманию, что предмет преступного посягательства гораздо шире — это не просто данные в компьютере, а сложная система цифровых знаний, имеющая высокую общественную опасность.

Основной массив составов преступлений в этой сфере сосредоточен в главе 28 Уголовного кодекса РФ. Традиционно сюда входят неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272), создание и распространение вредоносных программ (ст. 273), а также нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации (ст. 274) [1].

Знаковым событием стало принятие Федерального закона № 282-ФЗ от 31.07.2025 года, положения которого вступили в силу с 1 сентября 2025 года [2]. Этим актом глава 28 УК РФ пополнилась новыми составами преступлений, что стало ответом на растущую изощренность киберпреступников. Речь идет, в частности, о статьях 274.3, 274.4 и 274.5 УК РФ. Законодатель, по сути, криминализировал деятельность по организации незаконной передачи информации и использованию специальных технических средств для этого.

Особого внимания заслуживает введение уголовной ответственности за незаконное использование абонентских терминалов (сим-боксов) и виртуальных телефонных станций — устройств, которые часто используются для массовых обзвонов и рассылок [15]. Штрафы по таким статьям могут достигать семисот тысяч рублей, а максимальное наказание предусматривает лишение свободы на срок до трех лет. В зависимости от тяжести деяния и квалифицирующих признаков (например, совершение группой лиц), сроки могут возрастать до 5–6 лет лишения свободы [6].

Законодательные инициативы, обсуждаемые в конце 2025 года, идут еще дальше. Предлагается серьезно ужесточить наказание за преступления, совершенные с использованием искусственного интеллекта. Например, за обычную кражу, совершенную с помощью искусственного интеллекта, может грозить до 6 лет лишения свободы, а если подобное преступление совершено организованной группой, срок может достигать 10–15 лет. Это свидетельствует о том, что российский законодатель осознает растущую угрозу со стороны автоматизированных и «интеллектуальных» преступных инструментов [14].

Однако наличие закона — это не панацея. Гораздо сложнее обстоят дела с его применением. Как справедливо отмечают эксперты, для квалификации преступлений в сфере компьютерной информации зачастую требуются специальные познания, что создает ряд трудностей для следствия и суда [11].

Судебная практика показывает, что наиболее распространенным преступлением остается неправомерный доступ к компьютерной информации. В 2025 году было возбуждено множество уголовных дел по части 1 статьи 272 УК РФ, связанных, например, со взломом аккаунтов в мессенджерах и социальных

сетях [6, 7, 8]. При этом, как отмечается в научной литературе, существует серьезная проблема в определении самого предмета преступления. Компьютерная информация может выступать в разных ролях: как предмет, средство или орудие совершения преступления [12].

Верховный Суд РФ, стремясь внести ясность, сформулировал признаки компьютерной информации как объекта уголовно-правовой охраны. К такой информации, по разъяснению Пленума, относятся не только данные на стационарных компьютерах, но и сведения, хранящиеся или передаваемые с помощью мобильных устройств, включая смартфоны. Это важное уточнение, поскольку значительная часть «цифровых знаний» современного человека сосредоточена именно в кармане.

Изучение зарубежных подходов к борьбе с цифровой преступностью не только обогащает теорию, но и предлагает конкретные практические решения, которые можно адаптировать.

Европа традиционно идет по пути создания жестких регуляторных рамок, особенно в сфере защиты данных и кибербезопасности. Здесь примечательны два разнонаправленных, но одинаково интересных тренда.

С одной стороны, принятый в ЕС Cyber Resilience Act (CRA) устанавливает высокие стандарты безопасности для «умных» устройств, подключаемых к интернету. За нарушение этих требований предусмотрены огромные штрафы — до 15 миллионов евро или 2,5% от глобального годового оборота компании. Показательно, что в ряде стран-членов ЕС нарушения кибербезопасности могут повлечь не только финансовые, но и уголовные санкции в отношении менеджмента компаний. Это создает мощный стимул для бизнеса вкладываться в цифровую гигиену [9, 10].

С другой стороны, отдельные страны ЕС демонстрируют прогрессивный подход в дифференциации ответственности. Так, Германия в 2024–2025 годах активно обсуждала и подготовила поправки к уголовному законодательству, которые должны защитить исследователей в области IT-безопасности от уголовного преследования. По действующим нормам «белый хакер», обнаруживший уязвимость в системе, рискует быть привлеченным к ответственности за несанкционированный доступ. Новый законопроект предлагает четкие критерии, при которых такое исследование будет считаться законным, что, безусловно, способствует повышению общей кибербезопасности.

Италия же в 2025 году стала одной из первых стран, принявших комплексный закон об искусственном интеллекте (Закон № 132/2025). Он вносит изменения в Уголовный кодекс, вводя новое отягчающее обстоятельство для преступлений, совершенных «с использованием систем искусственного интеллекта». Кроме того, криминализируется незаконное распространение дипфейков — созданного или измененного с помощью искусственного интеллекта контента, который может нанести вред человеку. За такое деяние грозит до 5 лет тюремного заключения [14].

Великобритания с 1990 года использует Computer Misuse Act — закон о компьютерных злоупотреблениях. Несмотря на почтенный возраст, он остается

основным инструментом борьбы с киберпреступностью и продолжает адаптироваться к современным реалиям. Закон выстраивает трехуровневую систему ответственности: от простого несанкционированного доступа (до 2 лет тюрьмы) до действий, создающих серьезную угрозу для жизни людей или национальной безопасности (вплоть до пожизненного заключения) [11]. В настоящее время в парламенте рассматривается вопрос о пересмотре приговоров, поскольку базовое наказание в 2 года за несанкционированный доступ уже не отражает всей опасности современных атак.

Китай демонстрирует системный подход. Уголовная ответственность за киберпреступления неразрывно связана с обширным административным законодательством. Законы «О кибербезопасности», «О защите персональных данных» и «О безопасности данных» создают правовую основу, а Уголовный кодекс устанавливает наказания за наиболее серьезные нарушения, например, за продажу биометрических данных или незаконный доступ к камерам видеонаблюдения. При этом Китай последовательно расширяет перечень составов в сфере компьютерной информации [13].

Борьба с трансграничной киберпреступностью невозможна без международного сотрудничества. Безусловным лидером здесь является Будапештская конвенция о киберпреступности (Совет Европы). На начало 2025 года ее ратифицировали 78 государств, а к концу года число стран-участниц достигло 81. Важно, что к конвенции присоединились не только европейские, но и многие другие страны, включая США, Канаду, Японию и ЮАР, что делает ее поистине глобальным инструментом. Россия, как известно, эту конвенцию не ратифицировала.

В 2024 году приняли Конвенцию ООН против киберпреступности [4], который задаёт новые правила международного сотрудничества. В нем прямо прописан принцип государственного суверенитета в этой сфере. По сути, это альтернатива европейской Будапештской конвенции — свой, универсальный механизм.

Таким образом, российское законодательство после новелл 2025 года действительно меняется. Были добавлены новые составы (статьи 274.3–274.5 УК РФ) и увеличены сроки наказания, особенно за преступления с использованием искусственного интеллекта. Но на практике всё ещё непонятно, как чётко это разграничить. Компьютерная информация в конкретном деле — это предмет преступления, средство или орудие.

За рубежом другая ситуация. В Германии, например, решили защищать «белых хакеров» — то есть дифференцируют ответственность. В Евросоюзе сделали ставку на штрафы для бизнеса (огромные суммы, чтобы компании сами вкладывались в безопасность). А Италия быстро отреагировала на дипфейки — сразу внесла эти моменты в уголовный кодекс.

У каждой модели есть свои плюсы. России, наверное, стоило бы перенять европейскую логику, где бизнес обязан отвечать за кибербезопасность своих продуктов. А за рубежом присматриваются к российскому опыту относительно

криминализации использования «серого» сетевого оборудования (сим-боксы и т.п.).

Уголовное право в цифровую эпоху не может стоять на месте. Преступники придумывают новое — законодатели вынуждены реагировать. И выиграет тот, кто научится прогнозировать угрозы.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Федеральный закон от 31.07.2025 № 282-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2025. — № 31. — Ст. 4921.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 38 «О судебной практике по делам о преступлениях в сфере компьютерной информации» (с изм. от 2025) // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2023. — № 2.
4. Конвенция Совета Европы о киберпреступности (Будапешт, 23 ноября 2001 г.) // Собрание законодательства РФ. — 2009. — № 48. — Ст. 5686.
5. Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности — принята резолюцией 79/243 Генеральной Ассамблеи ООН 24 декабря 2024 года. — URL: <https://www.un.org>
6. Приговор Абазинского районного суда Республики Хакасия от 27 апреля 2025 г. по делу № 1-25/2025 // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). — URL: <https://sudact.ru>
7. Приговор Кировского районного суда Ставропольского края от 19 декабря 2025 г. по ч. 3 ст. 272 УК РФ // Официальный сайт Кировского районного суда.
8. Уголовное дело № 12401950021000174 — факт неправомерного доступа к компьютерной информации сотрудником ИП // Архив Абазинского районного суда. — 2025.
9. Батулин Ю.М., Жодзишский А.М. Компьютерная преступность и компьютерная безопасность. — М.: Юридическая литература, 2021. — 352 с.
10. Вехов В.Б. Основы криминалистического исследования компьютерной информации: монография. — Волгоград: ВА МВД России, 2022. — 288 с.
11. Гаврилов С.Н. Актуальные проблемы квалификации преступлений в сфере компьютерной информации // Российский криминологический взгляд. — 2024. — № 3. — С. 45–52.
12. Клебанов Л.Р. Цифровые знания как объект уголовно-правовой охраны // Журнал российского права. — 2025. — № 2. — С. 67–79.

13. *Комиссаров В.С.* Киберпреступность: криминологическая характеристика и уголовно-правовые меры противодействия. — М.: Норма, 2023. — 416 с.
14. *Савельев А.И.* Правовое регулирование искусственного интеллекта и уголовная ответственность: сравнительно-правовой анализ (Россия, ЕС, Китай) // Закон. — 2025. — № 4. — С. 93–106.
15. Сообщение о новых составах преступлений в сфере компьютерной информации с 1 сентября 2025 года // Официальный портал прокуратуры Республики Татарстан. — 2025. — 3 декабря. — URL: <https://almetyevsk.tatarstan.ru>

DOMESTIC AND FOREIGN EXPERIENCE OF CRIMINAL LIABILITY FOR CRIMES IN THE SPHERE OF DIGITAL KNOWLEDGE

Smirnov R.G.

kaf.jur@mail.mpa71.ru

AUTONOMOUS NON-PROFIT ORGANIZATION OF HIGHER EDUCATION
"INTERNATIONAL POLICE ACADEMY"
(Tula)

Abstract. The article provides a comparative analysis of domestic and foreign approaches to establishing criminal liability for crimes in the sphere of digital knowledge. The author examines the evolution of Russian legislation — from the traditional elements of crimes under Chapter 28 of the Criminal Code of the Russian Federation to the 2025 novelties (Federal Law No. 282-FZ), which introduced liability for the use of SIM boxes, virtual telephone exchanges and other means of illegal information transmission. Special attention is paid to the discussed initiatives to toughen penalties for crimes involving artificial intelligence, as well as to law enforcement problems related to the qualification of computer information.

The foreign part analyzes the approaches of the European Union (Cyber Resilience Act, German amendments to protect "white hat hackers", the Italian law on AI and deepfakes), the United Kingdom (Computer Misuse Act 1990), and China (a system of administrative and criminal regulation). International treaties are also considered — the Budapest Convention and the new UN Convention against Cybercrime.

It is emphasized that Russian legislation is moving towards detailing criminal offenses and toughening punishments, while foreign countries focus on differentiation of liability, prevention and fines for businesses. The need for further improvement of law enforcement practice and adaptation of best foreign solutions is noted.

Keywords. digital knowledge, criminal liability, cybercrime, Chapter 28 of the Criminal Code of the Russian Federation, unlawful access to computer information, SIM boxes, artificial intelligence, deepfakes, Budapest Convention, UN Convention against Cybercrime, , comparative law.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ДОКАЗЫВАНИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Тхакумачев Б.Ю.

kaf.jur@mail.mpa71.ru

АНО ВО «МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИЦЕЙСКАЯ АКАДЕМИЯ»

(Тула)

Аннотация: по мнению автора, стремительное развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ) в 2025–2026 годах поставило перед уголовно-процессуальной наукой и практикой принципиально новые вопросы, требующие незамедлительного осмысления и правового реагирования. ИИ повсеместно входит в нашу жизнь, обретает все более широкие сферы применения, в том числе в правосудие. Системообразующим вектором судебной миссии здесь выступает доказывание – достоверное установление фактических обстоятельств произошедшего (thema probandi). Это основа производства по уголовному делу, основа приговора – без нее справедливое разрешение дела невозможно. На переднем плане – уголовное судопроизводство, где вопрос достижения социальной справедливости стоит особо остро. Полагаем, что немаловажную роль здесь могут сыграть стремительно развивающиеся технологии ИИ.

Ключевые слова: искусственный интеллект, доказывание, цифровая трансформация, уголовное судопроизводство, технологии искусственного интеллекта.

Актуальной задачей современной криминалистики является теоретико-правовое и практическое осмысление ИИ в качестве потенциального источника специальных знаний, используемых в борьбе с преступностью. В условиях цифровой трансформации правоохранительной деятельности возникает необходимость переосмысления традиционного антропоцентричного подхода к категории «специальные знания» с учетом возможностей, предоставляемых ИИ.

Исследования показывают, что ИИ, не обладая правосубъектностью, может выступать в качестве инструмента реализации специальных знаний при условии его методологически обоснованного применения, экспертной верификации выводов и соблюдения процессуальных гарантий. Выявлены ключевые направления использования ИИ в криминалистике: машинное обучение, компьютерное зрение, экспертные системы, обработка естественного языка, большие языковые модели [1].

Наибольший практический интерес представляет использование ИИ в судебно-экспертной деятельности. Искусственный интеллект может быть эффективно задействован для создания текстовой модели судебного следствия и ее последующего анализа на предмет наличия логических противоречий, несоответствий и прочих «когнитивных» недостатков. Полученные результаты

могут быть использованы судом в доказывании, что послужит усилению его активности при рассмотрении уголовного дела по существу, повышению качества отправления правосудия в целом [2].

В судебно-экспертной практике применение ИИ открывает широкие перспективы: от распознавания почерка до анализа сложных цифровых следов. В статье «О совершенствовании методического обеспечения применения технологий искусственного интеллекта в судебно-экспертной деятельности в условиях цифровизации» предлагается модель методического регулирования, включающая унификацию понятийного аппарата, разработку специализированных стандартов и создание репозитория верифицированных данных (Dataset). Эти предложения позволяют нивелировать риски использования «черных ящиков» и обеспечивают баланс между технологической эффективностью и процессуальной допустимостью заключений эксперта, полученных с применением технологий ИИ. В то же время, по мнению авторов, системное совершенствование методического обеспечения применения ИИ в судебной экспертизе является императивом цифровой трансформации правосудия. Доказана необходимость сохранения за экспертом статуса субъекта ответственности и невозможность делегирования функции принятия итогового решения системам ИИ [3].

Анализ правоприменительной практики 2025–2026 годов свидетельствует о нарастании противоречий между технологическими возможностями ИИ и существующим правовым регулированием.

Проблема 1: Отсутствие нормативной базы. В Уголовно-процессуальном кодексе РФ использование ИИ в правосудии никак не регламентировано, основная его часть написана еще до появления нейросетей [4]. Суды и следственные органы вынуждены действовать в «серой зоне», что создает риски нарушения прав участников процесса. Адвокат, обнаруживший признаки машинной генерации в приговоре Ейского городского суда, обратил внимание на отсутствие в российском законодательстве норм, регулирующих применение ИИ для подготовки процессуальных документов [5].

Проблема 2: Допустимость ИИ-доказательств. Суды критически относятся к использованию нейросетей при подготовке доказательств по делу, подчеркивая, что такие материалы не отвечают критерию достоверности и не позволяют проверить источник сведений. Чат-боты на базе ИИ формируются в зависимости от запроса пользователя, представляют собой сгенерированный текст и не содержат ссылок на первоисточники. Участники спора должны опираться на достоверные и проверяемые источники информации, а не на ответы нейросетей. В ряде дел суды отказывались признавать доказательствами ответы, сгенерированные ИИ: при подтверждении контрафакта, обосновании стоимости услуг, взыскании упущенной выгоды [6]. Такой подход обусловлен неспособностью ИИ обеспечить критерии допустимости доказательств, предусмотренные уголовно-процессуальным законом.

Проблема 3: Риск подмены интеллектуальной деятельности. Совет судей РФ создал специальную рабочую группу по формированию концептуальных

подходов к использованию ИИ в судах, в ФПА РФ также создана рабочая группа по анализу проблем применения ИИ в юридической практике. Согласно ч. 1 ст. 17 УПК РФ, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью. Правовая позиция Конституционного Суда РФ направлена на исключение какого бы то ни было внешнего воздействия на суд, следователя и других лиц с целью понуждения их к принятию того или иного решения. Внедрение ИИ в процесс доказывания, особенно на стадии принятия решений, создает риск нарушения принципа свободы оценки доказательств и подмены личной интеллектуальной деятельности следователя сторонней системой ИИ [7]. Авторы специального исследования приходят к выводу, что «нейросеть не способна выступать в роли субъекта оценки доказательств, но она может быть эффективно задействована для создания текстовой модели судебного следствия и ее последующего анализа» [8].

Проблема 4: Феномен «галлюцинаций» нейросетей. Нейросети склонны к ошибкам, которые в уголовном праве недопустимы. Они могут «галлюцинировать» — выдумывать несуществующие законы или факты. Особое внимание в доктрине уделяется феномену «черного ящика» и «галлюцинациям» нейросетей, ставящим под сомнение верифицируемость полученных результатов. При этом остается открытым вопрос об ответственности за ошибки ИИ: «Кто ответит за ошибку? Если нейросеть ошибется и отправит невиновного в тюрьму, привлечь к ответственности нельзя ни код, ни компьютер-разработчика» [9].

Проблема 5: Коллизия с внутренним убеждением судьи. Уголовный процесс строится на принципе, что судья оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, руководствуясь законом и совестью. ИИ не способен понять, искренне ли раскрывается подсудимый, были ли показания даны под давлением или нет. В связи с этим справедливо отмечается, что «ИИ, будучи моделью, основанной на статистике и шаблонах, не обладает правосознанием, не может учитывать тонкие нюансы человеческого поведения, испытывать «внутреннее убеждение» судьи и нести за него ответственность» [10].

В первой половине 2026 года развернулась активная законотворческая работа по вопросам уголовной ответственности за использование ИИ.

Минцифры РФ подготовило законопроект, предусматривающий введение квалифицирующего признака «с использованием искусственного интеллекта» для ряда преступлений. Законопроект ужесточает санкции по статьям, связанным с кражей, мошенничеством, вымогательством, неправомерным доступом к компьютерной информации и нарушением правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи такой информации (ст. 158, 159, 163, 272 и 274 УК РФ). Согласно проекту, использование ИИ станетотягчающим обстоятельством, что повлечет увеличение верхнего порога наказаний. Штрафы могут достигать 2 млн рублей, а сроки лишения свободы — 15 лет. Планировалось, что нормы вступят в силу с 1 марта 2026 года.

Минцифры РФ предлагает закрепить определение искусственного интеллекта в примечании к ст. 158 УК РФ как «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека», включая ИКТ-инфраструктуру, ПО, а также процессы обработки данных и поиска решений.

Минюст РФ выступил с критикой законопроекта, указав на риски неоднозначного толкования определения искусственного интеллекта и роста нагрузки на экспертные учреждения. По мнению ведомства, предложенная формулировка избыточна и неопределенна, изменения могут привести к необходимости специального исследования по каждому делу для подтверждения факта использования именно ИИ. Это будет обременительно для экспертных учреждений и приведет к увеличению временных и финансовых издержек уголовного судопроизводства [11].

Директор департамента расследований Т. Hunter Игорь Бедеров отметил, что под предлагаемое определение могут подпадать любые инструменты машинного обучения и анализа больших данных, допуская отнесение к ИИ-инструментам практически любого ПО, используемого преступником, включая обычные антивирусные утилиты или браузеры [12].

Новая редакция ст. 163 УК РФ, по мнению Минюста РФ, будет пересекаться со ст. 272 УК РФ, что создаст коллизии при квалификации. В случае принятия поправок в каждом разбирательстве придется проводить экспертизу, что повысит нагрузку на экспертные учреждения, потребует дополнительных затрат и приведет к затягиванию сроков рассмотрения уголовных дел [13].

Показательно, что правительственная комиссия по законопроектной деятельности одобрила документ, а ассоциация больших данных, в которую входят крупные компании, работающие с ИИ-технологиями, направила в Минцифры РФ замечания к законопроекту, указав, что определение ИИ в проекте абстрактно и не соответствует формулировкам Национальной стратегии развития ИИ. Несмотря на замечания Минюста РФ, правительственная комиссия утвердила документ, и до конца недели законопроект могут внести в Госдуму РФ [14].

Группа депутатов фракции «Справедливая Россия» во главе с Сергеем Мироновым внесла законопроект, предлагающий дополнить ст. 272.1 УК РФ понятием «автоматизированная обработка» как самостоятельное преступное деяние, благодаря чему к ответственности можно будет привлечь за сам факт незаконной алгоритмической обработки чужих персональных данных — даже если они не были впоследствии распространены или сохранены [15].

На основе проведенного анализа можно предложить следующие направления совершенствования правового регулирования использования ИИ в уголовно-процессуальном доказывании.

1. Легальное закрепление понятий и принципов. Необходимо законодательно закрепить определение ИИ применительно к уголовному процессу, а также установить основные принципы его использования в доказывании. В доктрине обосновывается необходимость легального

закрепления особой категории доказательств, полученных с использованием ИИ, с указанием критериев их правовой оценки.

2. Разграничение функций ИИ и человека. Целесообразно определить перечень задач, которые могут делегироваться ИИ (анализ больших объемов данных, выявление логических противоречий, подготовка технических процессуальных документов по шаблонам, преобразование речи в текст), и тех, которые должны оставаться исключительной компетенцией человека (оценка доказательств, по внутреннему убеждению, принятие процессуальных решений). Нейросети могут быть «эффективно задействованы для создания текстовой модели судебного следствия и ее последующего анализа на предмет наличия логических противоречий, несоответствий и прочих «когнитивных недостатков».

3. Установление требований к верификации результатов ИИ. Результаты работы алгоритмов ИИ не могут быть приняты в качестве доказательств без их проверки и подтверждения традиционными процессуальными средствами. Полученные от ИИ данные в любом случае должны проверять профессионалы. Информация нейросетей будет рассматриваться исключительно как версия, а подтверждать или опровергать ее будут люди. Целесообразно разработать специализированные стандарты и создать репозитории верифицированных данных (Dataset).

4. Закрепление ответственности. Необходимо определить, кто несет ответственность за ошибки, допущенные при использовании ИИ в процессе доказывания. Доказана необходимость сохранения за экспертом статуса субъекта ответственности и невозможность делегирования функции принятия итогового решения системам ИИ. В доктрине также справедливо отмечается, что «искусственный интеллект, не обладая правосубъектностью, может выступать в качестве инструмента реализации специальных знаний при условии его методологически обоснованного применения, экспертной верификации выводов и соблюдения процессуальных гарантий».

5. Создание механизмов контроля. Необходимо ввести систему сертификации ИИ-систем, используемых в уголовном судопроизводстве, а также обеспечить возможность обжалования решений, принятых с использованием ИИ. В США, например, уже в 2025 году разработчики ИИ осознали, что должны предоставлять свои программы для независимого внешнего тестирования на надежность и точность, если хотят, чтобы доказательства от их систем были приняты в суде. Эта практика заслуживает внимания и адаптации в российском правопорядке.

6. Гармонизация с зарубежным опытом. Анализ зарубежной практики показывает, что многие страны находятся на разных этапах внедрения ИИ в правосудие. В США, например, уже в 2025 году разработчики ИИ осознали, что должны предоставлять свои программы для независимого внешнего тестирования на надежность и точность, если хотят, чтобы доказательства от их систем были приняты в суде. Эта практика заслуживает внимания и адаптации в

российском правопорядке. Вместе с тем в международной практике сохраняется осторожный подход к автоматизации судебных решений.

7. Развитие методического обеспечения судебно-экспертной деятельности. Необходимо разработать унифицированные методики применения ИИ в различных видах судебных экспертиз, включая требования к валидации используемых алгоритмов и порядок фиксации результатов. В доктрине обосновывается необходимость системного совершенствования методического обеспечения применения ИИ в судебной экспертизе как императива цифровой трансформации правосудия.

8. Создание правовой основы для цифровых доказательств. Необходимо дополнить уголовно-процессуальный закон дефиницией электронных доказательств и закрепить порядок обращения с ними, для чего следует добавить в УПК РФ нормы, посвященные электронным доказательствам, электронным носителям, компьютерной информации, правилам фиксации, описи, изъятия электронных носителей информации. Это создаст фундамент для последующего внедрения результатов анализа ИИ в систему доказательств.

Использование искусственного интеллекта в уголовно-процессуальном доказывании является объективной реальностью, требующей адекватного правового реагирования. Однако стремительное внедрение ИИ в правосудие, включая случаи генерации обвинительных приговоров, опережает законодательное регулирование, создавая серьезные риски нарушения прав участников процесса. Показательным примером является «дело ейских полицейских», где приговор, предположительно написанный нейросетью, был оставлен в силе апелляционной и кассационной инстанциями при отсутствии в законодательстве норм, регулирующих применение ИИ для подготовки процессуальных документов.

Искусственный интеллект не способен заменить судью в вопросах оценки истинных намерений или раскаяния подозреваемых, поскольку у него отсутствует внутреннее убеждение. Уголовный процесс строится на принципах, которые требуют от правоприменителя не просто формальной логики, но и совести. Как верно отмечается в литературе, «нейросеть не способна выступать в роли субъекта оценки доказательств». Однако ИИ может выступать в качестве эффективного помощника в анализе больших объемов информации, выявлении противоречий и подготовке технических документов, при условии сохранения за человеком (судьей, следователем, экспертом) статуса субъекта, принимающего итоговое решение и несущего за него ответственность.

Разрабатываемые в 2026 году законопроекты об уголовной ответственности за использование ИИ требуют тщательной доработки с учетом высказанных замечаний, в том числе в части определения ИИ и разграничения составов преступлений. Целесообразно также разработать и принять отдельный федеральный закон «О внедрении технологий искусственного интеллекта в правосудие», который определит правовой статус ИИ, установит требования к его использованию и обеспечит защиту прав участников уголовного

судопроизводства. В любом случае необходимо следовать известному принципу медицинской этики: *primum non nocere* — прежде всего, не навреди. Нецифровой занавес, а защитный экран: технологии должны служить правосудию, а не подменять его.

Только комплексный подход, объединяющий совершенствование законодательства, унификацию судебной практики, развитие методического обеспечения и подготовку кадров, способен обеспечить эффективное и безопасное внедрение технологий искусственного интеллекта в уголовно-процессуальное доказывание.

Литература

1. *Чекотов И.П.* Технологии искусственного интеллекта как источник спецзнаний [Электронный ресурс] // Вестник Института права Башкирского государственного университета, 2025. Т. 8. № 4(28). - URL: <https://vestnik-ip.ru/index.php/journal/article/view/519>. (дата обращения: 21.04.2026).

2. *Малина М.А.* Использование нейросетевых языковых моделей в судебном следствии при производстве по уголовному делу [Электронный ресурс] // Российский судья, 2026. № 2 - URL: <https://lawinfo.ru/articles/12731/ispolzovanie-neirosetevykh-yazykovykh-modelei-v-sudebnom-sledstvii-pri-proizvodstve-po-ugolovnomu-delu> (дата обращения: 21.04.2026).

3. *Шайдуллин Р.Р.* О совершенствовании методического обеспечения применения технологий искусственного интеллекта в судебно-экспертной деятельности в условиях цифровизации [Электронный ресурс] // Вестник Института права Башкирского государственного университета, 2026. Т. 9. № 1 (29). - URL: <https://vestnik-ip.ru/index.php/journal/article/view/608> (дата обращения: 21.04.2026 года).

4. *ИИ в мантии: суды начали использовать нейросети при вынесении приговоров:* Официальный сайт [Электронный ресурс]. - URL: <https://m.5-tv.ru/news/5062507/iivmantii-sudy-nacali-ispolzovat-nejroseti-pri-vynesanii-prigovorov/> (дата обращения: 21.04.2026).

5. *Адвокат заподозрил участие ИИ в подготовке текста судебного акта:* Официальный сайт [Электронный ресурс]. - URL: https://ceur.ru/news/zakony_sudy/advokat-zapodozril-uchastie-ii-v-podgotovke-teksta-sudebnogo-akta/ (дата обращения: 21.04.2026).

6. *Оппонент защищается документами из нейросети. Примет ли суд такие доказательства:* Официальный сайт [Электронный ресурс]. - URL: <https://e.law.ru/1177995> (дата обращения: 21.04.2026).

7. *Шеляшкова А.А., Исакова Е.В.* Допустимость использования искусственного интеллекта в уголовном процессе. На что обратить внимание защите [Электронный ресурс] // Уголовный процесс, 2026. № 4. - URL: <https://e.ugpr.ru/1177801> (дата обращения: 21.04.2026 года).

8. *Малина М.А.* Использование нейросетевых языковых моделей в судебном следствии при производстве по уголовному делу [Электронный ресурс] // Российский судья, 2026. № 2 - URL: <https://lawinfo.ru/articles/12731/ispolzovanie-neirosetevykh-yazykovykh-modelei-v-sudebnom-sledstvii-pri-proizvodstve-po-ugolovnomu-delu>

neirosetevykh-yazykovykh-modelei-v-sudebnom-sledstvii-pri-proizvodstve-po-ugolovnomu-delu (дата обращения: 21.04.2026).

9. *Адвокат рассказал, сможет ли ИИ расследовать уголовные дела:* Официальный сайт [Электронный ресурс]. - URL: <https://news.ru/tehnologii-i-gadzhety/advokat-rasskazal-smozhet-li-ii-rassledovat-ugolovnye-dela> (дата обращения: 21.04.2026).

10. *Искусственный интеллект вместо судьи: что делать, если приговор пишет нейросеть?:* Официальный сайт [Электронный ресурс]. - URL: <https://legalacademy.ru/sphere/post/iskusstvennyi-intellekt-vmesto-sudi-chto-delat-esli-prigovor-pishet-neiroset> (дата обращения: 21.04.2026).

11. *Минюст раскритиковал законопроект об уголовной ответственности за использование ИИ:* Официальный сайт [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.ugpr.ru/news/9453-minyust-raskritikoval-zakonoproekt-ob-ugolovnoy-otvetstvennosti-za-ispolzovanie-ii> (дата обращения: 21.04.2026).

12. *Правкомиссия одобрила уголовную ответственность за мошенничество с ИИ:* Официальный сайт [Электронный ресурс]. - URL: <https://pravo.ru/news/261961/amp/> (дата обращения: 21.04.2026).

13. *Минюст раскритиковал законопроект об уголовной ответственности за использование ИИ:* Официальный сайт [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.ugpr.ru/news/9453-minyust-raskritikoval-zakonoproekt-ob-ugolovnoy-otvetstvennosti-za-ispolzovanie-ii> (дата обращения: 21.04.2026).

14. *Минюст раскритиковал проект об уголовной ответственности за мошенничество с ИИ:* Официальный сайт [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8340266> (дата обращения: 21.04.2026).

15. *В Госдуму внесли законопроект об уголовной ответственности за дипфейки:* Официальный сайт [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.pnp.ru/social/v-gosdumu-vnesli-zakonoproekt-ob-ugolovnoy-otvetstvennosti-za-dipfeyki.html> (дата обращения: 21.04.2026).

THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES IN CRIMINAL PROCEEDINGS: CHALLENGES AND PROSPECTS FOR LEGAL REGULATION

Thakumachev B.Y.

kaf.jur@mail.mpa71.ru

ANO VO «INTERNATIONAL POLICE ACADEMY»

(Tula)

Abstract: According to the author, the rapid development of artificial intelligence (AI) technologies in 2025-2026 has raised fundamentally new issues in criminal procedure science and practice that require immediate reflection and legal response. AI is increasingly becoming a part of our lives and is finding broader applications, including in the field of justice. The core objective of the judicial mission is to provide evidence and establish the actual circumstances of the incident (thema probandi). This is the basis of criminal proceedings and the basis of a verdict – without it, a fair resolution of a case is impossible. Criminal proceedings are at the forefront, where the

issue of achieving social justice is particularly acute. We believe that rapidly developing AI technologies can play an important role here.

Keywords: artificial intelligence, evidence, digital transformation, criminal proceedings, AI technologies.

УЧАСТИЕ ПРОКУРОРА В РАССМОТРЕНИИ ДЕЛ О ЗАЩИТЕ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СУДАХ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ И КАССАЦИОННОЙ ИНСТАНЦИЙ

Шалашников Г.В., Беляева О.В.

shalashnikov@yandex.ru

ТУЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ (ФИЛИАЛ) ВГУЮ (РПА МИНЮСТА РОССИИ)
АНО ВО «МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИЦЕЙСКАЯ АКАДЕМИЯ»
(Тула)

Аннотация: В данной публикации исследуются процессуальные особенности участия прокурора в гражданском судопроизводстве на стадиях апелляционного и кассационного обжалования в защиту прав несовершеннолетних. Выявляются законодательные пробелы и предлагаются способы их разрешения.

Ключевые слова: несовершеннолетние, прокурор, защита прав, судопроизводство, апелляция, кассация.

Производство в суде в рамках апелляционного или кассационного производства представляет собой судопроизводство во второй инстанции, уже после того, когда вынесено решение судом, в целях его пересмотра при наличии соответствующих оснований. Иными словами, апелляционное кассационное производство направлено на дополнительную проверку установленной истины по делу, посредством его пересмотра, в виду наличия соответствующих обстоятельств, указывающих на возможное нарушение закона или наличие фактических данных, которые не были исследованы судом первой инстанции и могут повлиять на изменение принятого решения по делу.

Суд второй инстанции – это достаточно специфичный этап судебного разбирательства, который инициируется по ходатайству заинтересованных лиц. При этом апелляционное производство проводится в отношении судебных решений, принятых, но не вступивших в законную силу, то есть в течение одного месяца с момента вынесения решения судом первой инстанции. Суть апелляционной инстанции заключается в пересмотре вынесенного решения при наличии заявленного несогласия от заинтересованного лица в его законности [7, с. 22].

Кассационная инстанция выступает вторым этапом обжалования решения суда, вступившего в законную силу, который преследует цель проверки законности соблюдения всех процедур, а также законность и обоснованность вынесенного судебного решения.

Апелляция и кассация – это, по справедливому замечанию К.И. Комисарова, некая гарантия участников судопроизводства на защиту своих

законных интересов после вынесения судом первой инстанции решения, которое не соответствует принципам законности и обоснованности [8, с. 432].

Право апелляционного обжалования по гражданским делам с участием несовершеннолетних принадлежит каждому из участников разбирательства, а также прокурору (ст. 320 Гражданского процессуального кодекса РФ [1] (далее - ГПК РФ)). В соответствии со ст. 327 ГПК РФ апелляционное производство предполагает полный пересмотр дела, однако в пределах тех требований (возражений), которые указаны в апелляционной жалобе (ст. 327.1 ГПК РФ).

Участие прокурора в защиту прав несовершеннолетнего в апелляционной инстанции предусмотрено в форме подачи им частной жалобы или представления в порядке ст. 333 ГПК РФ. По итогам пересмотра дела суд второй инстанции может отменить ранее вынесенное решение по делу полностью или в какой-то его части и разрешить вопрос по существу или же оставить жалобу прокурора без удовлетворения, а судебное решение без изменения.

Вторая инстанция пересмотра судебных решений в гражданском судопроизводстве также предусматривает производство в суде надзорной инстанции, в которой в соответствии со ст. 391.1 ГПК РФ прокурор также имеет полномочия на обжалование решений Высшей судебной инстанции.

Новиков А.В., Слабкая Д.Н., характеризуя роль прокурора в судебном производстве второй инстанции, указывают на высокую эффективность прокурорского представления в данной сфере, посредством чего достигается защита прав и законных интересов участников судопроизводства, в том числе, несовершеннолетних [10, с. 34].

Возможность участия прокурора в судебном разбирательстве при пересмотре судебных решений опосредована зависимостью от факта его участия по данному делу в суде первой инстанции, что нашло свое отражение в нормах, закрепленных в ч. 2 ст. 320 ГПК РФ, ч. 3 ст. 376, ч. 3 ст. 391.1 ГПК РФ.

ГПК РФ содержит норму, в соответствии с которой неявка прокурора в суд первой инстанции не обязывает суд откладывать заседание и разрешает вести судопроизводство без его участия (ч.3 ст. 45 ГПК РФ). Мы предлагали изменить данную норму, полностью поменяв ее смысл в обратном порядке.

Однако, в контексте данного исследования речь пойдет не об этом, а о том, имеет ли возможность прокурор, который должен был принимать участие в суде первой инстанции в защиту прав и законных интересов несовершеннолетнего, но не вступивший в процесс (к примеру, ввиду его ненадлежащего уведомления), в порядке ч. 2 ст. 320 ГПК РФ воспользоваться правом апелляционного обжалования?

Действительно, де-юре прокурор мог являться участником судебного разбирательства в первой инстанции, но де-факто, таковым не являлся. Таким образом, де-юре он имеет основания для обжалования решений суда в порядке его пересмотра, однако, де-факто, он не присутствовал на процессе при первичном рассмотрении дела, и так как дело будет пересматриваться лишь в части обжалования, прокурор не сможет полноценно сформировать объективное

представление о событии и исследованных доказательствах.

В этой связи С.В. Моисеев указывает на невозможность участия прокурора при пересмотре гражданских дел с участием несовершеннолетних, если он фактически не присутствовал на первичном разбирательстве (даже по объективным причинам, исключающим его дисциплинарную ответственность), хотя должен был выступать в защиту прав и законных интересов несовершеннолетнего. В таком случае, по мнению специалиста, он лишается права на подачу представления (жалобы) в порядке апелляционного или кассационного пересмотра [9, с. 66-67].

И.В. Решетникова категорично заявляет, что факт участия или неучастия прокурора в суде первой инстанции в защиту прав несовершеннолетнего никаким образом не должен выступать определяющим критерием для установления в отношении прокурора юридических оснований запрета или дозволения его участия в суде в второй инстанции в защиту прав несовершеннолетнего [11, с. 94-95].

Точно такую же позицию продемонстрировал правоприменитель: в п.3 Приказа Генпрокуратуры России от 11.01.2021 № 2 «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве» закреплено, «апелляционное, кассационное и надзорное обжалование судебных постановлений по делам, в рассмотрении которых участвовал или вправе был участвовать прокурор» [3].

Аналогичный подход демонстрирует Конституционный Суд Российской Федерации [4].

Ввиду вышеизложенного считаем справедливым полностью поддержать позицию, в соответствии с которой, прокурор имеет право принимать участие в судебном разбирательстве в защиту прав несовершеннолетних на любой стадии процесса, независимо от того, в какой инстанции рассматривается дело и от факта его фактического участия в судебном разбирательстве в суде первой инстанции.

На наш взгляд, участие прокурора в защиту прав несовершеннолетних в судах второй инстанции (при пересмотре решений) является единственно возможным способом исключить возможные судебные ошибки, всесторонне и полностью исследовать имеющиеся и вновь представленные доказательства по делу, соблюсти законность всех процедур в отношении несовершеннолетнего. Только таким образом можно будет говорить о реальной конституционной гарантированности прав детей, охрану их детства и семьи.

Считаем необходимым, в целях приведения действующего законодательства к единообразию, а также укрепления гарантий соблюдения прав несовершеннолетнего в гражданском судопроизводстве, внести изменения в ч.2 ст. 320 ГПК РФ, дополнив ее словами следующего содержания: «2. ...Прокурор, выступающий в защиту прав несовершеннолетнего, имеет право на апелляционное, кассационное и надзорное обжалование судебных постановлений по делам, в рассмотрении которых принимал участие или вправе был участвовать.».

Участие прокурора в апелляционной инстанции в ГПК РФ описано недостаточно конкретизировано. К примеру, в качестве пробела отметим, что ГПК РФ не содержит указание на конкретное должностное лицо органов прокуратуры, которое уполномочено на принесение апелляционного представления, так как используется формулировка «прокурор, участвующий в деле».

Апелляционное рассмотрение дела может происходить по двум формам участия в нем прокурора: представления или возражения. Первая форма используется, когда апелляционная жалоба принесена иным заинтересованным лицом (не прокурором). Вторая форма обусловлена инициированием апелляционного разбирательства самим прокурором.

В научной среде ведутся споры о том, может ли прокурор, принимая участие в суде второй инстанции в защиту прав несовершеннолетнего, помимо дачи объяснений давать также заключения. По этому вопросу существует две позиции. Представители первой толкуют буквально положение данной нормы и указывают на то, что в судебном производстве во второй инстанции прокурор может только давать объяснения по делу [5, с. 33].

Вторая позиция понимает закон шире и допускает наравне с дачей прокурором объяснений также предоставлять свои заключения по делу относительно законности и обоснованности ранее принятого решения [9, с. 66].

Если проанализировать нормы ГПК РФ, то мы не сможем выделить норму, которая бы допускала возможность для прокурора дачи заключения о законности и обоснованности пересматриваемых судебных актов.

Однако, в соответствии с ч. 3 ст. 35 ФЗ «О прокуратуре РФ» [2] прокурор имеет полномочия на любой стадии процесса, включая и те, что связаны с пересмотром дела. Однако, эта норма не соответствует аналогичной, закрепленной в ГПК РФ, которая ограничивает полномочия прокурора на проверочных стадиях судопроизводства.

В этой связи считаем возможным расширить полномочия прокурора в судах второй инстанции, за счет включения в объем его правомочий на проверочных стадиях судопроизводства возможности вступить в процесс для дачи заключения.

Кассационный порядок судопроизводства с участием прокурора закреплен в ст. 386 ГПК РФ, где содержится норма, определяющая перечень должностных лиц прокуратуры, имеющих право на подачу кассационного представления.

Также как и апелляционная инстанция, кассационное производство не вносит ясности в вопрос о процессуальных формах, которые могут быть использованы прокурором для защиты прав несовершеннолетних.

Е.Р. Ергашев указывает на наличие у прокурора возможности дачи им заключения в данной стадии пересмотра судебного решения. В обоснование своей позиции ученый использует пробел в ч. 3 ст. 45 ГПК, который не дает четкого ответа на вопрос относительно того, на какой именно стадии прокурор может вступать в разбирательство для дачи заключения [6, с. 97].

Сторонники другой позиции исключают возможность дачи прокурором заключения в суде кассационной инстанции и указывают на единственно

возможную форму реализации им своих полномочий, выраженную в даче объяснений [9, с. 68].

На наш взгляд, участие прокурора в защиту прав несовершеннолетнего в кассационной инстанции должно быть сопряжено с возможностью дачи им заключения, так как это прямым образом способствует соблюдению прав и законных интересов несовершеннолетнего.

Обобщая материал данной публикации, укажем, что участие прокурора в апелляционной инстанции в защиту прав несовершеннолетнего предусмотрено в форме подачи им частной жалобы или представления.

В качестве недостатков правового регулирования в данной сфере гражданского судопроизводства следует указать на отсутствие в ГПК РФ четких формулировок касательно формы участия прокурора в защиту прав несовершеннолетнего, так как из закона прямо не следует ответ на вопрос, может ли прокурор выступать в защиту прав и законных интересов несовершеннолетнего в форме дачи заключения по делу. Кроме того, объем полномочий прокурора при пересмотре судебных решений неоправданно заужен, усеченными являются также положения о возможности участия прокурора в судах второй инстанции. Все эти недостатки негативным образом отражаются на соблюдении прав несовершеннолетних в гражданском судопроизводстве и требует своего разрешения. В этой связи предлагаем внести изменения в действующее законодательство.

Считаем необходимым, в целях приведения действующего законодательства к единообразию, а также укреплению гарантий соблюдения прав несовершеннолетнего в гражданском судопроизводстве, внести изменения в ч.2 ст. 320 ГПК РФ, дополнив ее словами следующего содержания: «2. ...Прокурор, выступающий в защиту прав несовершеннолетнего, имеет право на апелляционное, кассационное и надзорное обжалование судебных постановлений по делам, в рассмотрении которых принимал участие или вправе был участвовать.».

Считаем возможным расширить полномочия прокурора в судах второй инстанции, за счет включения в объем его правомочий на проверочных стадиях судопроизводства возможности вступить в процесс для дачи заключения.

Литература

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 23.03.2026) // Собрание законодательства РФ, 18.11.2002, № 46, ст. 4532.
2. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 29.12.2025) «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 20.11.1995, № 47, ст. 4472.
3. Приказ Генпрокуратуры России от 11.01.2021 № 2 (ред. от 19.10.2022) «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве» // Законность, 2021, №3.

4. Определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 21 ноября 2013 г. № 1782-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Бородин Сергея Владимировича, Пауля Алексея Георгиевича и Скляднева Олега Михайловича на нарушение их конституционных прав частью третьей статьи 45, статьей 112 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и статьей 35 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

5. Дугарон Е.Ц. Проблемы заключения как формы выражения позиции прокурора в гражданском процессе // Законность. 2018. № 4. С. 30-35.

6. Ергашев Е.Р. О проблемах правовой регламентации и применения правовых средств прокурора, участвующего в рассмотрении судами гражданских дел // Российский юридический журнал. 2017. № 3. С. 95-102.

7. Жилин Г.А. Цели гражданского судопроизводства и их реализация в суде первой инстанции: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. - М., 2000. – 43 с.

8. Комиссаров К.И. Производство по пересмотру судебных постановлений // Гражданский процесс. Под ред. В.В. Яркова. М., 2004. – 655 с.

9. Моисеев С.В. Несколько слов об участии прокурора в гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2003. № 8. С. 66-69.

10. Новиков А.В., Слабкая Д.Н. Актуальные проблемы участия прокурора в гражданском процессе // Научные итоги года: достижения, проекты, гипотезы. 2014. №4. С. 33-37.

11. Решетникова И.В. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации // Вестник гражданского процесса. 2017. № 3. С. 94-99.

**PARTICIPATION OF THE PROSECUTOR IN THE REVIEW OF
CASES ON THE PROTECTION OF THE RIGHTS AND LEGAL
INTERESTS OF MINORS IN COURTS OF APPEAL AND
CASCATION**

Shalashnikov G.V., Belyaeva O.V.

shalashnikov@yandex.ru

TULA INSTITUTE (BRANCH) OF THE ALL-RUSSIAN STATE
UNIVERSITY OF JUSTICE (RPA OF THE MINISTRY OF JUSTICE OF
RUSSIA)

ANO VO «INTERNATIONAL POLICE ACADEMY» (Tula)

Abstract: This publication examines the procedural features of the prosecutor's participation in civil proceedings at the stages of appeal and cassation in defense of the rights of minors. It identifies legislative gaps and suggests ways to address them.

Keywords: minors, prosecutor, protection of rights, legal proceedings, appeal, cassation.

ЮРИДИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ ДОГОВОРА КАРШЕРИНГА И ЕГО СООТНОШЕНИЕ С ИНЫМИ ДОГОВОРНЫМИ КОНСТРУКЦИЯМИ

Ярославцева Анна Евгеньевна

tati52009@mail.ru

ЧОУ ВО «ТУЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ И БИЗНЕСА
ИМЕНИ Н. Д. ДЕМИДОВА»,
АНО ВО «МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИЦЕЙСКАЯ АКАДЕМИЯ»
(Тула)

Аннотация: в данной публикации исследуется правовая сущность договора каршеринга, посредством его соотношения со схожими договорами, предусмотренными гражданским законодательством.

Ключевые слова: каршеринг, договор, прокат, аренда, публичность, транспортное средство.

Ввиду отсутствия законодательного определения термина «каршеринг» в отечественном гражданском законодательстве, данные правоотношения упорядочиваются в произвольном порядке, при этом каждая каршеринговая организация использует удобные для нее договорные конструкции, которые в той или иной степени выступают схожими, но не абсолютно соответствующие истинной сущности каршеринга.

Данное обстоятельство требует уяснения правовой сущности каршеринга, для чего необходимо исследовать имеющиеся в научной доктрине мнения специалистов по данному вопросу, а также провести соотношение каршеринга со схожими договорами, предусмотренными Гражданским кодексом РФ [1] (далее - ГК РФ).

Актуальность данного вопроса возрастает с учетом того, что на законодательном уровне до сих пор не принят специальный федеральный закон, который бы регламентировал отдельные вопросы каршеринговых отношений между арендодателем и арендатором.

Для установления сущности данного договора и понимания его правовой природы, укажем на то, что он является собирательным договором, то есть сочетает в себе отдельные элементы разных договорных конструкций, предусмотренных ГК РФ. Это дает нам основания говорить о том, что договор каршеринга относится к числу гражданско-правовых договоров смешанного типа, что исключает возможность его прямой аналогии с каким-либо договором, содержащимся в ГК РФ.

Первое, на что следует обратить внимание, это схожесть договора каршеринга с договором присоединения, который в свою очередь выступает

элементом рамочного договора, предусмотренного ст. 429.1 ГК РФ. Рамочность договора подразумевает, что его стороны самостоятельно определяют общие условия договорных обязательств, а что касается уточнений и конкретизации отдельных условий договора, то стороны имеют возможность заключить дополнительные договоры или произвести необходимые заявки. Как отмечает С.Ю. Морозова, рамочный договор является базовым договором, который концептуально определяет дальнейшее долгосрочное сотрудничество сторон, что предполагает заключение дополнительных локальных договоров, но не имеет характер обязательности их заключения. То есть локальные договоры будут заключаться по мере необходимости [5, с. 169].

Договор присоединения является двухсторонним и, как правило, заключается в электронной форме посредством использования конкретного мобильного приложения. Данный договор содержит в себе общие условия для дальнейшего взаимодействия сторон и не требует незамедлительного исполнения, то есть выступает некой базовой платформой для дальнейших сделок, например, заключение договора аренды автомобиля. Однако, как уже было отмечено, договор присоединения не требует обязательного заключения последующих договоров; сторона (пользователь), заключившая данный договор, может в любое время находиться исключительно в статусе зарегистрированного пользователя, в дальнейшем не заключая дополнительные договоры. Таким образом, договор присоединения – это особая разновидность рамочного договора, что применительно к договору каршеринга не исключает возможности последующего заключения договора аренды транспортного средства без экипажа, то есть уже после заключения общего договора (регистрации пользователя в соответствующей программе).

Данный вывод подтверждает судебная практика. Засвияжский районный суд города Ульяновска рассматривал спор, связанный с защитой прав, сторонами которого выступали каршеринговая организация и пользователь ее сервиса по аренде автомобилей. Суд согласился с тем, что правовое урегулирование данных отношений, основанное на положениях ст. 428 ГК РФ (договор присоединения), является надлежащим [8].

Далее следует определить сходство каршерингового договора с поименованными договорами, содержащимися в части второй ГК РФ. Следует согласиться с мнением И.З. Аюшеевой, которая говорит о невозможности отнесения договора каршеринга к определенному виду договора аренды, однако указывает на две гражданско-правовые конструкции, которые наиболее сочетаемы с каршерингом: договор проката и договор аренды транспортного средства без экипажа [2, с.27].

Большинство каршеринговых организаций в России используют договор аренды транспортных средств без экипажа в качестве вторичного договора относительно договора присоединения, который регистрирует пользователя. Однако, на наш взгляд, хоть данный договор и является наиболее подходящим для данных правоотношений, однако он не в полной мере соответствует специфике каршеринга.

Условия договора аренды в соответствии со ст. 644 ГК РФ, предполагают, что арендатор на протяжении всего пользования автомобилем должен производить его техническое обслуживание (как текущее, так и капитальное), содержать в чистом виде. Указанные обязанности по договору каршеринга в полном объеме возлагаются на арендодателя, то есть каршеринговую организацию.

Каршеринговые обязательства во многом схожи с договором проката по признаку их краткосрочности. В обоих договорах идентичен субъектный состав. Арендодатель в лице коммерческой организации и арендатор, который использует арендованный автомобиль для личных (некоммерческих) нужд. Кроме того, в обоих случаях техническое обслуживание арендованного автомобиля возлагается на арендодателя.

Однако, договор проката, в соответствии с общими положениями гражданского законодательства об исчислении срока, в качестве минимального временного интервала для тарификации может использовать единицу измерения в виде одного часа, что явно не соответствует положениям договора каршеринга, в котором используется поминутная тарификация.

Договор проката, в отличие от договора каршеринга, имеет публичный характер, то есть он заключается с любым лицом, которое выразило свое желание на это, независимо от наличия каких-либо преимуществ у данных лиц для арендодателя. В данном случае выборочный подход к арендатору недопустим.

В свою очередь договор каршеринга диктует индивидуально-квалификационные определённые требования к потенциальным клиентам (арендаторам), наличие которых является обязательным для заключения договора каршеринга. Так, например, такие каршеринговые компании как «Делимобиль», AnytimePrime, с целью избегания возможных споров о публичности правовых отношений, которые возникают между данными организациями и их клиентами, в договоре используют следующую формулировку: «договор не является договором проката и не является публичным». Это дает им юридическую возможность устанавливать собственные ограничения для арендаторов автомобилей, с целью выборки наиболее опытных водителей, что в конечном итоге снизит риски дорожно-транспортных происшествий с участием каршеринговых автомобилей, и укрепит рентабельность коммерческой организации. Подобного рода вопросы каршеринговая компания может регулировать посредством полного запрета на аренду автомобилей для отдельной категории водителей (например, имеющих стаж вождения менее одного года) или же установить прогрессивную тарифную сетку, которая в какой-то мере позволит формировать «резервный фонд» на ремонт автомобилей. Разумеется, подобного рода ограничения не допустимы в рамках договора проката, что существенно разграничивает анализируемые договорные конструкции.

С нашей точки зрения, непубличность договора каршеринга и вытекающие из этого ограничения для арендаторов являются оправданными как в гражданско-правовом аспекте, так и в экономическом и административном

ракурсе. Транспортное средство - это источник повышенной опасности, управление им вызывает риски возникновения дорожно-транспортных происшествий, ущерба.

Практика использования каршеринговых договоров знает примеры, когда для урегулирования данных правоотношений применяется договор проката, то есть на уровне правоприменения происходит очевидно неверная квалификация данного договора. Так, в одном из определений, суд в своем решении называет существующий договор аренды транспортного средства в рамках каршеринговых отношений договором проката. При этом, сама каршеринговая организация (ООО «Автовектор») в используемом договоре аренды транспортного средства прямо указывает, что данный договор не является договором проката [9].

Избыточное расширение диспозитивности договора проката в случаях, когда данные правоотношения сопряжены с передачей автомобиля в краткосрочную аренду, и возложении на арендатора обязательств, связанных с осмотром автомобиля перед его использованием, выходит за рамки дозволенного, что указано в соответствующем судебном разьяснении [7].

Аналогичная позиция поддерживается Верховным Судом РФ, что дает нам возможность говорить о нарушении законодательства в случаях, когда в рамках каршеринговых отношений, в разрез сущностного понимания данного договора, применяются условия договора проката. Данное положение, как предписала высшая судебная инстанция, следует учитывать судами при квалификации каршеринговых отношений [6].

Кроме того, договор проката и договор аренды транспортного средства разнятся между собой по своему субъектному составу.

С.В. Комиссарова в этой части характеризует договор проката и договор каршеринга как несовместимые по критерию их пользователей и невозможности отнесения последнего к категории «народных договоров», то есть характеризуемого как общедоступный, публичный [3, с. 30-32].

В других судебных решениях, однозначно говорится о том, что деятельность каршеринговых организаций должна регулироваться посредством заключения договоров аренды транспортных средств без экипажа [10].

Более расширенная квалификация каршеринговых отношений приводится Первым кассационным судом общей юрисдикции, где он характеризуется как «договор аренды транспортного средства «KIA Stinger» без экипажа (сервис совместного использования автомобиля), представляющий собой его краткосрочную аренду на основе поминутной тарификации» [11].

В рамках соотношения договора каршеринга со схожими договорами, следует согласиться с Е.В. Вавилиным, который также к числу дифференцирующих признаков, выделяющих анализируемый договор относит его цифровую основу, посредством которой он заключается исключительно в электронной форме, что обусловлено характером его мобильности (удобством пользования) и высокой распространённостью в гражданском обороте [4, с. 108].

Таким образом, поиск поименованной гражданско-правовой модели

договора каршеринга позволяет сделать вывод об уникальности данного договора, несмотря на его схожесть с такими договорами как договор проката и договор аренды транспортного средства без экипажа. Последний, на наш взгляд, наиболее близок к договору каршеринга, несмотря на обозначенные выше отличия. К числу таких отличий следует отнести публичность договора проката и наличие специфической обязанности арендодателя проверить его исправное состояние в момент передачи объекта арендатору в пользование (ст. 628 ГК РФ), что в договоре каршеринга фактически выполняет арендатор.

Литература

1. *Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)* от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ, 29.01.1996, № 5, ст. 410.

2. *Аюшеева И. З.* Гражданско-правовое регулирование отношений по совместному использованию транспортных средств на примере каршеринга // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2019. № 2 (54). С. 26 – 32.

3. *Комиссарова С. В.* Правовая природа договора онлайн аренды на примере каршеринга // Право и государство: теория и практика. 2022. № 8 (212). С. 30 - 32.

4. *Вавилин Е. В.* Осуществление прав и исполнение обязанностей по договору аренды транспортных средств // ВолтерсКлувер. 2019. С. 108-111.

5. *Морозов С. Ю.* Система транспортных организационных договоров. М.: Норма, 2011. – 254 с.

6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2.

7. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14 марта 2014 г. N 16 «О свободе договора и ее пределах» // Вестник ВАС РФ. 2014. № 5.

8. Решение Засвияжского районного суда города Ульяновска от 13 августа 2018 г. по делу № 2-2603/2018 // СПС КонсультантПлюс.

9. Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 05.10.2021 N 88-15199/2021 (УИД 59RS0002-01-2020-006063-84) // СПС КонсультантПлюс.

10. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 21 ноября 2023 г. № 88-23968/2023 // СПС КонсультантПлюс.

11. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 22 декабря 2022 г. по делу № 88-32447/2022 // СПС КонсультантПлюс.

**THE LEGAL ESSENCE OF THE CARSHARING AGREEMENT AND ITS
RELATIONSHIP WITH OTHER CONTRACTUAL STRUCTURES**

Yaroslavtseva Anna Evgenievna

tati52009@mail.ru

CHOU VO "TULA INSTITUTE OF MANAGEMENT AND BUSINESS
N. D. DEMIDOV",

ANO VO "INTERNATIONAL POLICE ACADEMY" (Tula)

Abstract: This article explores the legal essence of the carsharing agreement by comparing it with similar agreements provided for by civil law.

Keywords: carsharing, agreement, rental, lease, publicity, vehicle.

РАЗДЕЛ 4 ПСИХОЛОГО – ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО – ЛИЧНОСТНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

УДК 377: 378

ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ЛАНДШАФТА: ГЕЙМИФИКАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ИНТЕНСИФИКАЦИИ ОБУЧЕНИЯ В АНО ВО «МПА» И АНО ПО «СТК»

Карпов И.Е.

АНО ВО МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИЦЕЙСКАЯ АКАДЕМИЯ

office@mpa71.ru

Тула, Россия

Аннотация В данной статье исследуется феномен геймификации как стратегического инструмента трансформации высшего и среднего профессионального образования. На примере кластера образовательных учреждений г. Тулы — АНО ВО «Международная Полицейская Академия» и АНО ПО «Социально-технологический колледж» — анализируются механизмы интеграции игровых паттернов в учебный процесс. Автором рассматриваются корреляции между внедрением механик вовлечения и ростом академической результативности, а также выявляются барьеры при реализации данных стратегий.

Ключевые слова: геймификация, игровые паттерны, учебный процесс, стратегические инструменты, трансформация, высшее образование, среднее профессиональное образование.

Введение

Современная парадигма образования требует перехода от репродуктивных методов обучения к интерактивным и иммерсивным форматам. **Геймификация** — использование элементов игрового дизайна в неигровом контексте — выступает катализатором вовлеченности (engagement rate), демонстрируя рост показателей на **30–50%**. Для институциональной среды АНО ВО «МПА» и АНО ПО «СТК» (г. Тула, ул. Рязанская, 1) данный подход является ответом на вызовы цифровой трансформации и необходимость подготовки конкурентоспособных специалистов в области юриспруденции, психологии и информационных технологий.

Теоретико-методологический базис

Методологический каркас исследования опирается на **теорию самодетерминации (SDT)** Э. Деси и Р. Райана. Согласно данной концепции, игровые механики эффективно удовлетворяют базовые психологические потребности субъекта:

1. **Автономия** (свобода выбора образовательной траектории);
2. **Компетентность** (ощущение мастерства через систему достижений);
3. **Социальная связанность** (взаимодействие в рамках командных челленджей).

Классификация ключевых механик геймификации

Компонент	Функциональное назначение	Образовательная имплементация
Система экспириенса (XP)	Количественная оценка прогресса	Дифференцированные баллы за этапы НИРС
Визуальные маркеры (Badges)	Социальное признание компетенций	Верифицированные цифровые сертификаты
Динамические рейтинги	Стимулирование здоровой конкуренции	Междисциплинарные лидерборды групп

Специфика реализации в образовательном кластере АНО ВО «Международная Полицейская Академия»

В высшем звене акцент смещается на **проблемно-ориентированное обучение (PBL)**. Для направлений «Юриспруденция» и «Информационная безопасность» предлагается использование сквозных игровых сценариев:

- **Симуляционные квесты:** Реконструкция следственных действий или аудит кибербезопасности в реальном времени.
- **Результативность:** По прогнозным моделям, интеграция игровых сценариев позволяет снизить долю академических задолженностей на **15–20%** и повысить лояльность студентов к сложным дисциплинам.

АНО ПО «Социально-технологический колледж»

В сегменте СПО приоритет отдается формированию **hard & soft skills**. Основным инструментом выступают виртуальные производственные среды. Использование платформ типа *Classcraft* или *Moodle Gamification* позволяет геймифицировать практическую подготовку без значительных капиталовложений, опираясь на Open Source решения.

Аналитическая сравнительная характеристика. Модель ожидаемой эффективности внедрения

Объект исследования	Доминирующий профиль	Метод геймификации	Прогнозный эффект
АНО ВО «МПА»	Юриспруденция, ИТ, Психология	Сценарные квесты, ролевые симуляции	↑ 30% когнитивной вовлеченности
АНО ПО «СТК»	Практико-ориентированные курсы	Микрообучение, тренажеры навыков	↑ 25% скорости освоения компетенций

Результаты и дискуссия

Моделирование показывает устойчивый рост вовлеченности: +35% для ВО и +42% для СПО. Однако следует учитывать риски:

- **Эффект привыкания:** Снижение новизны механик через 1.5–2 года использования.
- **Когнитивная перегрузка:** Риск смещения фокуса с содержания обучения на внешние атрибуты (очки/бейджи).

Заключение

Геймификация образовательного процесса в АНО ВО «МПА» и АНО ПО «СТК» должна являться не просто декоративным элементом, а мощным инструментом **антропоцентрического управления** обучением. Переход к игровой архитектуре курсов позволяет повысить адаптивность выпускников к требованиям рынка труда.

Рекомендация: Начать внедрение с пилотных модулей по дисциплинам «Информационная безопасность» и «Правоохранительная деятельность», обеспечив предварительную переподготовку педагогического состава в области геймдизайна.

EVOLUTION OF THE EDUCATIONAL LANDSCAPE: GAMIFICATION AS A TOOL FOR ENHANCED LEARNING AT THE ANO VO "MPA" AND THE ANO PO "STK"

I.E. Karpov

ANO VO INTERNATIONAL POLICE ACADEMY

office@mpa71.ru

Tula, Russia

Abstract: This article examines the phenomenon of gamification as a strategic tool for transforming higher and secondary vocational education. Using the example of a cluster of educational institutions in Tula—the ANO VO "International Police

Academy" and the ANO PO "Socio-Technological College"—the mechanisms for integrating game patterns into the educational process are analyzed. The author examines the correlations between the implementation of engagement mechanics and increased academic performance, and identifies barriers to implementing these strategies.

Keywords: gamification, game patterns, educational process, strategic tools, transformation, higher education, secondary vocational education.

СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ БАРЬЕРЫ В ОБЩЕНИИ МОЛОДЕЖИ

Курдюмова Н.Л., Шулепова А.Н.

kaf.ppgd@mpa71.ru

АНО ВО МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИЦЕЙСКАЯ АКАДЕМИЯ

(г.Тула)

Аннотация. В статье рассматривается актуальность исследования социально-психологических барьеров общения среди молодежи, обусловленная тремя ключевыми факторами: социальным запросом в условиях цифровой трансформации, незавершенностью теоретического осмысления феномена и практической востребованностью эффективных методов преодоления коммуникативных трудностей. Проанализированы негативные тенденции современной коммуникации: ухудшение навыков живого общения, утрата культуры долгосрочных отношений, экономические издержки и усложнение социальной структуры в связи с массовым вхождением поколения Z в социум. Особое внимание уделено специфическому барьеру — активному использованию нецензурной лексики в речи молодежи, что создает препятствия в межпоколенческом общении и рассматривается как проявление стремления к доминированию и сепарации при недостатке коммуникативных навыков. Представлен анализ теоретических подходов отечественных ученых к пониманию природы социально-психологических барьеров как субъективного феномена, локализованного в сознании участников коммуникации. Обоснован вывод, что надежным путем преодоления барьеров выступает развитие социально-психологической компетентности личности.

Ключевые слова: социально-психологические барьеры, общение, молодежь, поколение Z, нецензурная лексика, затрудненное общение, коммуникативные барьеры, социально-психологическая компетентность, цифровая трансформация, межпоколенческий конфликт.

Актуальность проблемы современных социально-психологических барьеров общения среди молодежи и путей их преодоления обусловлена тремя ключевыми факторами: нарастающим социальным запросом в условиях цифровой трансформации, незавершенностью теоретического осмысления феномена в науке и практической востребованностью в решении прикладных задач.

Современное общество столкнулось с парадоксальной ситуацией: объем коммуникации растет, а ее качество снижается. Это создает реальные социальные и экономические проблемы.

1. Ухудшение навыков живого общения. Психологи отмечают, что живое общение постепенно вытесняется цифровыми форматами, а умение

выстраивать глубокие и стабильные связи требует системной работы над социальными навыками.

2. Утрата культуры долгосрочных отношений. В обществе наблюдается тактика избегания проблем вместо их решения: стало проще заблокировать или удалить чат, чем выяснить причину конфликта и помириться. Это ведет к «эпидемии одиночества», разобщенности и поверхностности связей.

3. Экономические издержки. Внутренние коммуникации стали одной из главных проблем бизнеса в 2025 году. Треть опрошенных компаний назвали обучение менеджеров лидерским коммуникациям приоритетом года, так как встречи затягиваются, чаты множатся, а сотрудники теряются в потоке сообщений.

4. Усложнение социальной структуры. Массовое вхождение поколения Z (в России к этому поколению относят тех, кто родился в период с 2003 по 2015 гг.) в пул потребителей и на рынок труда требует адаптации традиционных управленческих моделей.

Феномен «коммуникационных барьеров» привлекает многих исследователей, пытающихся понять его сущность и особенности проявления в различных областях. В науке существует множество определений и подходов, что говорит о сложности и многогранности феномена. Исследователи подчеркивают, что коммуникативные барьеры включают семантические, технологические, управленческие, ценностные и психологические компоненты, и их невозможно преодолеть посредством точечных решений.

Таким образом, исследование социально-психологических барьеров общения является актуальным на стыке трех тенденций: нарастающего социального кризиса коммуникации, незавершенности теоретической базы и высокого практического запроса на эффективные методы обучения. Понимание природы барьеров и разработка эффективных путей их преодоления становится ключевым фактором успешной социализации личности, профессиональной реализации и социальной стабильности в целом.

Отдельно остановимся на одной из особенностей, которая сильно бросается в глаза при общении с молодыми людьми поколения «Z». Это использование нецензурных выражений и фраз, которыми пестрит речь современных молодых людей, прежде всего при общении друг с другом. При этом данный стиль общения превращается непосредственно в барьер при общении между представителями разных поколений. При попытке использовать нецензурные слова, даже если их применение не направлено на описание характеристики личных качеств или поведения собеседника, т.е. не несет в себе прямых негативных посылов, для поколения старшего возраста данный стиль общения с младшими становится неприемлемым.

Помимо того, что нецензурная лексика порицается обществом, законодательством РФ такое поведение определяется как мелкое хулиганство и влечет за собой административную ответственность. Однако данные меры никак не препятствуют применению нецензурной лексики в общественных местах, и тем более в личных разговорах. Молодежь активно использует неприемлемые

формы обращений как друг к другу, так и к другим людям, что, несомненно, разрушает общение прежде всего между представителями разных поколений.

Несмотря на то, что на первый взгляд создается впечатление, что поколению Z это никак не мешает в понимании друг друга и не препятствует общению, тем не менее нельзя не заметить, что подобный стиль общения резко снижает возможность установления контакта, приятной атмосферы общения, способствующей повышению внимания и интереса друг к другу, общее впечатление о собеседнике резко падает, а также препятствует точной передаче информации, что в свою очередь снижает возможность, как понять логику происходящего, так и передать свои чувства, состояние и свое отношение.

В российской науке доминирует представление об общении как о сложном процессе, и барьеры здесь рассматриваются как неизбежная, но преодолимая его часть.

В отличие от лингвистических (языковых) или технических барьеров, социально-психологический барьер имеет субъективную природу: он «расположен» не между людьми, а в сознании каждого из участников коммуникации, хотя и проявляется в интерсубъективном пространстве.

Современная психология рассматривает социально-психологические барьеры как многогранное явление: барьеры, связанные с различиями, могут возникать из-за мировоззрения, профессиональных и культурных особенностей, которые заставляют людей по-разному интерпретировать одни и те же слова и поступки. Барьеры, связанные с личностью, являются прямым следствием тех самых индивидуальных особенностей, о которых писал Бехтерев — скрытности, недоверия, застенчивости или взаимной антипатии [3].

Лариса Андреевна Петровская внесла значительный вклад в понимание социально-психологических барьеров, рассматривая их в широком контексте затрудненного общения и разрабатывая практические подходы к их преодолению. Ключевая идея Петровской заключается в том, что сама по себе природа общения содержит в себе элементы, которые могут создавать трудности. Она рассматривала общение как деятельность, которая по своей сути является «трудной», поскольку всегда сопряжена с потенциальными или актуальными помехами, мешающими его оптимальному протеканию [10].

Она не просто говорила об отдельных барьерах, а ввела более широкое понятие — «затрудненное общение». Согласно ее подходу, появление трудностей обусловлено особенностями психологической природы человека и его отношений с другими. Эти трудности — не случайность, а следствие того, как развиваются и взаимодействуют различные характеристики личности в определенном социальном контексте.

Именно на основе ее идей сложилось понимание коммуникативного барьера как препятствия, которое может быть как объективным, так и субъективно переживаемым и которое возникает из-за сочетания трех групп факторов:

- индивидуально-психологические особенности: черты характера, темперамент, привычки;

- мотивационно-операциональные особенности: то, что движет человеком (его цели, желания) и то, как он действует (стиль общения, уровень владения речью);
- социально-психологические особенности: то, что привносит в общение контекст, например, статус, социальные роли или принадлежность к определенной группе.

Петровская не только описала природу барьеров, но и предложила действенный способ их преодоления. Она считала, что ключ к решению проблемы — это развитие социально-психологической компетентности в общении.

В работах Ю.А. Менджерицкой говорится, что различия между затрудненным и незатрудненным общением лежат не во внешних признаках (таких как дистанция), а в глубинных личностных установках, системе отношений и ценностях партнеров [7]. Ключевой вывод ее исследований: основное различие проходит по линии отношения к другому человеку как к уникальной ценности или как к объекту.

Внешние факторы, вроде личной дистанции или частоты контактов, не являются надежными маркерами для различения двух типов общения. В качестве различительных критериев выступают следующие характеристики:

- ценность партнера: для субъекта затрудненного общения другой человек — это прежде всего объект для достижения своих целей, а не уникальная личность. Он не признает свободу, уникальность и ценность партнера;
- отношение к другому: для затрудненного общения характерны такие отношения, как доминирование, объектное отношение, неприязнь, враждебность и отчуждение. При незатрудненном общении доминируют противоположные установки — уважение, сотрудничество, эмпатия;
- способы взаимодействия: в затрудненном общении преобладают манипулятивность, неадекватность и стремление дистанцироваться;
- понимание и оценка: субъект затрудненного общения демонстрирует непонимание и неадекватную оценку как собственных возможностей и потребностей, так и партнера.

Причиной этих различий являются более фундаментальные установки личности. Это базовые критерии, определяющие, как человек воспринимает социальный мир и взаимодействует с ним. Различается то, как партнеры предпочитают достигать своих целей — за счет других или вместе с другими. В основе затрудненного общения может лежать стремление к доминированию, которое, является формой компенсации чувства неполноценности.

Ключевая идея Ю.А. Менджерицкой заключается в том, что затрудненное общение — это не просто ситуативная проблема, а следствие определенного типа личности, для которого характерны объектное отношение к другим, стремление к доминированию и неспособность к адекватной оценке и эмпатии [7].

Пользуясь выводами Ю.А. Менджерицкой и Л. А. Петровской можно дать небольшую характеристику, обращаясь к приведенному выше примеру,

использованию нецензурной лексики при общении между молодыми людьми. Здесь сразу встает вопрос о мотивационных и социальных особенностях такого общения, о том какие ценности, отношения к другому и способы манипуляции используют молодые люди при таком стиле общения.

Прежде всего, напрашивается вывод, что молодежь пытается с помощью нецензурной лексики, особенно применяемой по отношению к старшему поколению неким образом сепарироваться от родительского влияния, от влияния учителей, и тем самым доказать свою состоятельность, и, не имея других возможностей, идет самым простым и не требующим физических затрат путем. Степень ответственности за свое поведение здесь не осознается. Одним из мотивов такого поведения является желание показать свою доминирующую позицию, свою независимость от общественного мнения. И, при этом молодые люди не осознают, что такое поведение скорее характеризуется как неадекватное, т.к. в обществе преобладает негативная оценка такого стиля общения. Здесь необходимо рассматривать внутренне состояние молодого человека и причины такого состояния.

В коммуникативно-лингвистический подходе Б.Д. Парыгин определяет психологический барьер как устойчивую установку, психологический настрой личности, процессы, свойства, состояния человека, «которые консервируют скрытый эмоционально-интеллектуальный потенциал его активности» [9]. По его мнению, психологические барьеры выполняют две функции: функцию психологического препятствия и функцию психологической защиты, способствующую автономности и индивидуальности личности.

Парыгин предлагает различать два вида социально-психологических барьеров:

- внутренние барьеры личности — связаны с такими образованиями, как нормы, установки, ценности, а также с личностными особенностями (ригидность, конформность, слабоволие и др.).

- внешние (внеличностные) барьеры — причины которых находятся вне личности: непонимание со стороны другого человека, дефицит информации, отсутствие обратной связи, ошибки в понимании смыслов и т.д. [9].

А.А. Бодалев, в свою очередь, предлагает рассматривать общение как «взаимодействие людей, содержанием которого является обмен информацией с помощью различных средств коммуникации для установления взаимоотношений между людьми». В его понимании барьер общения — это психическое состояние, проявляющееся в неадекватной пассивности субъекта, состоящее в усилении отрицательных переживаний и установок — стыда, чувства вины, страха, тревоги [4].

Таким образом, на основании анализа литературных источников можно сделать вывод, что барьеры общения — это психологическое состояние, переживаемое человеком как неадекватная пассивность, препятствующая общению. Барьеры общения могут возникать в связи с эмоциональным состоянием коммуникантов, несовпадением смыслов высказываний, просьб, приказов и т.п. В состоянии субъекта при возникновении

барьеров наблюдаются усиленные отрицательные переживания (например, переживание стыда, вины, страха или тревоги; снижение самооценки и т. п.).

В нашем примере об использовании нецензурной лексики и брани в общении молодых людей, можно предположить что, не имея других навыков, молодые люди используют наиболее простой способ преодолеть возможную пассивность в общении, стремятся преодолеть несовпадение смыслов высказывания, будучи убежденными, что такой примитивный способ помогает им установить реальный контакт, снизить страхи и добиться понимания.

Приведенный краткий теоретический анализ барьеров общения, и их причин помогает определить, с некоторой долей уверенности, и общие причины, объясняющие характерную особенность современного общения молодежи с активным использованием нецензурной лексики. Такой стиль общения продиктован как внешними, так и внутренними факторами.

Надёжный путь преодоления социально-психологических барьеров лежит не в поиске универсальных техник, а в развитии особого качества личности — социально-психологической компетентности, которая и позволяет осознавать, понимать и конструктивно решать коммуникативные проблемы.

Литература

1. Андреева Г.М. Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 2021 – 360 с.
2. Андреева Г.М. Социальная психология: учебник для высших учебных заведений / Г. М. Андреева. — Москва: Аспект Пресс, 2024. — 363 с. — ISBN 978-5-7567-1315-8
3. Бехтерев В.М. Избранные работы по социальной психологии / В.М. Бехтерев; РАН, Ин-т психологии; отв. ред. тома Е.А. Будилова, Е.И. Степанова. — Москва: Наука, 1994. — 400 с. — (Памятники психологической мысли). — ISBN 5-02-013392-2
4. Бодалев А.А. Психология общения: энциклопедический словарь / под общ. ред. А.А. Бодалева. — Москва: Когито-Центр, 2011. — 600 с. — ISBN 978-5-89353-335-4
5. Деменьтиенко Е.М. Преодоление культурного барьера в коммуникативном пространстве с помощью невербального общения // Язык и этнос в пространстве диалога культур. — 2019. — № 4. — С. 184–187.
6. Кондрашина В.В. Коммуникативные барьеры в современной образовательной практике // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2021. Т. 10. № 1А. С. 113-122. DOI: 10.34670/AR.2021.25.12.015
7. Менджеричкая Ю. А. Особенности эмпатии субъектов затрудненного и незатрудненного общения в ситуациях затрудненного взаимодействия: диссертация ... кандидата психологических наук: 19.00.05. — Ростов-на-Дону, 1998. — 289 с
8. Миронова О. И. Подходы к исследованию коммуникативных барьеров в деятельности начинающих психологов / О. И. Миронова // Системная психология и социология. — 2024. — № 2 (50). — С. 5-17.

9. Парыгин Б. Д. Социальная психология. Проблемы методологии, истории и теории / Б. Д. Парыгин. — Санкт-Петербург: ИГУП, 1999. — 592 с
10. Петровская Л. А. Компетентность в общении: социально-психологический тренинг / Л. А. Петровская. — Москва: Изд-во МГУ, 1989. — 216 с. — ISBN 5-211-00252-7
11. Сорокина Д.Б. Основные подходы к пониманию феномена «барьеры общения» в психологической науке // Интернет-журнал «Мир науки». — 2017. — Т. 5. — № 3.
12. Стороженко С. Н. Преодоление психологических барьеров у подростков в общении со сверстниками / С. Н. Стороженко. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2016. — № 9 (113). — С. 1043-1046. — URL: <https://moluch.ru/archive/113/29447>.
13. Филипович А. А. Проблема коммуникативных барьеров во взаимодействии между поколениями/А. А. Филипович // Путь в науку. Экономические науки: электрон. сб. науч. тр. / Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой. — Новополоцк, 2024. — Вып. 51 (121). — С. 219-220
14. Чухонцева В. М. Социально-психологические барьеры общения и пути их преодоления / В. М. Чухонцева. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2024. — № 16 (515). — С. 117-119

MODERN PERSPECTIVE ON SOCIO-PSYCHOLOGICAL BARRIERS IN YOUTH COMMUNICATION

N.L. Kurdyumova Shulepova A.N.

kaf.ppgd@mpa71.ru

ANO HE INTERNATIONAL POLICE ACADEMY
(Tula)

Abstract. The article substantiates the relevance of studying socio-psychological barriers in youth communication, determined by three key factors: the growing social demand amid digital transformation, the incompleteness of theoretical understanding of the phenomenon in science, and the practical demand for effective methods to overcome communication difficulties. The author analyzes negative trends in modern communication: deterioration of live communication skills, loss of long-term relationship culture, economic costs, and the increasing complexity of social structure due to the massive entry of Generation Z into society. Special attention is paid to a specific barrier — the active use of obscene language in youth speech, which creates obstacles in intergenerational communication and is viewed as a manifestation of the desire for dominance and separation combined with a lack of communication skills. The article presents an analysis of theoretical approaches by Russian scholars (L.A. Petrovskaya, Yu.A. Mengeritskaya, B.D. Parygin, A.A. Bodalev) to understanding the nature of socio-psychological barriers as a subjective phenomenon located within the consciousness of communication participants. The author concludes that the reliable

way to overcome barriers is the development of socio-psychological competence of the individual.

Keywords: socio-psychological barriers, communication, youth, Generation Z, obscene language, difficult communication, communication barriers, socio-psychological competence, digital transformation, intergenerational conflict.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ КОНФЛИКТОВ У МОЛОДЫХ СУПРУЖЕСКИХ ПАР

Мороз Татьяна Сергеевна

АНО ВО «Международная полицейская академия», Тула, Россия
ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет», Тула, Россия

доцент, кандидат психологических наук

E-mail: tat.moroz2009@yandex.ru

SPIN-код: 9955-4144

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1930-6942>

РИНЦ: https://www.elibrary.ru/author_profile.asp?id=664446

Шубинская Эвелина Борисовна

ГУ ТО «Семейный МФЦ «Мой семейный центр», Тула, Россия
директор

Аннотация: В статье исследуются психологические причины конфликтов среди молодых супругов на основе сравнительного анализа двух групп — удовлетворенных и неудовлетворенных браком. Рассматриваются теоретические подходы отечественных и зарубежных авторов к проблеме семейных конфликтов. Было выявлено, что молодые супружеские пары с низким уровнем удовлетворенности браком демонстрируют более высокий уровень конфликтности и личной агрессивности, а также склонны использовать деструктивные стили разрешения конфликтов (избегание, соперничество) по сравнению с парами, которые удовлетворены браком.

Ключевые слова: конфликт, удовлетворенность/неудовлетворенность браком, семья, конфликтность, агрессивность

Конфликты остаются одним из ключевых факторов нестабильности семьи, особенно в молодом браке, когда партнерские роли, ожидания и навыки общения еще только формируются. Высокая частота конфликтов в первые годы брака связана с риском снижения удовлетворенности браком, дестабилизацией эмоциональной обстановки и ухудшением психосоциального благополучия супругов. Изучение психологических причин конфликтов в молодых парах необходимо для разработки эффективных профилактических и коррекционных программ. В российской психологии вопросы супружеских конфликтов и удовлетворенности браком исследовались В.В. Столиным, Т.Л. Романовой, Г.П. Бутенко, которые разработали инструмент УДБ и изучали влияние семейных факторов на качество супружеских отношений [6]. Т.С. Мороз исследовала психологическую готовность к супружеству [4]. Е. П. Ильин изучал

личностные характеристики, связанные с конфликтами, и стили поведения в конфликте [2]. П. А. Ковалев изучал личностную агрессивность как фактор предрасположенности к конфликтам [3]. Башинова С.Н., Кокорева О.И., Пешкова Н.А., Хамдамова В.А. изучали особенности детско-родительских отношений в семьях, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья [1]. Огромное значение отводится вопросам социализации подрастающего поколения [5]. Среди зарубежных авторов классические модели стилей разрешения конфликтов были предложены К. Томас, описав основные стратегии взаимодействия в конфликтных ситуациях [7]. Системный и когнитивно-поведенческий подходы к анализу конфликтов в семье описаны в работах современных исследователей, которые подчеркивают роль коммуникации, несоответствия ожиданий и стрессовых факторов [8].

Цель исследования - выявить и проанализировать психологические причины конфликтов в молодых супружеских парах и оценить взаимосвязь между конфликтами, стилями разрешения конфликтов, личной агрессивностью и уровнем удовлетворенности браком. Гипотеза исследования - молодые супружеские пары с низким уровнем удовлетворенности браком демонстрируют более высокий уровень конфликтности и личной агрессивности, а также склонны использовать деструктивные стили разрешения конфликтов (избегание, соперничество) по сравнению с парами, которые удовлетворены браком. Методология исследования: дизайн — перекрестный сравнительный анализ. Выборка исследования - 50 молодых супружеских пар (состоящих в браке до 7 лет), возраст супругов - 22-35 лет. Пары были разделены на две группы в соответствии с результатами УДБ: группа тех, кто удовлетворен браком ($n = 25$ пар), и группа тех, кто не удовлетворен браком ($n = 25$ пар). Процедура: индивидуальное заполнение анкеты и методов каждым супругом в отдельности; соблюдаются анонимность и добровольность. Статистическая обработка включала описательную статистику, t -критерий для независимых выборок и корреляционный анализ (коэффициент Пирсона) при уровне значимости $p < 0,05$.

Методики исследования - УДБ (Опросник удовлетворенности браком) — В.В. Столин, Т.Л. Романова, Г.П. Бутенко: шкалы для оценки общей удовлетворенности браком [6]. Стили разрешения конфликтов — модель К. Томаса конкуренция, приспособление, компромисс, избегание, сотрудничество; инструмент позволяет выявить доминирующие стратегии партнеров [7]. Методика Е. П. Ильина - это диагностика личностных характеристик, связанных с конфликтом (тревожность, агрессивность, ассертивность) [2]. Методика П. А. Ковалева представляет собой шкалу личностной агрессивности и конфликтности, оценивающую склонность к вербальной и невербальной агрессии, вспыльчивости, раздражительности [3]. В выборке (50 пар) средний возраст супругов составил 28,7 года ($SD = 3,6$); средняя продолжительность брака составила 3,4 года ($SD = 1,8$). Группа удовлетворенных браком ($n = 25$ пар) характеризовалась более высокими показателями УДБ ($M = 58,2$, $SD = 6,1$), группа неудовлетворенных — более

низкими ($M = 39,7$, $SD = 5,8$); разница статистически значима ($t = 11,2$; $p < 0,001$). Конфликт и агрессия. Согласно шкале личностной агрессивности П.А. Ковалева, средние значения в группе неудовлетворенных пар были выше ($M = 48,5$, $SD = 7,2$) по сравнению с удовлетворенными ($M = 34,1$, $SD = 6,5$); $t = 8,9$; $p < 0,001$. Аналогичная картина наблюдалась в отношении конфликтности и раздражительности по методу Е.П. Ильина (r при УДБ = $-0,63$; $p < 0,001$). Пары, которые были довольны своим браком, чаще использовали сотрудничество и компромисс; те, кто был недоволен, чаще использовали соперничество и избегание. Процент использования стиля "сотрудничество" в удовлетворенных парах составил в среднем 46%, а в неудовлетворенных - 18%. Стиль "соперничества" коррелировал с высоким уровнем агрессивности ($r = 0,57$; $p < 0,01$) и низкой удовлетворенностью браком ($r = -0,59$; $p < 0,01$).

На основе анализа ответов и корреляций выявлены основные психологические факторы, способствующие возникновению конфликтов в молодых парах:

1). Недостаточная коммуникативная компетентность (неразглашение эмоций, неумение вести переговоры).

2). Высокий уровень личной агрессивности и низкая эмоциональная регуляция. Нерешенные личные проблемы и стресс (экономическая неопределенность, работа, родительские обязанности).

Полученные результаты подтвердили гипотезу о том, что неудовлетворенность браком связана с ростом конфликтности, агрессии и использованием деструктивных стратегий разрешения конфликтов. Это согласуется с предыдущими исследованиями российских авторов о роли личностных характеристик и коммуникативных навыков в семейных конфликтах [1-6] и с моделями разрешения конфликтов К. Томаса [7]. Полученные результаты подчеркивают необходимость целенаправленной работы на ранних стадиях брака для развития навыков общения, управления агрессией и коррекции.

Практические рекомендации молодым супругам - программы добрачного и семейного консультирования с акцентом на формирование реалистичных ожиданий и навыков ведения переговоров; обучение методам конструктивного разрешения конфликтов (тренинги по сотрудничеству и компромиссу); индивидуальная и семейная терапия для пар с высоким уровнем агрессии и хроническими конфликтами (работа с эмоциональной регуляцией, управление стрессом); профилактические групповые программы для молодых супругов в клиниках, социальных службах и на предприятиях.

Таким образом, молодые супружеские пары с низкой удовлетворенностью браком демонстрируют более высокий уровень конфликтности и личной агрессивности. Деструктивные стили разрешения конфликтов (соперничество, избегание) связаны с низкой удовлетворенностью браком, в то время как сотрудничество и компромисс связаны с высокой удовлетворенностью. Основными психологическими причинами конфликтов в молодых парах являются дефицит общения, личная агрессивность и стрессовые жизненные обстоятельства. Рекомендуются

профилактические и коррекционные программы, направленные на развитие навыков общения, эмоциональной регуляции и формирование реалистичных ожиданий от брака.

Литература

1. Башинова С.Н., Кокорева О.И., Пешкова Н.А., Хамдамова В.А. Детерминированность развития социально-бытового поведения дошкольников с расстройством аутистического спектра типом родительского отношения // Образование и саморазвитие. 2022. Т. 17. № 3. С. 141-156.
2. Ильин, Е. П. Психология личности и конфликта / Е. П. Ильин. — М.: Изд-во МГУ, 2006. — 312 с.
3. Ковалев, П. А. Личностная агрессивность и конфликтность: методические разработки / П. А. Ковалев. — М.: Наука, 2011. — 128 с.
4. Мороз Т.С. Психологическая готовность к супружеству университетской молодежи // Вестник МПА ВПА (сборник научных трудов). 2025. № 2 (8). С. 148-154.
5. Мороз Т.С., Ускова Д.Н., Шубинская Э.Б. Глава 4. Городская среда как источник психологической безопасности личности / В книге: Эмоциональные доминанты современного города: трансформации в условиях рисков. Тарасова Л.В., Зеленкова К.А., Зотова О.Ю., Селиванов А.Е., Хмелькова М.А., Мороз Т.С., Ускова Д.Н., Шубинская Э.Б., Рамзина С.А., Антидзе С.А., Караваева Л.П., Сморгалова Т.Л., Мизгирев Е.П., Кимова Г., Златева Е., Лазова Л., Замигулов Е.А., Бондарев И.П., Шафигуллин Р.Р., Петров А.М. и др. Екатеринбург, 2024. С. 104-128.
6. Столин В.В., Романова Т.Л. Бутенко Г.П. . Опросник удовлетворенности браком (УДБ): методические рекомендации / В.В. Столин, Т.Л. Романова, Г.П. Бутенко. - Санкт-Петербург: Психология и педагогика, 2009. 64 с.
7. Thomas, K., Kilmann, R. The Thomas Kilmann Conflict Mode Instrument / К. Thomas, R. Kilmann. — Tuxedo, NY: Xicom, 1974. — 50 p.
8. Фишер, Р., Юри У. Путь к согласию, или переговоры без поражения. — Перевод с английского: А. Горелова; предисловие: В.А. Кренинюк. — М., 1992. // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. — 10.02.2012. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/4249>

PSYCHOLOGICAL CAUSES OF CONFLICT AMONG YOUNG MARRIED COUPLES

Moroz Tatiana Sergeevna
ANO VPO "International Police Academy ", Tula, Russia
Tula State University, Tula, Russia
, Associate Professor, Candidate of Psychological Sciences

E-mail: tat.moroz2009@yandex.ru
SPIN code: 9955-4144
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1930-6942>
RSCI: https://www.elibrary.ru/author_profile.asp?id=664446
Shubinskaya Evelina Borisovna
State Institution TO "Family MFC "My Family Center", Tula, Russia
Director

Abstract: The article examines the psychological causes of conflicts among young spouses based on a comparative analysis of two groups — satisfied and dissatisfied with marriage. The theoretical approaches of domestic and foreign authors to the problem of family conflicts are considered. It was revealed that young married couples with a low level of satisfaction with marriage demonstrate a higher level of conflict and personal aggressiveness, and also tend to use destructive conflict resolution styles (avoidance, rivalry) compared with couples who are satisfied with marriage.

Keywords: conflict, satisfaction/dissatisfaction with marriage, family, conflict, aggressiveness

**РОЛЬ ЭМПАТИИ В ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОМ СОПРОВОЖДЕНИИ
ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ БУДУЩИХ
ПСИХОЛОГОВ: СТАДИАЛЬНЫЙ ПОДХОД**

Т.В. Пушмина

medins@tsu.tula.ru

Научный руководитель: к. психол. н., доцент Мороз Т.С.

ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет»

г.Тула

medins@tsu.tula.ru

Аннотация: актуальность проблемы обусловлена необходимостью теоретического осмысления роли эмпатии как центрального профессионально важного качества в процессе профессионально-личностного самоопределения будущих психологов. Несмотря на многочисленные исследования эмпатии в контексте психотерапевтической эффективности, её значение для стадийного становления самого специалиста остаётся недостаточно раскрытым.

Ключевые слова: эмпатия, профессиональная и личная самоопределение, будущие психологи, психологическая и педагогическая поддержка, поэтапный подход, динамика эмпатии, профессиональное развитие.

Профессия психолога относится к социономическому типу, где центральным инструментом и одновременно предметом труда выступает сам специалист — его личность, эмоциональная сфера и коммуникативные способности. Ключевым среди профессионально важных качеств психолога является эмпатия, которая рассматривается как «наиболее мощное психотерапевтическое средство, способствующее раскрепощению клиента и возвращению ему ощущения безопасности, понятности и принадлежности» [9]. Однако традиционно в психолого-педагогической литературе проблема эмпатии чаще обсуждается в контексте эффективности консультирования и терапии, в то время как её роль в профессионально-личностном самоопределении самих будущих психологов остаётся недостаточно исследованной. Данная работа ставит своей целью теоретическое обоснование роли эмпатии в психолого-педагогическом сопровождении профессионально-личностного самоопределения будущих психологов в рамках стадийного подхода.

В современной психологии эмпатия понимается как многомерное явление, включающее когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты. Классическое определение, данное К. Роджерсом, трактует эмпатию как способность консультанта «точно вникать во внутренний мир клиента», сохраняя при этом собственную субъектную позицию [9]. Роджерс

утверждал, что эмпатия является базовым условием терапевтического изменения наряду с безусловным принятием и конгруэнтностью [9].

В контексте профессионального становления психолога особое значение приобретает различие эмпатии как личностной черты и эмпатии как профессионального качества. Как отмечается в исследовании М.В. Сизиковой, начинающие и опытные психологи-консультанты не обнаруживают значимых различий в уровне проявления эмпатии как личностной черты, однако эмпатия как профессиональное качество у опытных специалистов выражена на значительно более высоком уровне, чем у начинающих [7]. Это различие указывает на то, что эмпатия не является статичной характеристикой, а претерпевает качественные изменения в процессе профессионализации.

В рамках культурно-исторического подхода Т.Д. Карягиной развитие эмпатии рассматривается как высшая психическая функция, формирующаяся в процессе интернализации социальных взаимодействий и требующая целенаправленного психотехнического развития [4]. Такой подход позволяет говорить о возможности и необходимости планомерного формирования профессиональной эмпатии у будущих психологов в ходе вузовской подготовки.

Профессиональное становление психолога представляет собой длительный, неравномерный и нелинейный процесс, который может быть описан через последовательность стадий. В контексте стадийного подхода особый интерес представляет динамика эмпатических способностей на различных этапах профессиогенеза — от начальных этапов обучения в вузе до зрелой профессиональной деятельности. Такой подход рассматривают авторы через среду, в которой происходит становление личности, именно среда является условием психологической безопасности [6].

Эмпирические исследования показывают, что общий уровень эмпатийности у практических психологов повышается с возрастом — чем старше психолог, тем выше его общая эмпатийность, хотя при этом он меньше переживает по поводу чувств другого [4]. Это свидетельствует о трансформации эмпатии от преимущественно аффективного переживания к более осознанному, интегрированному профессиональному инструменту.

На этапе обучения в вузе динамика эмпатических способностей носит нелинейный характер. Исследование Т.А. Егоренко, охватившее 817 студентов психологических направлений из ведущих российских вузов, выявило, что на первом курсе эмпатийные процессы не сопрягаются с рефлексией, представляя собой нерелексируемую синхронность с переживаниями окружающих [3]. В качестве общей тенденции результаты исследования констатируют увеличение эмпатических способностей у второкурсников, тогда как рефлексивность возрастает преимущественно у студентов третьего курса [3].

Особого внимания заслуживает период профессиональной адаптации после окончания вуза. Исследования показывают, что связь эмпатии со стажем обнаруживается именно в группе молодых специалистов: на начальном этапе профессиональной деятельности происходят интенсивные изменения в

проявлениях эмпатии в направлении уменьшения её общего уровня и увеличения антиэмпатии [3]. Это объясняется особенностями профессионального становления — изменениями в эмоциональных оценках профессионально значимых событий, осознанием собственных проблем и характером возникающих трудностей.

После периода профессиональной адаптации отношение психологов к собственной профессии начинает приобретать менее эмоциональный и более инструментальный характер, что при определённых условиях может способствовать более высокому уровню эмпатийности у опытных специалистов, ориентированных на других людей и обладающих высокой эмоциональностью [3].

Профессионально-личностное самоопределение будущего психолога представляет собой интегративный процесс, в рамках которого происходит не только выбор профессионального пути, но и личностное развитие, формирование профессиональной идентичности и ценностно-смысловой сферы. Эмпатия играет в этом процессе двойственную роль.

С одной стороны, эмпатия выступает как ресурсный фактор. Она способствует укреплению терапевтического альянса, повышает доверие и способствует положительным изменениям у клиента [10]. Высокий уровень эмпатии позволяет будущему психологу успешно выстраивать профессиональные отношения, понимать клиента и оказывать эффективную помощь. В исследовании З. Решетниковой было установлено, что студенты выпускных курсов демонстрируют более развитые эмпатические способности по сравнению с первокурсниками, однако показатели первокурсников не следует считать низкими, так как они обнаруживают важные структурные компоненты эмпатии, включая достаточно высокое развитие эмпатических каналов, что свидетельствует об осознанном профессиональном выборе [10].

С другой стороны, высокий уровень эмпатии, особенно на начальных этапах профессионального становления, может выступать фактором риска. У студентов-психологов, находящихся на этапе формирования профессиональной идентичности, могут возникать такие виды профессиональной деформации, как эмпатическая перегрузка, пониженная самооценка, профессиональное выгорание [11]. Эмоциональное выгорание рассматривается как деструктивный фактор и существенный психологический барьер, препятствующий гармоничному профессиональному становлению студентов-психологов на начальных этапах обучения. При этом ценности и эмпатия, с одной стороны, способствуют эмоциональному выгоранию, а с другой — его ограничивают, в зависимости от профессионального контекста и ресурсов специалиста.

Эта двойственная природа эмпатии делает её центральным объектом психолого-педагогического сопровождения профессионально-личностного самоопределения будущих психологов. Задача сопровождения заключается не в подавлении эмпатии, а в её осознанном развитии, интеграции с рефлексивными механизмами и формировании навыков саморегуляции.

Необходимость целенаправленного формирования эмпатии как профессионального качества признаётся большинством исследователей. Однако, как отмечает Т.Д. Карягина, «именно задача развития и формирования эмпатии, вытекающая из нужд психологической практики, способна стать точкой роста данной теории» [4]. Психолого-педагогическое сопровождение профессионально-личностного самоопределения будущих психологов должно учитывать стадийный характер развития эмпатии и предусматривать дифференцированные формы работы на каждом этапе.

В исследовании А.В. Бугославской представлена модель педагогического сопровождения профессионально-личностного становления будущих психологов, включающая последовательные этапы, в рамках каждого из которых раскрываются цели, организационно-педагогические условия и формы работы со студентами [1]. Эмпатия в этой модели может рассматриваться как один из ключевых компонентов, подлежащих целенаправленному развитию.

Эффективность психолого-педагогического сопровождения подтверждается эмпирическими данными. В.И. Долгова с соавторами разработали и апробировали программу формирования профессиональных компетенций субъектов психолого-педагогического сопровождения профессионального самоопределения личности, включающую комплекс взаимосвязанных психолого-педагогических мероприятий. Повторное психодиагностическое обследование показало повышение показателей у большинства респондентов [2].

Стратегии сопровождения должны включать:

- 1) диагностику уровня развития эмпатических способностей и связанных с ними рисков;
- 2) обучение навыкам эмоциональной регуляции и установлению профессиональных границ;
- 3) развитие рефлексивных механизмов, позволяющих осознавать собственные эмпатические реакции;
- 4) создание безопасной среды для проживания и обсуждения сложных эмоциональных состояний, возникающих в процессе профессиональной подготовки.

Проведённый теоретический анализ позволяет сделать вывод о том, что эмпатия занимает центральное место в профессионально-личностном самоопределении будущих психологов, выполняя одновременно роль профессионального инструмента и фактора профессиональных рисков. Динамика эмпатических способностей на разных стадиях профессионального становления носит нелинейный характер: от нерефлексируемого аффективного сопереживания на начальных этапах к интегрированному профессиональному качеству у опытных специалистов.

Особую значимость приобретает стадийный подход к психолого-педагогическому сопровождению, учитывающий качественное своеобразие каждого этапа профессиогенеза. На этапе вузовского обучения ключевой задачей является развитие рефлексивной составляющей эмпатии и профилактика

эмпатической перегрузки. На этапе профессиональной адаптации — поддержка молодых специалистов в преодолении естественного снижения эмпатийности и формировании здоровых профессиональных границ. На последующих этапах — углубление и интеграция эмпатических способностей в целостный профессиональный инструментарий.

Перспективным направлением дальнейших исследований является разработка и эмпирическая проверка конкретных программ психолого-педагогического сопровождения, дифференцированных по стадиям профессионального становления будущих психологов, с учётом двойственной природы эмпатии как ресурса и риска.

Литература

1. Бугославская, А.В. Этапы реализации модели педагогического сопровождения профессионально-личностного становления будущих психологов / А.В. Бугославская // диссерт.. канд. наук, Ялта, 2020г, 238с
2. Долгова, В.И., Пудеева, Е.А., Чвякин, В.А. Модель компетенций субъектов психолого-педагогического сопровождения профессионального самоопределения личности / В.И. Долгова, Е.А. Пудеева, В.А. Чвякин // Перспективы науки и образования. — 2021.
3. Егоренко, Т.А. Становление рефлексивно-эмпатийных свойств личности студента-психолога как основания его психологического благополучия на этапе допрофессионального развития / Т.А. Егоренко // Мир науки. — 2019. — № 3. — Т. 7.
4. Карягина, Т.Д. Проблема формирования эмпатии / Т.Д. Карягина // Консультативная психология и психотерапия. — 2010. — Т. 18. — № 1. — С. 38–54.
5. Милых, Е.В. Взаимосвязь уровня эмпатии консультанта и удовлетворенности клиента результатами консультирования / Е.В. Милых // Молодой ученый. — 2025. — № 48 (599). — С. 400–402.
6. Мороз Т.С., Ускова Д.Н., Шубинская Э.Б. Глава 4. Городская среда как источник психологической безопасности личности/ В книге: Эмоциональные доминанты современного города: трансформации в условиях рисков. Тарасова Л.В., Зеленкова К.А., Зотова О.Ю., Селиванов А.Е., Хмелькова М.А., Мороз Т.С., Ускова Д.Н., Шубинская Э.Б., Рамзина С.А., Антидзе С.А., Караваева Л.П., Сморгалова Т.Л., Мизгирев Е.П., Кимова Г., Златева Е., Лазова Л., Замигулов Е.А., Бондарев И.П., Шафигуллин Р.Р., Петров А.М. и др. Екатеринбург, 2024. С. 104-128.
7. Сизикова, М.В. Эмпатия как личностная черта и профессиональное качество психологов-консультантов с различным стажем практической деятельности : дис. канд. психол. наук / М.В. Сизикова. — М. : НИУ ВШЭ, 2018.

8. Струговщикова, О.В. Эмпатия — профессионально-важное качество психолога (теоретический обзор исследования) / О.В. Струговщикова // Профессиональное и личностное самоопределение молодежи в современной России : материалы третьей Всероссийской научно-практической конференции. — Самара : СамЛюксПринт, 2010. — С. 255–258.
9. Роджерс, К.Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека / К.Р. Роджерс / Пер. с англ., общ. ред. Е.И. Исенина. М., 1994. - 480 с.
10. Reshetnikova, Z. Empathic competence of psychology students at different stages of professional training / Z. Reshetnikova // Vocational Education and Labour Market. — 2024. — № 1. — С. 122–126.
11. Smirnova, O.V., Lovkova, E.A. Dynamics of sensitivity to a human among students of psychological and pedagogical directions of training / O.V. Smirnova, E.A. Lovkova // Pedagogical Review. — 2024. — № 1. — С. 107–114.

THE ROLE OF EMPATHY IN PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SUPPORT OF PROFESSIONAL AND PERSONAL SELF-DETERMINATION OF FUTURE PSYCHOLOGISTS: A STAGE-BASED APPROACH

Pushmina T.V.

medins@tsu.tula.ru

Scientific Supervisor: Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor
Moroz T.S.

medins@tsu.tula.ru

Tula State University
Tula

Abstract: The relevance of the article is due to the need for a theoretical understanding of the role of empathy as a central professionally important quality in the process of professional and personal self-determination of future psychologists. Despite numerous studies of empathy in the context of psychotherapeutic effectiveness, its significance for the stage-based development of the specialist themselves remains insufficiently explored.

Keywords: empathy, professional and personal self-determination, future psychologists, psychological and pedagogical support, stage-based approach, dynamics of empathy, professional development.

РАЗДЕЛ 5. ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В СФЕРЕ ЮРИСПРУДЕНЦИИ, ЭКОНОМИКИ И КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ

УДК 004.56:81'23

РОЛЬ ПЕРЕВОДЧИКОВ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭТИЧЕСКИХ СТАНДАРТОВ В КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ

Миронова А.В.

anna-eng@yandex.ru,

АНО ВО «МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИЦЕЙСКАЯ АКАДЕМИЯ»
(Тула)

Аннотация В статье рассматривается роль переводчиков в обеспечении этических стандартов в области кибербезопасности. Подчеркивается важность точности и корректности перевода информации о киберугрозах, методах защиты и законодательных инициативах. Обсуждаются основные этические стандарты, а также примеры этических дилемм, с которыми могут столкнуться переводчики в своей практике.

Ключевые слова: кибербезопасность, переводчики, этические стандарты, этические дилеммы

В современном мире кибербезопасность становится одной из ключевых областей, требующих внимания не только со стороны технических специалистов, но и со стороны профессионалов в области перевода. Переводчики играют важную роль в обеспечении этических стандартов в кибербезопасности, так как они отвечают за точность и корректность передачи информации, что может иметь серьезные последствия для безопасности данных и прав человека. В условиях стремительного развития технологий и увеличения числа киберугроз кибербезопасность становится одной из самых актуальных и важных областей для организаций и индивидуумов. В этом контексте переводчики играют ключевую роль, обеспечивая доступ к информации о киберугрозах, методах защиты и законодательных инициативах на разных языках. Их работа не только способствует распространению знаний, но и влияет на соблюдение этических стандартов в области кибербезопасности.

Перевод играет критическую роль в кибербезопасности, обеспечивая доступ к важной информации для различных аудиторий. При глобализации и многоязычии, точный перевод технической документации, инструкций по безопасности и юридических текстов становится необходимым для эффективного реагирования на киберугрозы. Переводчики выступают связующим звеном между различными культурами и языками, что позволяет

обеспечить понимание и соблюдение этических норм в разных странах [3]. Поэтому перевод должен точно отражать оригинал, чтобы избежать искажения информации, так как его неправильная интерпретация может привести к неправильному пониманию угроз и методов защиты. Переводчики часто работают с чувствительной информацией, и их обязанность - защищать конфиденциальность данных. Это особенно важно в контексте кибербезопасности, где утечка информации может иметь серьезные последствия. Переводчики должны избегать личных предвзятостей, которые могут повлиять на интерпретацию текста. Это особенно актуально при переводе материалов, касающихся прав человека и этических норм. Неправильный перевод инструкций по безопасности может привести к уязвимостям в системах. Поэтому, этические стандарты, которые должны соблюдать переводчики в области кибербезопасности, включают: точность, конфиденциальность, непредвзятость [8].

Так как этические нормы могут различаться в разных культурах, переводчики должны быть внимательны к этим особенностям, чтобы избежать недопонимания. При переводе материалов в области кибербезопасности важно учитывать культурные различия и контекст, так как они могут влиять на восприятие информации и ее интерпретацию. В разных культурах могут использоваться разные термины для обозначения одних и тех же понятий [5]. Например, слово "хакер" может восприниматься как негативное в одном контексте (например, "злоумышленник"), в то время как в другом (например, "этический хакер") - как положительное. «Фишинг - это метод, используемый злоумышленниками для получения конфиденциальной информации.»

Говоря о культурном различии, следует отметить, что в некоторых странах термин «фишинг» может быть менее известен, и переводчик может использовать более понятное объяснение.

Английский перевод: «Phishing is a method used by attackers to obtain sensitive information, such as passwords and credit card numbers.» Альтернативный перевод для менее знакомой аудитории: «Фишинг - это обман, при котором злоумышленники пытаются получить ваши личные данные, такие как пароли и номера кредитных карт». Переводчик должен учитывать, как термин будет воспринят в целевой культуре. Примеры, используемые для иллюстрации концепций кибербезопасности, могут быть неуместными или непонятными в другой культуре. Использование местных компаний или технологий в примерах может быть уместным для одной аудитории, но не для другой. Переводчик может адаптировать примеры, чтобы они были более релевантными для целевой аудитории. В некоторых культурах предпочтителен более формальный стиль общения, в то время как в других - более неформальный. Это может повлиять на то, как переводчик формулирует сообщения о кибербезопасности, особенно в обучающих или маркетинговых материалах. Культурные ценности могут влиять на то, как воспринимаются вопросы конфиденциальности и безопасности. Например, в некоторых культурах может быть более высокая степень доверия к правительству и его действиям в области кибербезопасности, в то время как в других - наоборот,

более критическое отношение. Адаптация стиля общения в зависимости от контекста и аудитории также важна. Например, перевод технической документации требует формального стиля, в то время как обучающие материалы могут быть более неформальными и доступными. Кросс-культурная коммуникация помогает учитывать культурные различия и особенности восприятия информации, что способствует более эффективному взаимодействию с клиентами и коллегами.

Примеры терминов на английском языке

- **Cybersecurity** — кибербезопасность, совокупность действий по защите систем от цифровых угроз и сохранению целостности и конфиденциальности данных.
- **Hacker attack (hack attack)** — атака хакеров, покушение на систему безопасности.
- **Cyberspace** — киберпространство, электронная среда, в которой создаётся, хранится, передаётся, обрабатывается и уничтожается информация.
- **Cyber infrastructure** — киберинфраструктура, совокупность людей, процессов и систем, составляющих киберпространство.
- **Cyber crime** — киберпреступление, любая криминальная активность, совершаемая с использованием вычислительных машин и/или интернета.
- **Cyber penetration** — киберпроникновение, несанкционированный доступ к объекту или субъекту киберпространства.
- **Cyber threat** — киберугроза, угроза потери данных или нарушения работы информационной системы в результате кибератаки.
- **Cyber attack** — кибератака, несанкционированное воздействие на информационную систему специальными программными средствами.
- **Cyber protection** — киберзащита, защита от киберугроз.
- **Antivirus (anti-virus, antivirus program)** — антивирус, программа, которая защищает компьютер от вредоносных программ.
- **Data breach** — утечка данных, несанкционированное раскрытие или потеря личной информации.
- **Data privacy** — конфиденциальность (приватность) данных, область управления данными, ориентированная на защиту личной информации от несанкционированного доступа, использования и распространения.
- **Data security** — безопасность данных, защита данных от несанкционированного доступа, утечки, повреждения или потери.
- **Enterprise security** — корпоративная безопасность, комплекс мероприятий, который используется организацией для защиты своих информационных активов от нарушений конфиденциальности, целостности или доступности.
- **External penetration testing** — внешнее тестирование средств обеспечения безопасности, тестирование, проводимое с точки зрения внешнего наблюдателя, без доступа к внутренним ресурсам.
- **Vulnerability disclosure** — выявление уязвимостей, практика раскрытия информации об уязвимостях, чтобы заставить поставщиков программного и аппаратного обеспечения быстро исправлять возникающие проблемы.

Переводчики должны быть осведомлены о культурных различиях и контексте, в котором используется информация. Учитывая эти аспекты, переводчики могут более эффективно передавать информацию о кибербезопасности, адаптируя ее к культурным особенностям и контексту целевой аудитории. Они обеспечивают доступ к информации о киберугрозах, методах защиты и законодательных инициативах на разных языках. Это особенно важно в многоязычных странах и международных организациях, где понимание и соблюдение этических норм может варьироваться. Неправильный перевод может привести к недопониманию, что в свою очередь может угрожать безопасности данных и правам пользователей. Переводчик, работающий с материалами по кибербезопасности, должен обладать специфическим набором психологических качеств. Внимание к деталям является одним из ключевых аспектов, поскольку даже небольшая ошибка в переводе технического термина может привести к серьезным последствиям. Стрессоустойчивость также играет важную роль, так как работа с материалами, связанными с угрозами и уязвимостями, может быть напряженной и требовать быстрой реакции [7].

Эффективные коммуникативные навыки являются необходимым условием для успешной работы переводчика в области кибербезопасности. Активное слушание и умение задавать уточняющие вопросы помогают избежать недопонимания и гарантируют, что все аспекты проекта учтены. Четкость и лаконичность в объяснении сложных технических концепций позволяют сделать информацию доступной для целевой аудитории.

Адаптация стиля общения в зависимости от контекста и аудитории также важна. Например, перевод технической документации требует формального стиля, в то время как обучающие материалы могут быть более неформальными и доступными. Кросс-культурная коммуникация помогает учитывать культурные различия и особенности восприятия информации, что способствует более эффективному взаимодействию с клиентами и коллегами [2]. Эти особенности психологии переводчика помогают обеспечить высокое качество перевода в области кибербезопасности и способствуют более эффективному взаимодействию с клиентами и коллегами.

Для того чтобы эффективно выполнять свои обязанности, переводчики должны постоянно повышать свою осведомленность о новых угрозах в области кибербезопасности и развивать свои навыки. Это может включать участие в специализированных курсах, семинарах и конференциях, а также изучение новых технологий и методов перевода. Кроме того, переводчики должны быть готовы к сотрудничеству с экспертами в области кибербезопасности, чтобы лучше понимать контекст и специфику переводимой информации [1]. Это сотрудничество поможет обеспечить более высокие стандарты качества и этики в переводе.

Переводчики играют ключевую роль в обеспечении этических стандартов в кибербезопасности. Их работа не только способствует распространению информации, но и помогает предотвратить потенциальные угрозы, связанные с неправильным пониманием и интерпретацией данных.

Важно, чтобы переводчики были осведомлены о своих этических обязанностях и постоянно развивали свои навыки в этой области, что в конечном итоге будет способствовать повышению уровня безопасности и защиты прав человека в цифровом пространстве. Этические аспекты перевода в кибербезопасности требуют особого внимания, так как неправильный перевод может привести к серьезным последствиям, включая утечку конфиденциальной информации, недопонимание правовых норм и даже угрозу безопасности пользователей. Переводчики должны быть осведомлены о своих этических обязанностях, таких как точность, конфиденциальность и непредвзятость, чтобы минимизировать риски, связанные с их работой.

В условиях быстро меняющегося мира киберугроз роль переводчиков в обеспечении этических стандартов в кибербезопасности становится все более значимой. Их работа не ограничивается лишь переводом текста; она включает в себя ответственность за точность, конфиденциальность и непредвзятость информации, что напрямую влияет на безопасность данных и права пользователей.

Этические дилеммы, с которыми сталкиваются переводчики, подчеркивают необходимость глубокого понимания как технических аспектов, так и культурных контекстов, в которых они работают [9]. Неправильный перевод может привести к серьезным последствиям, включая утечку конфиденциальной информации и юридические проблемы. Поэтому переводчики должны быть готовы к постоянному обучению и профессиональному развитию, чтобы эффективно справляться с вызовами, возникающими в области кибербезопасности.

В заключение, следует отметить, что для обеспечения высокого уровня этики в переводе в сфере кибербезопасности необходимо активное сотрудничество переводчиков с экспертами в области технологий и права, а также постоянное повышение их квалификации. Это позволит не только улучшить качество перевода, но и способствовать созданию более безопасного и этичного цифрового пространства для всех пользователей.

Литература

1. Браун Т., Уоллес Р. *Secure Documentation: Guidelines for Translators* / T. Brown, R. Wallace. — New York: CRC Press, 2025. — 198 p.
2. Григорьева Н.С. Лексика киберугроз в межкультурной перспективе // *Язык и безопасность*. — 2020. — №1. — С. 10–22.
3. *Европейское руководство по этике и кибербезопасности: рекомендации* / ред. М. Hansen. — Брюссель, 2022. — 84 с.
4. Иванова Е.В. Перевод технических текстов: проблемы и решения // *Перевод и коммуникация*. — 2018. — №4. — С. 34–48.
5. Картер М. *Technical Translation and Localization for Cybersecurity* / M. Carter. — London: Routledge, 2021. — 290 p.
6. Норрис Д. *Кибербезопасность: принципы и практика* / Д. Норрис; пер. с англ. — М.: Изд-во «Техносфера», 2020. — 432 с.

7. Смирнова Л.А. Психологические качества переводчика и стрессоустойчивость // Практический перевод. — 2025. — №3. — С. 66–75.
8. Степанова А.В. Методики проверки терминологической точности в техническом переводе // Технический перевод. — 2024. — №2. — С. 23–38.
9. UNESCO. Ethics of Artificial Intelligence and Cybersecurity: Report. — Paris: UNESCO, 2022. — 56 p.

THE ROLE OF TRANSLATORS IN ENSURING ETHICAL STANDARDS IN CYBERSECURITY

Mironova A.V. e-mail: anna-eng@yandex.ru,
ANO HE “International Police Academy”
(Tula)

Annotation The article examines the role of translators in ensuring ethical standards in the field of cybersecurity. It emphasizes the importance of accuracy and correctness in translating information about cyber threats, protection methods, and legislative initiatives. The main ethical standards are discussed, as well as examples of ethical dilemmas that translators may encounter in their practice.

Keywords: cybersecurity, translators, ethical standards, ethical dilemmas